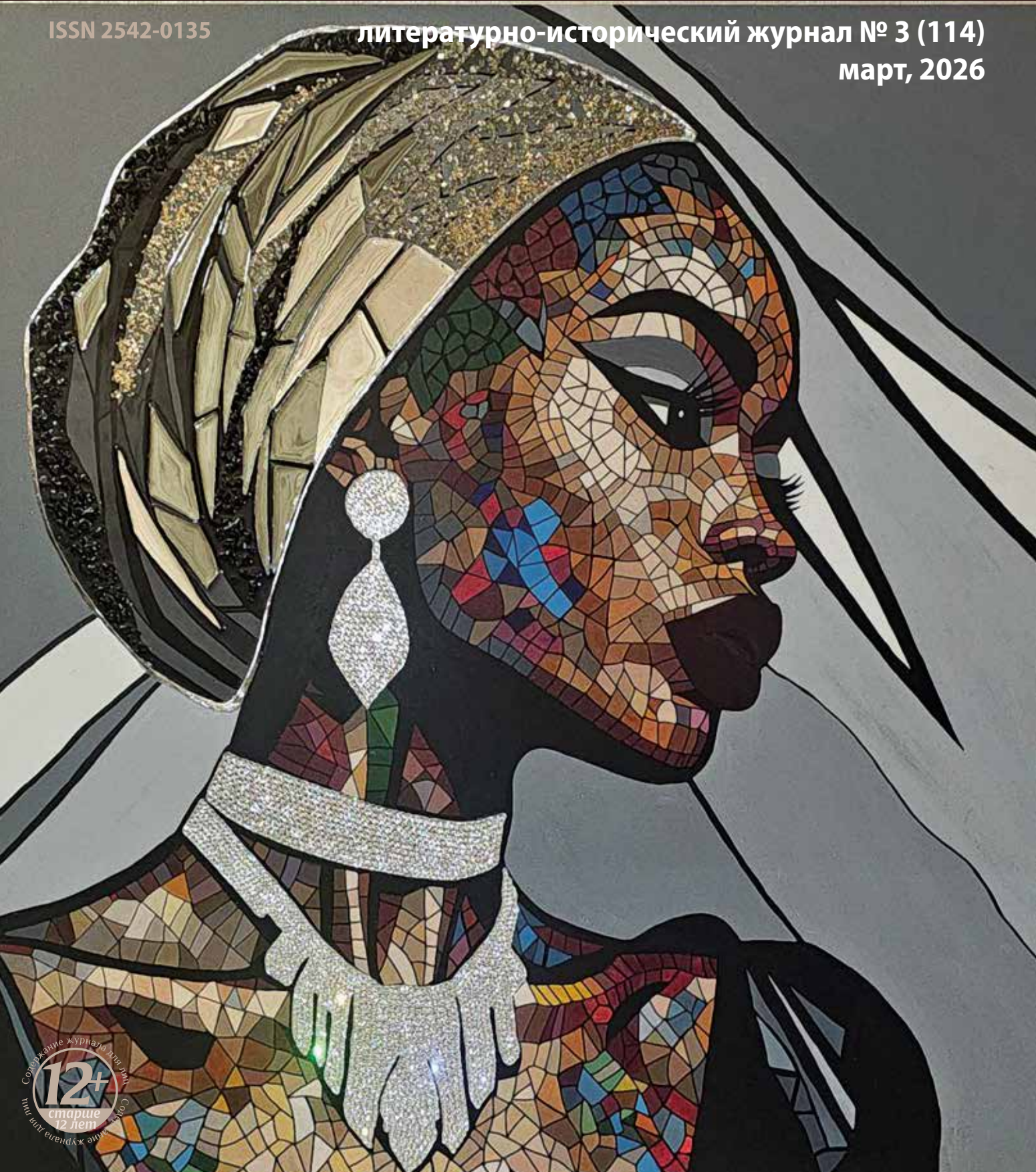

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 3 (114)
март, 2026

Содержание журнала для лиц
12+
старше
12 лет
Содержание журнала для лиц

ДОРОГИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЫ ПРЕКРАСНОЙ ПОЛОВИНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Традиционной стала долгая подготовка мартовского номера журнала «Александръ», который вбирает в себя лучшие произведения писателей-женщин за предшествующий год. По этой причине мартовский «Александръ» всегда прекрасен и лёгок в прочтении.

От лица нашего литературно-исторического журнала поздравляем вас с Международным женским днём! Этот праздник – прекрасный повод отдать дань уважения всем женщинам, которые своим талантом, красотой и мудростью делают наш литературный мир ярче и богаче.

Пусть вашим творческим порывам всегда сопутствует вдохновение, а страницы жизни будут наполнены радостью, любовью и гармонией. Пусть каждая строка вашей жизни будет написана с любовью и блеском, а каждое мгновение приносит только положительные эмоции и достижения.

Желаем вам неиссякаемого вдохновения, новых литературных открытий и ярких моментов! Пусть ваши мечты сбываются, а рядом всегда будут близкие и любимые люди.

**С любовью и уважением,
ваш «Александръ»**

**Анатолий ТРУБА,
главный редактор–директор**

**УВАЖАЕМЫЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ,
МИЛЫЕ ЖЕНЩИНЫ!**

От лица нашего института позвольте выразить самые искренние и тёплые чувства вам, ценителям литературно-исторического наследия, и поздравить с Международным женским днём! Этот день наполнен особым смыслом и теплом, ведь он символизирует признание неоценимой роли женщины в нашей жизни, а в данном случае в литературе.

В этот день мы особенно остро чувствуем, как важна каждая из вас в нашей жизни. Вы – музы, светила, озаряющие этот мир своей добротой, красотой и мудростью. Вы – воплощение грации и мудрости, хранительницы домашнего очага и вдохновительницы великих дел. Именно ваши нежные руки создают уют и гармонию, а ваши сердца наполнены добротой и состраданием. В вас сочетаются нежность утренней зари и сила древних традиций.

Пусть каждый ваш день будет наполнен светом и радостью, как страницы лучших литературных произведений, где каждая строка воспевает вашу красоту и величие. Желаем вам вдохновения, как у великих писательниц прошлого, и счастья, которое воспевали поэты всех времён.

**С любовью и уважением,
Татьяна БУТОВА,
директор Института
открытого образования
Финансового университета
при Правительстве РФ**

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), ответственный секретарь Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), секретарь Союза писателей России;

Н. А. МАКАРОВ (Тула), член Союза писателей России, майор медицинской службы в отставке;

И. И. ВОЛКОВ (Мичуринск), председатель правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора

«Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), член правления Союза писателей России, председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 3 (114), март 2026 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.03.2026 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

На обложке: Лаура Чикваидзе. Королева континента. 90×90 см, 2025 г.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии «СТРОКИ», г. Воронеж

Тел. 8 (980) 542-01-78, <https://stroki.ru/>

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ЗА МИЛЫХ ДАМ!

- 6 Виктор Алимин
8 Алексей Анастасьев
10 Елена Боганова
12 Людмила Глущенко
13 Нина Дубовицкая
14 Анна Паршина

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 15 «Красота и любовь способны спасти мир»

КРИТИКА

- 20 Нина Ищенко.
Платоновское влияние в «Очарованном страннике» Николая Лескова

МИНИАТЮРЫ

- 23 Александра Мазуркевич.
Зимнее чудо

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 26 Алина Тайга
30 Натали Донч
33 Наталья Меркушова
39 Наталья Змеева
42 Анфиса Третьякова
45 Зинаида Кокорина
48 Екатерина Громова
51 Жанна Ташма
54 Виктория Комарова

ИМЕНА РОССИИ

- 57 Татьяна Осинцева.
Светлое имя – Флорентий Павленков

ПРОЗА

- 59 Инна Путилина.
Рассказы

ЛИРИКА

- 64 Кристина Колобаева
66 Кристина Денисенко
69 Татьяна Колесникова
70 Екатерина Крутихина

ЖИТЕЙСКОЕ

- 71 Инна Игнаткова.
Я нормальный!

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

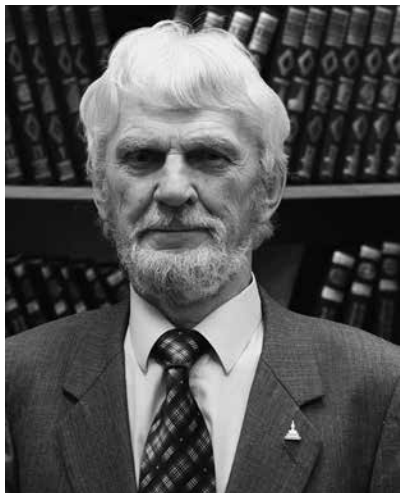
- 83 Марина Шеремета.
«Господь среди нас. Есть и будет»
87 Татьяна Грибанова.
И хлынет в душу первородный свет...
91 Екатерина Медведева

ПРЕОДОЛЕНИЕ

- 93 Оксана Сидоренко.
«Наш мир – это внешнее отражение нашего внутреннего состояния»

Вкладка – работы художников
творческого объединения ART VUE

Виктор АЛИМИН

Виктор Алимин родился в Москве в 1947 году. Член Союза писателей России (МГО). Автор 14 книг поэзии. Печатался в 30 поэтических сборниках, а также журналах и газетах. Имеет несколько наград (крест и медали).

Виктор Алимин – незаурядная личность как по своим человеческим качествам, так и по выдающемуся поэтическому таланту, который в полной мере отражён в его великолепной лирике. Он является лучшим лириком нашего времени, его называют «отрадно-новским соловьём».

Главная особенность его поэзии – это страстная, чувственная, великая любовь к красоте жизни, к её величию в любом деле.

Его поэзия музыкальна, глубока по темам, разнообразна, удивляет поэтической фантазией. Победитель и лауреат городских, всероссийского и международного конкурсов. Номинант премий «Русь моя», «Наследие» и др.

Председатель ЛИТО «Отрада».

ПРАЗДНИЧНОЕ. ПРЕКРАСНЫМ ДАМАМ!

Наши женщины, нет вас краше,
Я сегодня желаю вам,
Чтоб цветущая юность ваша
Лёгкой яхтой шла по волнам.

Чтобы негой дышало море,
Обдувал тёплый бриз лицо,
Чтоб вдали исчезало горе
И исчезло в конце концов.

Чтобы радость всегда светила,
Как в ночи «друзья-фонари»,
Необъятная, как светило,
От одной до другой зари.

Чтоб любовь была неба шире,
Вот и счастье чтоб ей под стать,
Чтоб в весеннем цветущем мире
Веки вечные не умирать.

И конечно, сама удача
Вам вослед дельфином плыла,
И надежда с верой тем паче
В сердце вашем всегда жила.

Чтобы утром вставая, краше
Были вы Галатей той.
С днём весны, дорогие наши!
И любви вам, любви золотой!

НАШИМ НЕНАГЛЯДНЫМ!

Наши милые, с праздником вас!
Этот день – пусть он будет прекрасен!
Счастья вам – чтобы слёзы из глаз,
Но чтоб взор ваш и чист был, и ясен!

Слёзы вымоют пусть все печали
(В очищенье не будет греха),
Как мы мало вам слов расточали,
Разве строчкой скупого стиха...

У мужчин то дела, то заботы.
Ждёте вы, проводив нас в поход.
И проходят, бегут ваши годы –
Участь вечная всех Пенелоп.

Вы надежды с надеждою сеете,
 Вскодов лучших заждались давно.
 Из походов плывут Одиссеи,
 И Ясоны везут вам руно...

...Путь свой сверив по звёздному абрису,
 Сквозь тоску, через холод и зной
 К одному и любимому адресу
 Мы спешим к ненаглядным домой.

А иначе бывает ли разве?
 Ведь у нас в жизни всё пополам...
 Мы желаем счастливого праздника,
 С днём весны и любви вечной вам!

ДВОЕ

Как во сне, не замечая лужи,
 Шёл мужчина, распахнув пальто,
 Был он, видно, никому не нужен,
 И ему не нужен был никто.

Только вот, возникнув ниоткуда
 (Странные случаются дела),
 Женщина, похожая на чудо,
 Подошла и за руку взяла.

Восхищённый этою красою,
 Ей в глаза с восторгом посмотрел
 И, взмахнув, как крыльями, полою,
 Улыбнулся вдруг и... полетел.

И она вспорхнула, словно птица,
 Устремляясь в голубую высь.
 И уже у неба на границе
 Встретились они и обнялись.

Там, вверху, они вдвоём парили.
 К небесам свой направляя взгляд,
 Все, кто видел это, говорили:
 «Как красиво лебеди летят».

НАЧИНАЮСЬ С ТЕБЯ ДАЖЕ Я

Босиком, в нежных красках рассвета
 Ты бежишь, все ветра обогнав,
 И с тебя начинается лето,
 Шум дубрав, речки плеск, шелест трав,

И жужжание пчёл, и цветенье
 Нежных лилий и флоксов в саду,
 И весёлое птичье пенье,
 И день, самый счастливый в году.

А ещё будет запах сирени,
 И в ночи – трель в кустах соловья,
 И, конечно, без всяких сомнений,
 Начинаюсь с тебя даже я...

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ

Елене Никольской (Енике)

Ах как сладок запах утра мая!
 Радует сирени нежный цвет.
 Я минут пленительней не знаю,
 Лучше их на свете просто нет.

День июньский, он так щедр на краски,
 Васильками светятся луга.
 Ароматы как из детской сказки
 Источают копна и стога...

А в июле вечер нежит тело,
 Свежий дух нам головы кружит.
 Солнце за горой неспешно село,
 И прохлада на полях лежит.

В августе особенные ночи,
 Ворожит таинственность небес.
 Звездопад нам счастье напороочит,
 Зачарует тихой песней лес.

Только знаю, осенью ненастной
 Нам всего дороже и родней
 Светлый образ женщины прекрасной,
 Сотканный из ниточек дождей...

Алексей АНАСТАСЬЕВ

Алексей Анастасьев родился в селе Польшное Ялтуново Рязанской области. Проживает в городе Щёлкове.

Является автором двух поэтических сборников: «Ялтуновский перепляс» и «Тебе поведаю как другу». Неоднократно печатался в периодической печати, в журналах «Поэзия», «Вместе». Член ЛИТО «Северные зори».

С ПРАЗДНИКОМ!

Я не лечу с тобой на солнечный Пхукет,
Я не гуляю там с тобой по райской тропке,
Но я дарю цветов любви большой букет
И комплиментов шоколад в большой коробке.

Не попаду с тобой сегодня на банкет,
Но опрокину за любовь и нежность стопку.
Я заверну в свои желания букет
И бантик нежности пришпилю на коробку!

Сложу подарки в яркий праздничный пакет,
Перед тобой я и сейчас немного робкий.
Прошу принять моей любви большой букет
И поцелуи на десерт в большой коробке!

НЕ ТАКАЯ

Лето тратило пыл с лихвой,
Отвергая соблазн наживы.
Этот век не такой и плохой,
Просто злой и порядком лживый.

Можно грусть растворить в вине,
Можно лаской её уменьшить,
Только мало осталось в стране
Бескорыстно душевных женщин.

Перебор в накладной красоте.
Пряность фальши юнцы вкусили.
Мне ж нужна не такая, как все,
Нынче спрос на простых в России.

Невозможно сто тысяч найти
Настоящих, по-русски милых,
Потому постоянно в пути
Пассажирский Смоленск – Курилы.

Я прочёл их в тебе одной –
Кротость, нежность, что в душу влиты.
На последнем отрезке прямой
С перестроечным веком квиты.

Оторочен запретной канвой
Омут страсти, где больно-сладко,
Ты готова в него с головой,
Я с восторгом на это падкий.

Осень гроздьями красит рассвет,
Ей трудиться до самой стыни.
Я нашёл не такую, как все,
И в тебе, и в большой России.

БЛАГОДАТНЫЙ СВЕТ

Где-то ветер злится так, что мёрзнут птицы,
Он тобой не болен, потому и груб,
Мне же будут сниться тёмные ресницы
И рисунок спелых, самых нежных губ.

Солнышко упало в чашу краснотала.
Ты комета света, на тебя лечу,
Для полёта стало дня и ночи мало,
Утро обуздаю, вечер прихвачу.

Не выносят годы мерзостей погоды.
От тебя исходит благодатный свет,
Поздней страсти восходы размыкают своды
И стремятся выйти за орбиту лет.

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ

Красавицы столиц и сёл,
Я приболел сегодня малость,
Но ради вас готов на всё
Тем свежим, что во мне осталось.

Берёзки тёплое манто
Меняют на простое в блёстках.
Я благодарен вам за то,
Что пережил на перекрёстках,

Когда встречал внезапно вас
На тех из них или на этих.
Вы привлекательны анфас,
С других сторон и даже с третьих.

Обидно – виделись давно,
Зима под нож, и март стекает,
Букетом зрелое вино
Мужчин солидных привлекает.

Весенний праздник. Спрячьте грусть,
Откройте сахарные плечи –
Как только в прозе отлежусь,
Поздравлю каждую при встрече.

**Елена
БОГАНОВА**

Родилась 8 марта 1961 года в Москве.

Автор-исполнитель песен на свои стихи и стихи современных поэтов. Автором написано около 80 песен на собственные стихи и в соавторстве с современными поэтами.

ТА ЖЕНЩИНА-ПОЭМА

Та женщина – ей грустно вечерами,
Красива и талантлива вполне,
Гуляет тихо в сумерках, дворами,
Лаская взглядом свет в чужом окне.

Та женщина смешлива и серьёзна,
Звенит хрустальный голос в тишине,
Произнося, что никогда не поздно
Искать свой путь при призрачной луне.

Когда молчит – в ней музыка играет,
Когда поёт – тот звук и чист, и свеж,
За ней, следов других не замечая,
Стихи глыбнут на облаке надежд.

Та женщина не мыслит осторожно,
Нет у неё любви, подруг, друзей,
Есть мир, в котором разное возможно –
Жить ярко или тускло, без затей.

Ей очень бы хотелось веселиться,
Петь страстно, громко, мыслить
без прикрас,

Но чаще ей приходится молиться,
Чтобы судьба не разрушала нас.

Та женщина не ангел и не демон,
Обычная, прекрасная, своя...

Она проходит мимо, как поэма,
Всем антирифмам противостоя!

ОНА

Она жила, работала, любила,
Детей растила, пироги пекла...
И время пролетало, трудно было,
Но интересно жить –
Она жила!

Она смеялась, пела и творила,
Мечтала, счастья для себя ждала.
Но никогда она не говорила, что трудно жить,
И, жизнь любя, жила!

От близких ожидала уваженья,
А от мужчин – признаний и цветов,
Жила она светясь, без сожаленья
Дарила счастье, дружбу и любовь.

Летело время днями и часами,
Бывало недостаточно минут,
Но ясно понимала – люди сами
От жизни иногда чего-то ждут...

Не ждите ничего, сейчас живите!
Тогда вокруг не будет темноты!
Творите, смейтесь, радуйтесь, любите!
А кто она?
Быть может, это ты?

ЧТО ПОЖЕЛАТЬ 8 МАРТА?

Что пожелать 8 марта?
Не угадать желанья все...
Кому-то хочется азарта,
Кому-то – прыгать по росе...

Чего желать, когда все рядом,
Очаг домашний греет вновь,
Когда родным согрет ты взглядом,
А в доме счастье и любовь?..

Желаю всем тепла и света!
Здоровья, радости, добра!
Красы желаньем дух согретый
В просторы гонит пусть с утра!

Пусть благосклонней год от года
К вам будет госпожа Судьба!
Одарит милостью природа,
И жизнь... не будет пусть груба!

КОСИЧКИ

Всё пройдёт. И это пройдёт.
Соломон

Когда-то заплетали нам косички –
Банты мальчишки дёргали смеясь.
Повырастали милые сестрички
И волосы остригли, не боясь.

Причёски потихоньку поменяли:
Каре, каскад, аврора и эссон...
Но пряди быстро вдруг седыми стали,
Вновь подбирать приходится фасон.

Как время, проходя, на вкус влияет,
Так и природа – знай своё берёт!
Теперь мы опытни – любая знает,
Как причесаться, что кому идёт.

Хоть часто перед зеркалом мы видим
Совсем не то, что хочется теперь,
Уж не грустим, коль кто-то нас обидел,
Повесив Соломона мысль на дверь.

Но всё ж не станем времени подвластны!
Пусть годы наш характер не сотрут,
В глазах улыбок искры не погасят,
Косички в душах нам не расплетут!

ДОЧКИ-МАТЕРИ

*В какой-то момент жизни дочери
становятся мамами своим мамам.*
Размышления автора

В жизни так бывает – время наступает,
И взрослеют дочери тогда.
Как-то незаметно, быстро вырастают
И мудреют вмиг не по годам.

Матери порою могут не заметить –
Стали дочери мамами для них.
Дочери же знают, что за мам в ответе,
И заботой окружают их.

Несмотря на то, что дети есть и семьи,
Помнят, что ответственные теперь.
Никого, бесспорно, не жалеет время,
Годы, не щадя, ломают дверь.

Дочки дорогие, милые, родные,
Счастья вам и твёрдости души!
Мама постареют – радости земные
Отобразить природа поспешит.

В зеркале ход жизни вместе наблюдаем,
Время движется, приходит срок –
Тот, когда невольно с вами получаем
Очень важный жизненный урок.

И опять, и снова время наступает,
Дочки вырастают вновь, и вот
С мамами местами время их меняет,
Ведь таков судьбы круговорот!

ВЕСНА НАДЕЖДЫ

Весна! Как хочется надеяться и жить!
И возрожденье наблюдать, и верить,
Что будем мы смеяться, и любить,
И расстояния в дорогах мерить!

Как радостны события весной –
Победа, Пасха, Женский день, День смеха!
Март и апрель, май грозный, дождевой
В душе откликнутся весенним эхом.

Весна-красна торопится, не ждёт,
Бежит дождём,
Спешит она ручьями.
Она должна, известно наперёд,
Жизнь разбудить, зашелестев ветвями!

Весна! Мы будем петь, дружить, любить,
Увидим яркость дней в её сиянье,
Поймём, что миром нужно дорожить,
Чтоб не было ни войн и ни страданий!

Нина ДУБОВИЦКАЯ

Член Союза писателей
России, руководитель
ЛИТО «Ясноцвет».
С 1987 по 2001 год – член
ЛИТО «Трёхгорка», с 2002
по 2007 год – член ЛИТО
«Наша Пресня» при Союзе
писателей России. С 2008

по 2015 год – член клуба «Московский Парнас».
Автор 20 сборников стихов. Редактор-состави-
тель восьми поэтических сборников, выпущен-
ных ЛИТО «Ясноцвет», участница многих поэ-
тических сборников.

МАМЕ

Чудеса любви в душе храня,
Помню, что не мёдом и малиной
Вылечила матушка меня
От сорокаградусной ангины.

В дни горячей немощи моей
Мама от меня не отходила,
Солнышко рассветное при ней
И нежней, и ласковой светило.

Мамина улыбка, мамин взгляд,
Ласковой руки прикосновенье –
Всё, как в доброй сказке, шло на лад.
Всё дарило мне выздоровленье.

Наше небогатое жильё
Показалось мне светлицей рая.
«Матушка, ты солнышко моё!» –
Я шептала, маму обнимая.

Торжествует истина веков –
В свете солнца всех цветов единство.
Главное в основе всех основ –
Солнечная радость материнства.

АНГЕЛ ВАШ...

По своей бездонной гордости
Оказалась я больной.
Ангел Ваш глазами совести
Разговаривал со мной.

Ненавязчиво упрасивал
Не исчезнуть в чёрном сне,
Миражи мои раскрашивал
На небесном полотне.

Освещало пламя факела
Белоснежную кровать.
Что Вы так похожи с ангелом,
Я не смела раньше знать.

Он пригладил мои волосы
Вашей ласковой рукой,
Тихо, тихо Вашим голосом
Разговаривал со мной.

НЕЖНЫЙ ЛАНДЫШ

На картине ландыш молодеет...
В свете голубого хрусталя.
Он давно душой моей владеет,
Неказистый быт со мной дела.

Вот такое странное явленье –
С каждым годом ландыш всё нежней,
Трогает моё воображение –
Мне не скучно в комнате моей.

Утончённый образ возвышает,
И душе не страшно на краю.
И того, кто по земле скучает,
С каждым годом я нежней люблю.

Нежный ландыш всех цветов дороже,
Он сродни таинственной мольбе.
Я живу любовью невозможной,
Самой невозможной на земле.

Анна ПАРШИНА

Анна Паршина родилась в селе Польное Ялтуново Рязанской области.

Член Российского союза писателей, член Союза писателей России. Руководитель ЛИТО «Северные зори».

Автор шести поэтических сборников. Печаталась в журналах «Поэзия», «Антология одного стихотворения» и «Вместе».

В настоящее время живёт в Москве.

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Мороз отступает, врывается праздник,
Лежит белый снег, но повсюду цветы,
И запахи роз ароматами дразнят,
Поэты ночами готовят стихи.

Для женщин России, для мам и для дочек,
Кто славится нежностью и красотой,
В чьих щедрых сердцах, что доказано точно,
Живёт необъятная всеми любовь.

Улыбчиво солнце купается в небе,
С пригорков сбегают ручьи, чуть звеня.
Блаженствуют женщины в праздничной неге,
Улыбки на лицах о том говорят.

Мужчины желают с надеждой и верой
Сбываться несбыточным женским мечтам
И ранней весной словами и делом
Возносят до звёзд своих преданных дам.

А женщины, женщины счастьем сверкают,
Глаза их от радости чувствами жгут.
День женский прекрасен и потрясающ,
Пусть будет таким весь их жизненный путь!

БЕРЕГИТЕ СВОИХ МАТЕРЕЙ

Я читала у классиков часто:
«Берегите своих матерей».
Знала, мама для каждого счастье,
И спешила к ней, маме своей.

Мама всех нас ждала днём и ночью,
Всем желала хорошей судьбы.
А встречая, твердила мне: «Дочка,
Не жалей, что ко мне едешь ты.

Заграница останется вечно,
А родители скоро уйдут
И у церкви, над быстрою речкой,
Навсегда свой покой обретут».

С ней о детях болтали часами,
И кружило вокруг вороньё.
И мы обе доподлинно знали –
У детей часть сердечка её.

Нестерпимо всегда было больно
Маме, если родное дитя
Кто-то словом обидел невольно
В раннем детстве и годы спустя.

Мама с каждым душой была рядом,
Божью Матерь на помощь звала.
Дети – женскому сердцу награда,
Пусть за каждого слёзы лила.

У меня, к сожалению, всё в прошлом,
Лишь во сне рвусь я к маме своей.
Поспешите к ним, если возможно.
Берегите своих матерей...

«Красота и любовь способны спасти мир»

Любовь ВАСИЛЬЕВА, куратор творческого объединения «ART VUE». Санкт-Петербург, город, который Любовь Васильева считает самым прекрасным на земле, является её домом и местом рождения. Она со смущением говорит, что она художник, несмотря на отсутствие формального художественного образования. Любовь училась в Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства (СПбГАТИ) по специальности «Театроведение». Она признаётся, что до сих пор не может решить, какая любовь – к театру или к живописи – была первой и более сильной.

«Когда я рисую, я ухожу в те миры и пространства, которые создаю на холсте. Наверное поэтому, я так часто рисую очень ясное небо, море или вовсе розовое в крапинку небо. Я люблю мой город, но мне так не хватает солнца. И любви. Я хочу, чтобы мои картины будили воображение и уносили в дальние дали. Рисовать я любила с детства, а времени на это катастрофически не хватало, – делится Любовь. – Но жизнь непредсказуема. Полтора года назад я пережила смерть единственного сына. Мой мир рухнул. Я оставила работу и закрылась от всего мира в своей крохотной мастерской. Я в обломках старого моего мира сделала норку, поставила туда мольберт и начала рисовать каждый день по многу часов, до изнеможения, до боли в глазах. Я писала сына, вновь погружаясь в тот счастливый день, проведённый на поляне, полной земляники. Это был один из самых радостных моментов моей жизни, и я хотела продлить его бесконечно.

Наш мозг формирует реальность, в которой мы обитаем. И я осознала, что живопись – это мой единственный способ создавать миры, свободные от боли, миры, которые по-настоящему мне нравятся. Я хочу, чтобы зрители тоже могли перенестись в иные реальности, полные любви, радости, умиротворённой грусти и красоты, гармонии».

Творчество Любви лишено единого стиля, что отличает её от традиционно мыслящих художников. Каждое произведение – это непосредственный отклик на ее внутреннее состояние или пережитые впечатления.

В декабре 2025 года Любовь получила приглашение от Марины Дегтярёвой, основательницы творческой группы ART VUE, стать куратором выставок. Это событие стало ещё одним важным шагом на пути к новой главе её жизни, подарив ей энергию, возможность общаться со множеством интересных людей и участвовать в выставках, таких как «Уникальная Россия» в Гостином дворе в Москве, «Вселенная женщины» и «Океан в капле», проходивших в особняке Брюллова в Санкт-Петербурге.

«Я верю, что красота и любовь способны спасти мир, – говорит Любовь. – Если не весь мир, то мир каждого отдельного человека. Спасли меня. И я хочу делиться этим».

Чикваидзе Лаура Амирановна, художник декоративно-прикладного искусства, – удивительно яркая, красивая женщина, вокруг которой мгновенно образуются вихри энергии! А те, кто знают её ближе, поражаются силе характера и огромной доброте.

У неё нет академического диплома и «правильной» школы, но есть настойчивое внутреннее зрение. Она говорит о себе так: «Я самоучка, я каждый раз заново изобретаю для себя школу, выбираю материалы интуитивно и отвечаю только перед работой. В этом и есть моя свобода, но именно она мне позволяет привносить новое: соединять живопись с отражением, орнамент с философией, декоративное с этическим. Люблю, когда картина реагирует на движение зрителя и каждый раз выглядит иначе. Так я напоминаю себе: реальность многогранна. В картине «Легенда» – портрет лошади не как животного, а как судьбы, собранной из дисциплины, побед и прожитого света.

Взгляд – не «в кадр ради эффекта», а сквозь зрителя: как у того, кто много видел и давно понял цену шуму. В нём есть страсть, но это страсть не вспышки, а внутреннего огня – собранного, управляемого, знающего меру.

Грива – главный драматург работы. Она разложена на геометрические пряжи-плоскости, между пряжами вшиты зеркальные элементы: осколки отражают не только пространство, но и историю – арены, свет софитов, тень конюшни, лица людей, которые приходят и уходят.

Сбруя – как орденская лента: она не давит, а утверждает статус. Ремни и пряжки прописаны с уважением к ремеслу как к этике: всё функционально, всё на своём месте. В местах касания металла и кожи появляются акценты – стразы, собранные в точечные вспышки.

Цветовая логика «Легенды» строится на балансе строгости и роскоши. Философия здесь в том, что победы не превращены в позу. Призовая лошадь показана как существо, которое не принадлежит шуму наград: оно принадлежит пути. В «Легенде» ощущается опыт – не усталость, а знание меры, когда страсть становится формой, а сила – спокойствием. Это работа о достоинстве, которое не блестит на-

показ, но всё равно сияет: потому что в нём есть смысл.

В другой же моей картине, «Королева континента» (на обложке журнала) изображена африканка. Для меня это о короне без металла, о выдержке, памяти и форме. «Континент» в названии не география, а масштаб человеческого достоинства, которое не объясняется, а существует. Стразы в украшениях дают точечный свет. Это не роскошь ради роскоши. Это как само объявление: «Я здесь». Каждая искра фиксирует границу видимости – ту, которую женщина устанавливает сама. Тюрбан с зеркальными элементами работает как мысль в материале. Зеркало всегда обещает «истину», но дробит её на фрагменты. И вместо одного ответа возникает множество отражений. И это важно – личность не сводится к одному определению, как бы удобно это ни было. Это портрет женщины, которая не объясняет себя миру, а присутствует в нём.

В своих картинах я напоминаю себе: реальность многогранна, и в каждом отражении есть шанс на обновление.

Лаура Чикваидзе.
Легенда. 130 х
130 см, 2025 г.

Любовь Васильева. Прочь. 70 х 50 см, х., м., 2025 г.

Любовь Васильева. Сорока. 60 х 40 см, х., м., 2025 г.

Мэри Саруханян. Юность души.
40 x 60 см, сухая пастель, 2025 г.

Мэри Саруханян. Тепло советских вещей.
40 x 50 см, смешанная техника

Лариса Лян. Карелия. Х., м., 40 x 50 см, 2025 г.

Лариса Лян. Дух Воотоваары.
Х., м., 80 x 60 см, 2025 г.

Мэри Саруханян – художница и дизайнер одежды, родилась 8 декабря 1998 года в Москве. С детства увлекалась рисованием и уже тогда почувствовала притяжение к миру искусства. Училась в школе № 25 имени Черемухина. Получив образование в Международном колледже бизнеса и дизайна и университете «Синергия», она открыла для себя богатый мир красок и текстиля.

Особое внимание Мэри уделяет работе с гипсом, создавая рельефные скульптуры рук, пастелью на ДВП, картины маслом на холсте в разных стилях – от реализма до абстракции, которые символизируют человеческие эмоции и переживания. Каждое произведение – это маленькая история, отражающая внутренний мир человека. Она умеет передавать тонкие эмоции и настроения, погружая зрителя в мир своих картин.

Выразительны её работы с гипсовыми руками. «Руки» Мэри – это не просто детали, а целые персонажи, отражающие радость, грусть, страх и другие чувства, которые испытывает человек. Скульптуры рук подчёркивают индивидуальность каждого человека и напоминают, что у каждого есть своя уникальная история.

Живописные работы Мэри выполняются преимущественно маслом и пастелью, где она виртуозно пользуется игрой света и теней, чтобы подчеркнуть характер персонажей и атмосферу произведения.

Она создаёт искусство, которое резонирует с чувствами и переживаниями зрителей.

Параллельно с живописью Мэри занимается дизайном одежды. С 14 лет она шьёт свадебные, вечерние и повседневные платья, непрерывно совершенствуясь в мастерстве. Её карьера дизайнера началась с курсов в Люблинском дворце культуры, где она обучалась четыре года, а затем продолжала своё обучение индивидуально с дизайнером.

Сейчас Мэри активно работает как художник и дизайнер, покоряя сердца зрителей и заказчиков уникальным стилем и вниманием к деталям.

Лариса Лян

родилась в живописном уголке Московской области, сейчас живет и работает в Москве.

Тяга к рисованию проявлялась с детских лет, отец приобщал её к искусству через музеи живописи. Мечта стать художником воплотилась гораздо позже. Сейчас Лариса Лян – член

Профессионального союза художников России, куратор выставок творческой группы Art Vue, участник и лауреат международных конкурсов.

Лариса творческий человек – работала дизайнером головных уборов, упаковки в разные периоды времени. Обучение проходила, посещая уроки профессиональных преподавателей, а также онлайн-курсы живописи.

Свобода самовыражения, вдохновение от красоты природы, человека, его силы, внутренняя гармония, самосовершенствование, – эти темы волнуют и вдохновляют Ларису. Она пишет пейзажи, анималистку и сюжеты в стиле фэнтези. В картинах передает своё видение и философию мира – от поступков, ситуаций, до глубинных слоев восприятия. Использует реализм и фэнтезийные, мистические образы, символизм.

ПЛАТОНОВСКОЕ ВЛИЯНИЕ В «ОЧАРОВАННОМ СТРАННИКЕ» НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА

Нина ИЩЕНКО,
г. Луганск

Философские смыслы русской литературы всё чаще привлекают внимание исследователей. Произведения классиков русской прозы XIX века оказываются связаны с традиционной культурой, где религиозные, философские и антропологические идеи выражаются в образах, имеющих реалистический характер и символический аспект. Особенно плодотворным в этом плане представляется исследование произведений Николая Лескова, уделявшего большое внимание религиозным и философским темам в своём творчестве. Поскольку писатель интересовался философией Платона, поиск платонического влияния в его произведениях является актуальной задачей как литературоведов, так и философов.

ПЛАТОНОВСКИЕ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕСКОВА

Середина и вторая половина XIX века были в России временем пробуждения интереса к Платону и его наследию. Многие идеи и интенции платонизма были заимствованы древнерусской культурой вместе с византийским наследием, однако именно в период жизни Лескова усвоение Платона переходит на новый уровень. Под влиянием популярных в России философских систем Гегеля и Шеллинга, высоко ставивших Платона, появляются переводы платоновских текстов и комментарии к ним.

Лесков всегда интересовался идеями Платона. Книга «Платон в изложении Клифтона Коллинза» (СПб., 1876) была в личной библиотеке писателя. Анна Петрова в своей диссертации определяет несколько константных тем лесковского творчества, в которых заметно влияние Платона: знание как припоминание виденного в другой форме бытия, смерть и посмертное

существование души, доступность философской истины каждому человеку, праведнический образ жизни. В текстах Лескова также неоднократно говорится о двойственности Сократа, сочетающего возвышенные и сниженные черты.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ЛЕСКОВА

Писатель также сознательно использовал сократический метод. Особенно значимым в этом отношении является диалогическое построение произведений Лескова, оформленных как рамочный диалог, задающий ситуацию спора и полемики, причём основное содержание рассказа подаётся как своего рода реплика в споре, пример, подтверждающий мнение одной из сторон. В результате создаётся неоднозначный контекст для истолкования рассказанного случая, и в этом контексте обсуждаемые нравственные понятия обращаются к читателю разными сторонами, что соответствует приёму синкризы в сократическом диалоге, как указывает Анна Петрова.

ТРИ УРОВНЯ ВЛИЯНИЯ ПЛАТОНА В «ОЧАРОВАННОМ СТРАННИКЕ»

Произведение «Очарованный странник» было опубликовано в 1873 году, в период создания основных произведений Лескова с рамочным диалогом. Влияние Платона в этом тексте заметно на уровне его построения, а также на уровне темы и сюжета.

«Очарованный странник» – произведение с рамочным диалогом из цикла «Праведники». Черновые названия произведения «Русский Телемак» и «Чернозёмный Телемак» отсылают к «Приключениям Телемака, сына Улисса» авторства Фенелона. Также это название отсылает к античной культуре, к сюжету о путешествии сына Одиссея. Этот сюжет можно обобщить в сюжет о путешествии души, занимающий столь

важное место в неоплатонизме и гностицизме. Рассмотрим ближе эти аспекты.

Повесть построена диалогично и рассказывает о жизни праведника. Жизненный путь и жизненные принципы праведника, интересовавшие Лескова как человека христианской культуры, в произведениях Платона рассматриваются как принципы жизни мудреца-философа. Судьба Сократа, отдавшего жизнь за свои взгляды, не отступившего от истины и законов перед лицом смерти, имплицитно входит в содержание каждого из сократических диалогов Платона. Особое внимание теме сознательного подчинения личного поведения внеличному Благу Платон уделяет в диалогах «Государство», «Горгий», «Апология Сократа», «Федон». Одной из константных идей этих диалогов, повлиявших на разные школы неоплатонизма и гностицизма в последние века античной культуры, оказывается идея жизни как странствия и возвращения в небесное отечество праведных душ.

Эта идея была использована также в христианстве, где небесное отечество переосмысливается как дом Небесного Отца, куда попадают праведники. Очарованный странник Иван Флягин, главный герой Лескова, выступает как амбивалентный персонаж, отнесение которого к праведникам не может быть однозначным, что показывает и сам автор. В этом случае, когда христианские смыслы отступают на задний план, платоническое понимание жизни героя как странствия становится особенно актуальным.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В «ОЧАРОВАННОМ СТРАННИКЕ»

К метафоре пути отсылает уже название – «Очарованный странник». Главный герой повести носит разные имена: его настоящее имя Иван Флягин, при рождении ему дают прозвище Голован, а в конце жизненного пути, в монастыре, он принимает имя Измаил. Перед читателем разворачивается жизненное странствие Ивана.

Как замечает Андрей Ранчин, имя Иван отсылает к героям русского фольклора Иванушке-дурачку и Ивану-богатырю. Также это имя Иоанна Предтечи, в праздник которого в течение

жизни Ивана Флягина с ним происходят важные перемены. Фольклорная отсылка также работает в повести: Иван простодушен, как сказочный герой, и в то же время силен, как былинный богатырь. Он сталкивается с татарами – былинными противниками русских богатырей. В плену у татар Иван живёт обезноженный, что роднит его с Ильёй Муромцем, неспособным ходить и много лет пролежавшим на печи. Иван Флягин не раз демонстрирует силу богатырскую в разных ситуациях, а в конце жизни он хочет пострадать за народ, как былинный богатырь.

Иван безмерно силен и побеждает в любой драке, кроме того, он совершает ряд безусловно праведных поступков: отдаёт ребёнка несчастной матери, идёт в солдаты вместо другого человека, заступает за бедную актрису, хочет умереть за народ. Но в то же время в повести есть такие моменты, когда Иван выступает как отрицательный персонаж. Так, Иван сражается с татарами их оружием – плёткой – и оказывается у них в плену, что полностью исключено для былинного богатыря. Гибель голубя, которого кормил Иван, приводит его не к размышлениям о бренности бытия, как христианского праведника, а к мыслям о мести, которую он тут же и совершает, убивая кошку. Иван даже на склоне лет не испытывает раскаяния за убийство монаха, что невозможно для праведника.

Фамилия Флягин отсылает как к пьянству персонажа, так и к образу сосуда. В христианстве человек понимается как сосуд Божий, вместилище Божественной благодати. Флягина можно назвать одновременно и «сосудом непотребным», грешником, и «чистым, избранным сосудом», праведником.

Прозвище Голован Иван получил за большую голову, которая стала причиной смерти его матери в родах. Эта черта характеризует Ивана как былинное чудовище, так выглядит Идолище Поганое, с которым борется Илья Муромец. Эта характеристика подтверждается самой ситуацией, ведь первое убийство Иван совершил в первый же день своей жизни.

Монашеское имя Ивана Измаил имеет библейские ассоциации, и тоже двойственные. Так, буквально это имя означает «Да услышит

Бог», то есть подчёркивает связь героя с Богом, актуализируя тот факт, что Иван – моленный сын, его покойная мать долго его вымаливала. В то же время Измаил – сын патриарха Авраама и рабыни Агари, он постоянно противопоставляется благословенному сыну Авраама от Сарры, Исааку. Кроме того, Измаил был прародителем измаильтян, племени кочевников. В фольклоре так называются жестокие безбожные кочевники, разорители мирных поселений. Так на уровне монашеского имени главный персонаж оказывается связан и с Богом, и с безбожными татарами, изгнанными в пустыню.

Итак, перед нами двойственный персонаж, которого нельзя назвать праведником. Постараемся понять, что значит очарованность Ивана на его пути.

КОНЦЕПТ ОЧАРОВАННОСТИ МИРОМ В ГНОСТИЦИЗМЕ

Очарованный – это в первую очередь человек околдованный, зависимый от прелести этого мира, не владеющий собой из-за бесконечной впечатлительности, слабый при всей своей богатырской силе. Герой заморожен и пассивен в переломные моменты своей жизни. Он пленён плотским земным миром.

Пленённость героя земным миром в его жизненном странствии является ключевым концептом ряда гностических учений поздней античности. Гностические учения о восхождении души к высшему небу через астральные сферы повлияли на герметическую магию и каббалу, которые активно возрождались в эпоху Ренессанса и с тех пор, как показывает Френсис Йейтс, вошли в интеллектуальный багаж европейских мыслителей, даже отвергавших эти идеи в своём творчестве. Активное усвоение западного философского наследия в России XVIII–XIX веков ввело гностические идеи и образы в круг знаний российской образованной публики.

Гностическое мировидение воплощено в произведении, которое исследователи называют «Гимн Жемчужине», а в гностическом тексте он называется «Песня апостола Иуды Фомы в земле индийской». В этом позднеантичном

гностическом гимне рассказывается о сыне восточного царя, который покинул свой дом и отправился в Египет, чтобы добыть волшебную жемчужину. В Египте царевич оказался пленён земными и плотскими удовольствиями, красотой земли, уладами плоти и забыл о своём назначении. Несколько раз отец посылал ему знаки, призванные напомнить молодому человеку о его цели. В конце концов юноше удалось вспомнить, кто он и зачем он здесь, добраться до волшебного озера, забрать чудесную жемчужину и вернуться с нею в дом своего отца.

Этот сюжет гностики истолковывали как метафору странствия души. Каждая человеческая душа послана из высших сфер в этот мир плоти, не имеющий с ней ничего общего. Светоносный Бог, творец всей иерархии миров, отправляет душу человека в низший земной мир, где духовное вынуждено сосуществовать с плотским. Смысл человеческой жизни на земле заключается в том, чтобы поскорее сбросить с себя эти плотские одежды и вернуться в сверхкосмические области, к Небесному Отцу. Возвращение возможно, если человек владеет тайным знанием, гнозисом, который и символизирует волшебная жемчужина. Основная помеха, отвлекающая человека от его предназначения, – это очарованность плотским миром и погрязение в его соблазнах.

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК ИВАН ФЛЯГИН

Итак, очарованный странник – архетипический персонаж гностической религии, увлечённый красотой плотского мира и забывший дорогу в небесный дом. Этот же архетип мы видим у Лескова. Иван Флягин как моленный сын был обещан Богу, и с самого начала его жизненного пути ему был предназначен монастырь, дом Небесного Отца. В монастыре Иван и оказался в конце пути, претерпев множество мытарств из-за того, что увлекался и очаровывался жизнью, позволял ей вести себя, забыв о своём назначении. Сама концепция пути к истоку восходит к Платону, и этот путь исхождения и возвращения проходит и герой Лескова, очарованный странник Иван Флягин.

Числову
Виктору Митрофановичу

Александра МАЗУРКЕВИЧ

Утро в тот день выдалось морозное. Виктор надолго его запомнил. Молодой инженер-строитель по окончании института был направлен на работу в домостроительный комбинат города Электростали. Жил он тогда, как и многие другие молодые специалисты, в общежитии для сотрудников и их семей. Дорога на строительную площадку проходила мимо частных старых домов с покосившимися от времени деревянными заборами. Многие дома уже пустовали, окна и двери заколочены. Ни души, ни одного протоптанного следа на пути!

Снег скрипит под ногами пушистыми хлопьями, стараясь попасть тебе прямо в лицо, падают снежинки. Идешь быстрым шагом, поднимая повыше воротник тёплой куртки. Холодно! Вокруг тишина, и только отчетливо слышны твои шаги. Неожиданно среди этого белого безмолвия Виктор заметил лежащий на снегу небольшой цветок алого цвета. Откуда он здесь мог появиться – этакое чудо среди зимы?! Молодой человек наклонился. Это был бальзамин, он сразу узнал: такой цветок рос

когда-то в родительском доме. Уж очень любил его за необыкновенную красоту. Стоял он на специальной тумбочке возле окна, радуя своим цветением круглый год. Виктор расстегнул куртку, бережно укрыл свою хрупкую находку от непогоды, поспешил дальше.

В небольшом кабинете строительного вагончика, стоявшего здесь же, на площадке, нашлась стеклянная баночка. Налив воды, он опустил в неё цветок. В тепле и заботе бальзамин начал расти, появились тонкие, похожие на волоски корешки. Кто-то из коллег принёс из дома наполненный землёй глиняный горшок. Цветок аккуратно пересадили на новое место. Сколько радости своим цветением он доставлял сотрудникам!

Года через два Виктору предоставили однокомнатную квартиру. Красивый цветок переехал вместе с ним, теперь он стоял на широком подоконнике. Это был уже цветок, похожий на большой зелёный шар с алыми соцветиями на тонких веточках. Он словно приветствовал Виктора, благодарил за спасение морозным утром. Так и человек, подобно этому цветку, расцветает от добрых дел и поступков.

НАЧАЛО

Поэту Нине Поповой

Каждое лето две сестрички, Ниночка и Алёнка, приезжали в деревню погостить у папиной мамы, бабушки Прасковьи. Деревенские ласково называли её Пашей. Жила она одна, её муж Николай, дедушка девочек, погиб во время Великой Отечественной войны на Курской дуге, на Прохоровском поле.

Души не чаяла бабушка в своих внученьках. Дом просторный, деревенский, с настоящей русской печкой, в которой она готовила в чугушке необыкновенно вкусную еду, пекла душистый хлеб, аппетитные пирожки с начинкой из капусты и лесных ягод, а на столе в глиняном кувшине каждое утро стояло свежее парное молоко. Природа завораживала своей красотой. Бескрайние, раскинувшиеся вокруг деревни поля, заросшие цветами, да такими душистыми, что от них в знойный день кружилась голова, речка с прозрачной, почти хрустальной студёной водой, по берегам кусты рабит, свешивающих свои ветви, заросли камыша. Хорошо в деревне, дышится легко! Ребятишек много, скучать некогда! Дружила Ниночка только с мальчишками. С ними всегда весело, интересно, да и сама девочка не из робкого десятка, ничего не боялась, неспроста у местной ватаги сорванцов она была предводителем, настоящим атаманом. Ох и любили ребята поиграть в казаки-разбойники! Разделятся на две команды, разбегутся по деревне в разные стороны, да так попрячутся разбойнички, не найти казакам, только разве скроешься от зорких глаз атамана, убежишь от него...

Алёнке всего три годика, маленькая ещё, да и как её возмёмшь с собой в мальчишескую компанию. Вот и оставалась возле любимой бабушки Паши. Возвращалась после таких игр Ниночка домой обычно вся в ссадинах и царапинах, с вечно разбитыми коленками. Бабушка аккуратно все ранки промывала, где зелёной смазывала, где подорожник прикладывала, а потом девочка бегала перед ней и всё расска-

зывала, рассказывала, что за день произошло, всё никак успокоиться не могла.

Вечером все усаживались на крылечке деревянного дома. Был у Ниночки особый дар, с раннего детства она сочиняла стихи о том, что видела, что слышала её маленькая душа. Это были поэтические стихи-сказки о фантастических и добрых существах с других, неведомых планет, в которых добро всегда побеждало зло, о яблоньке с наливными яблочками, белоствольной берёзке, красном солнышке, что рано встаёт, ветерке-шалуне и речке-певунье, да так рассказывала всё в лицах, заслушаешься. Прасковья внимательно слушала. Алёнка обнимала ручками бабушку, а когда становилось страшно, даже слёзки пускала, прижималась к ней плотнее. Бабушка гладила рукой внучку по головке и, наверное, в эти минуты вспоминала и своё далёкое-далёкое детство. Выросла она девятым ребёнком в многодетной семье. Тяжело приходилось. Как же это было давно! Время летит неумолимо, вот уже и бабушкой стала двух очаровательных девочек, да таких хорошеньких и пригожих! Любила Прасковья их всем сердцем, наглядеться не могла!

Под Новый год в местной газете, в которой папа работал главным редактором, решили поместить фото детей. Вечером мама достала с полки семейный альбом, вместе стали перелистывать страницу за страницей. Приглянулась фотография, с которой смотрела весёлая девочка с большим белым бантом на головке, сидящая на стульчике с телефоном в руках.

– Папочка, мамочка, а можно я стишок расскажу про Новый год, я сама его сочинила, вы только послушайте, – спросила дочка.

В новогоднем выпуске газеты под фотографией улыбающейся девочки было напечатано стихотворение. Месяц назад Ниночке исполнилось пять лет.

Прошли годы, но в памяти ярко сохранились воспоминания безоблачного детства. Любовь к родной природе, любимой бабушке, её рассказам и сказкам о пережитой жизни стала источником вдохновения для Нины. Есть такие места на белом свете, которые невозможно забыть, куда хоть на мгновение так хочется всегда вернуться.

ОДИНОКИЙ ТОЛИК

Толик был одиноким человеком. По молодости женился, как он всегда говорил, по большой глупости, только в чём она заключалась, никто не знал. Глупость или нет, но две очаровательные дочки появились на свет буквально одна за другой, они были погодки. Рождение детей не спасло брак, он распался. Дочек Толик любил всем сердцем, помогал, заботился как мог, но время летит неумолимо. Девочки выросли, получили хорошее образование. Наступила пора взрослой жизни. Одна уехала в Москву, другая в Новосибирск. Виделись редко. Личная жизнь не складывалась, хотя женщины периодически появлялись в его холостяцкой квартире, но ни одна так и не задержалась. Соседи относились к нему с теплотой, уважением. Всегда аккуратно одетый, спокойный, рассудительный, в меру приветлив со всеми, никогда не конфликтовал, но ни с кем не дружил. Жил обособленно, в своём закрытом для всех мире.

Дом пятиэтажный, его квартира на солнечной стороне третьего этажа. Как уж так случилось, но он оказался единственным из всех жильцов, не застеклившим балкон. Соседи негодовали, предлагали хороших мастеров, но Толик стоял на своём, и никто из соседей не знал, что у мужчины появилась совершенно непонятная ему самому страсть к цветам и растениям. Весь балкон превратился в сад-огород. Рядами возвышались грядки с зелёным лучком, укропом и петрушкой, даже редисочка росла, но цветы были особой страстью, его любовью, это стало его смыслом жизни. Он их так любил, как можно было любить близких и дорогих людей. Ухаживал, поливал, подолгу разговаривал с ними. Главным условием для цветов было яркое солнышко, которое согревало бы их, именно по этой причине он и не застеклил балкон. Каждое утро Толик открывал дверь на балкон, вдыхал полной грудью аромат цветов, вечером мчался с работы, разговаривал с ними обо всём,

что накопилось на душе за день, садился на невысокую ступеньку, закуривал сигарету и любовался, любовался красотой.

Как-то вечером, вернувшись после рабочего дня, он заметил в углу паучка, запутавшегося в своей паутине.

– Да ты, брат, видимо, тоже запутался, как и я.

Толик смотрел на паучка, перед глазами мелькали картины прошедшей жизни. Со временем Толик привык к такому необычному соседству, разговаривал, даже ругался с ним, а потом стал подкармливать его: то муху бросит на паутину, то шмеля. Он рассказывал ему, о чём думал, о чём размышлял, про своих взрослых дочерей, которые уже успели выйти замуж. Паучок стал для него самым лучшим другом. Соседи удивлялись, они никак не могли понять, почему одинокий человек так спешит после работы домой, и никто в целом мире не знал, что он спешил к своим цветам, другу-паучку, которого он назвал Жирный.

Алина ТАЙГА

Литератор из Казахстана, г. Риддер. Образование музыкально-педагогическое. Автор четырнадцати сборников прозы и поэзии, победитель конкурса «Золотое перо Алтая», дважды лауреат международной литературной премии «Золотое перо Руси» (поэзия и проза). Член регионального литературного объединения «Звено Алтая».

Я ГОРЖУСЬ, ЧТО Я РУССКАЯ

Я горжусь, что я русская, слышите?
Те, кто русских марают в грязи,
Вы историю не перепишите,
Всё былое Руси исказив.

Мы веками живём по наитию,
С нами Бог и защита Небес,
Нас не нужно «учить», и «воспитывать»,
И нести нам заморский «прогресс».

Мы и сами Кулибины, Павловы,
Ломоносовы, Дали, Левши,
Нам бывает уютно под пальмами,
Но домой мы скорее спешим,

Где берёзы родные плакучие,
Где поёт по утрам соловей
И кружит гордый сокол над кручею
И над ширью пшеничных полей.

Наша русская песня – то реченька,
То призывный, тревожный набат,
В нашем смехе есть звонкость бубенчика,
В нашем плаче – вся горечь утрат.

Я горжусь каждой русской традицией:
Баней, песней, иконой, семьёй,
Почитанием наших родителей
И открытою русской душой.

НЕДОСКАЗАННОСТЬ

Вечер зимний, вьюжный, колкий,
Над домами змейкой дым,
Поседевшие иголки
За сараем дровяным.

Недосказанность мгновений,
Непрочитанность стихов,
Сладкий привкус откровений,
Нереальность городов...

На стекле узор морозный –
Признак давних прошлых лет,
Сквозь разрывы шёпот звёздный –
Неуслышанный ответ.

Треск печи, тепло и нега,
Счастье в каждом уголке,
В незапятнанности снега
Тень густая вдалеке...

СВЕТ АЛТАРЯ

Там, где сливается небо с землёю,
Где на вершинах живут облака,
Кедры встречаются с новой зарёю,
Точит скалу ледяная река.

Там, где медведь – полновластный хозяин,
Топчет черничник на склоне горы,
Путник сдаёт самый сложный экзамен
Жизненной правды, нелёгкой игры.

Тропкой шагая среди троецветок,
Воздухом, сладко пьянящим, дыша,
Ликом касаясь разлапистых веток,
Чувствует он, как ликует душа.

В этом бескрайне-безбрежном просторе
Кроется людям особый посыл:
Слабый душой не отправится в горы –
Быстро рассеется храбрости пыл...

Люди не властны над буйством природы,
Вновь на востоке зажжётся заря.
Будут стоять, несмотря на погоду,
Горы Алтая, как свет алтаря.

ПИСЬМО МАМЕ

В грязном окопе пацан кареглазый
Маме своей сочиняет письмо:
«Нынче в атаку ходили два раза
Между заросших сурепкой холмов.

Враг отступает, ты, мам, не кручинься,
Скоро с победой вернёмся домой,
Дроны на небе как чёрные птицы,
Мы на позиции, мам, огневой...

Лёха, мой друг, десять дней в лазарете,
Ранен, но рвётся обратно на фронт.
Помнишь, когда ещё были мы дети,
Прыгали с дерева, взяв в руки зонт?

Ты там не плачь и скажи бабе Шуре,
Пусть за победу поставит свечу...
Вот бы скорей навалить этой “шкуре”,
Я твоего так борща, мам, хочу.

Скоро зима, здесь теплее, но сыро
И очень ранний и скорый восход...
Как там сестрицы Тамара и Ира?
Хочется дома встречать Новый год.

Всё, до свидания, крепко целую,
Всем мой огромный военный привет,
Слышатся взрывы, мы вновь атакуем,
Жду с нетерпением твой, мам, ответ...»

ОДНАЖДЫ

Однажды вы, проснувшись на рассвете,
Поймёте, как несладко без меня,
Не так, как прежде, солнце в небе светит,
И не хватает яркости огня.

Незвонко птицы за окном щебечут,
Несладок сахар, несолёна соль,
И день ваш без улыбки будет встречен,
И в сердце прорастёт тупая боль.

И будет ветер горечью полынной
Хлестать небритость щёк, сутулость плеч,
За то, что вы и только вы повинны,
Что не смогли огонь любви сберечь...

А я? Я буду жить и свято верить,
Что боль моя со временем пройдёт,
Не закрывая за любовью двери
И не ведя победам вашим счёт.

Я буду жить и ждать простого чуда,
Когда, пройдя опасный поворот,
Как капля из хрустального сосуда,
Любовь в судьбу тихонечко войдёт...

Я ХОЧУ, ЧТОБ БЫЛ МИР

Я хочу, чтоб был мир на планете Земля,
Чтобы спали ночами спокойно все люди,
Чтоб засеяны злаками были поля
И детишки мечтали о праздничном чуде...

Чтобы снег, осторожно спускаясь с небес,
Не студил ни ладони, ни сердце, ни души.
И шумел древней сказкой загадочный лес,
Оказавшись в объятьях ноябрьской стужи.

Чтоб под вечер в окошке горела свеча
И плясали по стенам бесплотные тени.
Чтобы чьи-то уста не устали, шепча:
«Мы в ответе за будущий свет поколений».

Я хочу, чтоб был мир...

ТАЙНА ОСЕНИ

Я осень люблю не за яркость нарядов,
Обилие красок и вкусных плодов.
За тихую грусть золотых листопадов
И пряные запахи хвойных лесов.

Есть в осени ранней какая-то тайна,
В ней скрыт мироздания двойственный смысл,
Её золотою зовут не случайно,
И здесь ни при чём увядающий лист...

Она, как прекрасная зрелая дама,
Идёт по земле, погружая в гипноз.
Я чище не знаю природного храма –
Цикличностью значимый апофеоз...

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Мир, умытый дождём,
Утром светел и чист.
В ночь уплыл кораблём
Туч измятый батист.

В отражении луж
Разлилась синева.
Зазвенел птичий туш,
Зашептала листва.

Вновь, как в детстве златом,
Вспыхнул радуги мост.
Мир в пространстве моём
Недосказанно прост...

В нём бриллианты дождей –
Всех дороже наград,
Шёлк бескрайних полей,
Уходящих в закат.

В нём лесов тишина
Лечит, лишь не спеша.
И любовь в нём ценна,
И открытость души.

СНОВ КОРАБЛИ

Опустилась ночь за синим окном,
Бесконечной песней далёкий сверчок,
Сны рисует кистью маленький гном,
В размышленьях небо куда-то течёт...

То ли звёздный танец в бескрайней дали,
То ли пёстрой стайкой на свет мотыльки:
Вереницей призрачной снов корабли –
Всё как в жизни явной, и всё вопреки.

Неподвластно время ни ночи, ни дню,
Промелькнёт мгновеньем короткая жизнь.
Трудно, если сердце одето в броню,
И легко, коль мысли направлены ввысь...

ДУШИСТАЯ СКАЗКА

Вот и умолкла клубничная песня,
Скошенных трав ароматен простор,
Перистым облаком даль поднебесья,
Солнца лучей догорает костёр...

Белым сугробом ромашек полянка,
Мелкого дождичка крапчатый тюль,
В мир загорелой на солнце смуглянкой
Поступью тихой крадётся июль.

Ягод малины душистая сказка,
Пригоршни тёплых, искрящихся брызг,
Жгучего солнца горячая ласка
В летней котомке с рисунками искр...

НОВЫЙ КОВЧЕГ

Жизни минуты что капельки в воду,
Слово – волна разбежалась по кругу,
В вечном стремлении мнимой свободы
Люди словами изводят друг друга.

Мир очень прост, в нём давно всё понятно:
Зло и добро на весах неизменны.
В подлых делах нет дороги обратно,
Свет и добро – вот он, дар драгоценный.

Не устоит незабвенная Троя,
Рухнут под гневом Содом и Гоморра.
Где же ковчег от библейского Ноя
В слабом свеченье окна монитора?

ВРЕМЕНИ НИТОЧКИ

Ночи холодные, лето короткое,
Август – преддверие царственной осени.
Вкусы и запахи чувственным откупом,
Ягодой манят черничные россыпи...

За пеленой монотонного дождика
Шляпки грибные под хвойными горками.
Краски меняя природного облика,
Лето ложится под ноги скатёркою...

Много ли, мало ли – времени ниточка
Между кудрявых ветвей паутинкою,
Всё так циклично, и всё так изменчиво,
В каждом сезоне своими картинками...

КРУЖЕВА БЫТИЯ

Нежными красками неба рассветного
Раннее утро вступает в права,
Словно по тоненькой бархатной петельке,
Вяжет для нас бытия кружева.

Роз ли дыхание, лилий задумчивых
Вязью на тонком ажурном холсте,
Переплетеньем проспектов и улочек,
Свежестью влажной, окон чистоте.

Всё ещё хрупко, хрустально, несбыточно:
Дышит прохладой далёкий пунктир,
Но в небесах тонкой линией вычерчен
Кистью невидимой видимый мир.

АВГУСТ

Август. Лето бродит по дорожкам,
Мёдом наливаются плоды.
Ночь быстра, что дымчатая кошка,
И её невидимы следы.

Всё ещё теплы и ароматны
Солнцем поцелованные дни,
На окошке – хрупкой кучкой мята,
Пленом дух варенья и стряпни...

Кружевом росистым паутинки
Между двух морщинистых стволов...
Хороши по-летнему рябинки,
Ручейка чуть слышен голосок...

Небеса лоскутным покрывалом
Над дарами пышущей землёй.
Счастье человеческое в малом:
Август, утро, свежесть и покой...

ЛЮБИМЫЙ КРАЙ

Синих гор кольцо и лес стеною,
Облака над ними – не объять.
Сенокосы с бархатной травой
И цветов душистых благодать.

Сладость горных рек, черники россыпь,
Белый гриб в корзину – не зевай!
Сквозь кедровый столетний неба просинь –
Это всё родной, любимый край.

Упаду в душичную поляну,
Надо мной божественный простор,
И куда с восторгом я ни гляну –
Услаждают краски цепкий взор.

Родина в цветах жарков весенних,
В горсточке малины у ручья.
В соловьиных, милых сердцу трелях
Жизнь течёт счастливая моя!

Натали ДОНЧ

* * *

В стихах, кроме стихов, есть все стихи:
Огонь, вода, и воздух, и земля,
И жизни сложной все перипетии,
И дорогие нам учителя.
И через грусть, и сквозь воспоминания,
И через смех, и сквозь тревоги дней
Большое сердце, как напоминание,
Сильнее бьётся, бьётся и мудрей...

* * *

Воздух вкуса шампанского брют
Среди сосен пицундских Джанхота,
Изумительно тихий уют,
Солнца свет ожидает кого-то.

В белоснежных резных кружевах
Утопает балкон в грёзах сада,
В исторических снах и мирах
Свет лампы осеннего лада...

* * *

Восьмёрка – символ одиночества,
И красный волк бежит по ней,
И вырваться ему так хочется,
И он бежит, бежит скорей.

Все в зоопарке улыбаются,
Не то лисица, не то волк,
Он – вокалист и этим славится,
Он – буанзу, он – горный волк.

Глаза тоскливые и страшные,
Свободы не видать ему,
Он знает в жизни что-то важное
У одиночества в плену...

* * *

*И вдруг убедишься, что мир не похож
На прежний, и сердце твоё догорает.*
М. Петровых

На прежний мир, кажется, и не похож,
Другие слова, и мечты, и волненья,
И время так быстро бежит, ну и что ж,
Ведь неповторимы всей жизни мгновения.
И всё-таки есть уголки наших дней,
Где детство живёт, и где юность стремится,
И в зимних лесах где-то бродит олень
И ночью волшебной бьёт оземь копытцем.
И вся красота самоцветных чудес
Не даст догореть утомлённому сердцу,
Лишь только бы Вера была до небес
И помыслы чистые, как у младенца...

* * *

Каждый сад устремляется к слову,
Он старается что-то сказать
И поэзией снова и снова,
Как друзей, всех стремится встречать.
Вместе с тем он немой и притихший,
Он нуждается в нашей любви,
И всегда каждый в сад приходивший
Слышит сердце и чувства свои...

* * *

Нас формируют ушедшие люди,
Забудешь кого-то, уменьшишься сам,
Вспомнишь другого, душа больше будет,
Не расплескай память по временам.
Добрая память есть способ остаться
С тем человеком, который ушёл,
Чтобы в душе своей вновь собираться
Встречей прекрасной, как льющийся шёлк...

* * *

Не бывает на свете обычных людей,
 Ведь за ними всегда стоит мама,
 И невеста, и радость любимых очей,
 Благодарная долгая память.
 И простых не бывает на свете людей,
 Каждый, словно алмаз, драгоценный,
 Ведь за ними судьба, свет звезды, свет полей,
 Свет мечты настоящей и верной...

* * *

Нет места без духа,
 Нет жизни без песни,
 И в облачном пухе
 Сияет березник.
 Каштаны Брюллова –
 Осенний подарок,
 Как осень медава,
 И день этот ярок.
 В нём яблоки красны,
 В нём синие птицы,
 Мгновенья прекрасны,
 Волшебны страницы...

* * *

Олень с янтарных берегов
 По переулкам по арбатским
 Несётся вдаль среди даров,
 Среди стихов – тропинок братских.
 Он знает мир, где сказка есть,
 Где быть и небылица рядом,
 Восходит радостная весть,
 Как солнце вдохновляет взглядом.
 Там в шапках вязаных мечты
 Вновь оживут в вечернем свете,
 Бутоны снежной доброты
 Доверят то, что есть в секрете...

ОСОБЕННОЕ МЕСТО

Стекляруссы дождя на окнах осени,
 Фиалками вновь дышат небеса,
 Кленовых листьев золотятся россыпи,
 И с нами происходят чудеса.
 Аллеи выстилает бязь дубовая,
 Сатиновые платья у берёз,
 И в каждой ноте дня есть бирюзовое
 Тепло от солнца, от лучей, от слёз.
 Жар-птица расписная колокольчиком
 Проводит день до самых до ворот,
 Проснётся сердце в необычном творческом
 Особом месте трепетных щедрот...

* * *

Папе

Самые лучшие строчки
 Хочется мне посвятить
 Папе любимому,
 Громче.
 Вновь обрывается нить...
 Падают листья, им больно,
 Ветер уносит их вдаль,
 Сколько же, сколько их, сколько,
 В них моя нежность, печаль...

* * *

Поцелуйте в своём сердце близких,
 Пожелайте всем добра, удачи,
 Даже если солнце светит низко,
 Даже если дождик снова плачет.

Обнимите в своём сердце близких
 И за всё простите, постарайтесь,
 Красотой запечатлённых листьев
 Возвышайтесь и преображайтесь...

* * *

Присутствие дружбы даёт нам немало,
Сопутствие в памяти, в доме, в душе,
Лишь только б сопутствие не исчезало,
А вновь трепетало в судьбы витраже.
Присутствие дружбы даёт нам немало,
На улице, возле и в звёздном ковше,
Лишь только бы сердце дышало, звучало
И грусть рассыпалась цветастым драже...

* * *

Сядем вместе на пенёк
В добрый солнечный денёк,
Время будем собирать,
Что распалось, не узнать.
Где наивность, чистота?
Скромность стала сирота.
Где великие мечты,
Сны – волшебные зонты?
Вера в чудо, волшебство,
Добрых истин торжество?
Где художников искать,
Что способны оживлять
Птиц, поющих со страниц,
И полёты колесниц,
Самоцветы январей
И распахнутость дверей?..
Сядем вместе на пенёк
В тихий солнечный денёк,
Время будем собирать
И учиться проживать...

* * *

Чудо простое – доверие,
Трепетным детством и в дождь,
Можно растением иль деревом,
И в этот миг оживёшь.
И, как ребёнок доверчивый,
Миру заглянешь в глаза,
Каждый тобою вновь встреченный
Сердцем узрит чудеса...

* * *

Тропинка и сказка в родстве...
М. Пришвин

Тропинка и сказка как сёстры родные,
Тропинка в природе, а сказка в душе,
И день они видят как будто впервые,
Сиянье воды, тишину в камыше.
Тропинка и сказка сплетаются в косы
Согласия, чуда природной любви,
На все непростые людские вопросы
Они отвечают добром синева.
В сердцах человеческих и в отношениях
Они оставляют свою тишину,
В печалях и радостях, благословениях
Они не теряют спасенья струну...

* * *

Уходя, оставьте свет,
Это больше чем остаться,
Так сказал большой поэт,
Сердце станет любоваться.
В ком-то больше берегов,
В ком-то – рек и океанов,
Шумных ярких городов,
Маяков и талисманов.
В ком-то звон колоколов,
В ком-то утро встанет рано,
В ком-то нежность облаков
И таинственность туманов.
Уходя, оставьте свет,
Это больше чем остаться,
Сердцем будет он воспет,
Сердцем будет утешаться...

Наталья МЕРКУШОВА

РЕКИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Много рек на Тамбовской земле,
Тихих, ласковых, милых, студёных.
В их названиях песни полей
И видения далей бездонных.

Есть Матыра, Воронеж, Битюг –
Эти к батюшке Дону стремятся.
И такие не взять на испуг,
Своевольное вольное братство.

К Волге-матушке льнёт Цна-река,
Силой полнясь из малых речушек,
И несёт свои воды в веках
Под извечные песни лягушек.

Что им Дон или Волга! Что им!
И Шехманью, и Кашмой довольны...
...Славно рекам по руслам своим
Протекать и свободно, и вольно.

ТАМБОВСКИЙ КРАЙ. КЕРЮШЕЛЬ

Много легенд о тамбовских краях
Связано с именем рек.
Жить без воды не сумеют моря,
Дерево, зверь, человек.

И без воды всё живое сгорит
В солнечном пекле лучей.
Дорог природе и малый родник,
Каждый звенящий ручей.

Многие знают легенды о Цне,
Главной тамбовской реке,
И о притоке её Студенце,
И о святом роднике.

Много святых родников на земле
Реки питают водой
И исцеляют, врачуют людей
Силой духовно-земной.

Я расскажу вам о Кёрше-реке,
Чем знаменита она.
Будет ли правда здесь в каждой строке,
Будет ли силой полна?

КЁРША-КЕРЮШЕЛЬ

...Красивы берега реки.
На правом берегу
Дремучий лес и родники,
Похоже на тайгу.

На левом степь во всей красе –
Стрекоз уютный дом.
Раздолье вольное косе
В покосах за селом.

А на лесистом берегу
Тянулось вдоль реки
Село мордовское, врагу
Добраться не с руки.

Леса дремучие вокруг,
Заблудится чужак.
Селились люди здесь не вдруг,
Силён родной очаг.

И жил с красавицей женой
Здесь богатырь Тумас.
Царили мир, любовь, покой
В их доме каждый час.

И дочка родилась у них,
Назвали Керюшель.
Красивых не найти таких,
Пройди хоть сто земель.

Красива в мать, в отца сильна,
Глаза как неба синь.
Для женихов была она
Одною из богинь.

Всех отвергала Керюшель:
Своих, из дальних мест...
Вам недоступна эта цель,
Здесь нет для вас невест!

Она сразила и мурзу!
Приехал на базар,
Увидел Керюшель-красу,
Её отцу сказал:

– Отдай мне в жёны, я богат,
Ничем не поскуплюсь,
Насыплю злата-серебра,
Когда на ней женюсь.

Но сердце девушки молчит
(Она верна ему)
И соглашаться не велит.
Ей замуж – как в тюрьму.

И позвала его на бой,
Богатого мурзу.
– Вот коль ты справишься со мной,
Тогда не откажу!

Мурза не ведал, что она
Сильнее всех вокруг,
Что победить она должна.
И вышел он на круг.

И проиграл мурза-жених,
Но был он справедлив –
Подарков отдал дорогих,
Как обещал, для них.

А время шло. Богатый лес,
Грибов в нём – без числа!
Настало время для чудес.
...В лес Керюшель пошла.

И на берлогу набрела
Нечаянно она.
А там медведица жила,
Гостей-то не ждала!

Была готова разорвать
За медвежат «гостей».
В отчаянье любая мать
Сильней богатырей.

В лесу на счастье рядом жил
Охотник в тех местах.

По силе с Керюшелью был
Он равен неспроста.

С медведицей сразился он.
Девушка спасена!
Он словно взял её в полон,
И с ним ушла она.

Зажили дружно, счастье есть!
Но вот надолго ли...
Ногайцев было там не счесть,
Набеги всё вели.

Как волки крались по лесам
Да по оврагам вновь.
Сжигали сёла тут и там.
А в них жила любовь! –

В охотнике, чьё имя Хмель,
И в Керюшель жила.
Работать было им не лень
С рассвета до темна.

Они валили дружно лес
И корчевали пни,
То дождь, то снег летел с небес.
Так шли за днями дни.

Ногайцы выследили их,
Напали, не таясь.
Их много было на двоих.
И битва началась.

Семь человек осилил Хмель.
– Спасайся, Керюшель!
Беги в село, беги скорей,
Пускай не ждут «гостей»!

И побежала, и бежит,
Ручьями льётся пот.
И чует, как земля дрожит.
И видит свой народ.

Её услышали, спешат,
Уходят в лес с добром.
А всадники стрелой летят,
Стемнело всё кругом.

Вцепилась в врагов своих
 Руками и зубами,
 И сколько захватила их,
 Все в речку с ней упали.

И долго на реку смотрел
 Мурза и говорил:
 – Джигит!
 Что этим он сказать хотел...
 И снова повторил:
 – Джигит!

...Назвали речку Керюшель.
 С течением веков
 Менялось имя, и теперь
 В названье Кёрша Керюшель
 Звучит, как вечный зов.

ИРСКАЯ КОММУНА

Венок сонетов

1

Прошло сто лет, а память не смогла
 На протяженье целого столетья
 Забыть и коммунаров имена,
 И это необычное явление.

Коммуна. Это слово как маяк,
 Что в каждом сердце сохраняет пламя,
 В одном не откликается никак,
 В другом живёт как символ и как знамя.

Кому такая мысль пришла, узнать
 Мне захотелось, но уже не важно,
 Она была, и о таком мечтать
 Лишь остаётся на листке бумажном.

Не смогут и в далёких поколениях
 Забыть мечту людей и воплощенье.

2

Забыть мечту людей и воплощенье,
 Такое невозможно, если есть

Подвижники коммунского движенья,
 Их много, имена не перечеть.

Америка была первоначально,
 Там первый создавался эшелон.
 Страной Советов вовсе не случайно
 Декрет был издан, вот о чём был он.

Что эмигранты могут возвратиться,
 Коль преступлений за спиною нет.
 Уехавшие были словно птицы,
 Кому родимый край как солнца свет.

И словно вознесли её крыла,
 Коммуна зародилась и жила.

3

Коммуна зародилась и жила.
 Вначале было трудностей немало.
 В палатках жили, чужды для села.
 Да, это было трудное начало.

Но только всё наладилось потом.
 И землю не сохой они пахали,
 А трактором тамбовский чернозём
 Для сильных урожаев поднимали.

Со временем построили дома,
 Столовую для общего питанья.
 И не страшила долгая зима,
 Был интерес и жажда созиданья.

И детский садик был на удивленье
 Прекрасное житейское явление.

4

Прекрасное житейское явление.
 Закончится рабочий день, потом
 Гулянье в парке и девичье пенье.
 И не хотелось возвращаться в дом.

И танцы на чудесной танцплощадке,
 Беседка – музыкальный павильон.
 Скамейки все в шеренговом порядке,
 И музыка лилась со всех сторон.

Оркестру духовому было место,
Скамейки приготовили для них.
И начиналось сладостное действо.
Ах, вальс! Соединение двоих.

Навек запоминается тот миг.
Простор российский славен, многолик.

5

Простор российский славен, многолик,
Но выбрали тамбовские условия.
А почему, не знает и старик,
Потомок коммунарского сословья.

И он в своих рассказах помнит то,
Что поразило навсегда когда-то.
Как шили в мастерской у них пальто,
Как одевались вроде бы богато.

Что коммунары в ближних деревнях
Внушали, чтоб колхозам были рады.
Кто верил, кто ворчал тогда в сених,
Мол, ты иди, нам этого не надо.

Такой период очень долго длился.
Но на земле тамбовской зародился.

6

Но на земле тамбовской зародился
Такой проект, и было так дано,
Что может сказка в чудо превратиться,
Как в колос превращается зерно.

Оазис коллективного хозяйства,
И общность мыслей, и большой прогресс,
Он приближал решение крестьянства
Объединяться, несмотря на стресс.

Решиться и корову, и овечку
Свести на общий коллективный двор?!
И что тогда останется, лишь печка?
Тяжёлый, долгий, сложный разговор.

А впереди сиял счастливый лик,
Неповторим и сказочно велик.

7

Неповторим и сказочно велик
Дух коммунарский, не ломает время.
Коммуны нет, в истории лишь миг,
Но для страны и для людей потеря.

А как всё развивалось и росло!
Электростанция! Он – Фанфарони!
И электричество в дома пришло.
Поклон за это матушке Вороне!

Детей крестьян учить они взялись,
От коммунарских их не отделяли.
И по рассказам – посветлела жизнь.
«Мы не рабы, рабы не мы», – читали.

Но он нигде потом не повторился,
Проект такой, что людям и не снился.

8

Проект такой, что людям и не снился,
Фантастика эпох на вираже.
А больше всех один тут отличился,
Он итальянец, русским был в душе.

Джованни Фанфарони – лучший мастер,
И каменщик, и зодчий, и творец.
Его скульптуры видеть – это праздник
И украшение жизни, наконец.

Его телятник с подвесной дорогой
И лесопильный значимый завод,
Кирпичный, сыроваренный, всё строго,
Всё под его началом, он ведёт.

Сюда потоком люди потекли,
Как ручейки со всех краёв земли.

9

Как ручейки со всех краёв земли,
Основу потерявшие когда-то,
В коммуне Ирской дом свой обрели,
И жизнь пошла по бурным перекатам.

Росло благополучие людей,
Крестьяне стали меньше сторониться.
А коммунары, полные идей,
Делились всем, что может пригодиться.

И повсеместно овощи растить
Всех научили, урожай богатый!
Трудиться в радость, в радость просто жить,
Тут не нужны дворцовые палаты.

И люди словно только что проснулись,
К источнику такому потянулись.

10

К источнику такому потянулись.
Впервые коллективный мирный труд
Сплотил людей, они не обманулись,
И вот уж коммунарами зовут.

И немцы, и поляки, и австрийцы...
Собрался тут интернационал.
Но были, что вернулись за границу.
А кто остался, закалённым стал.

Трудиться надо было, и трудились!
Хороший коллективный был итог.
Рекорды их на выставку годились,
ВДНХ, Москва. Ну кто так мог?

Такое вместе одолеть смогли
И бывшие от родины вдали.

11

И бывшие от родины вдали
Создали здесь невиданное чудо.
Свой опыт передать они могли,
И приезжали гости отовсюду.

Писатель Бернارد Шоу побывал,
Коммуной восхищался ежечасно.
Потом статей немало написал,
Весь мир узнал об этом не напрасно.

Такого не бывало, чтоб народ
В согласье жил, творил не в одиночку.

Делил на всех нелёгкий груз забот,
И на своих ногах стоял он прочно.

От расставанья раны затянулись,
К своей земле и Родине вернулись.

12

К своей земле и Родине вернулись
И первым делом посадили сад.
И в зелени оживших сельских улиц
Был очутиться каждый житель рад.

И саженцы сельчанам продавали,
А то и просто отдавали их,
И корнеплодов семена вручали,
Был урожай достойный и у них.

Малиновые заросли давали
Из года в год богатый урожай.
Вот так и жили, коммунизма ждали.
Он был, не узанный... а жаль...

В Стране Советов, на истоке лет,
Коммуна появилась здесь на свет.

13

Коммуна появилась здесь на свет
В начале века, грозный век, двадцатый.
Стояло на распутье много лет
Рождённое для радости когда-то.

Как изменились нынче времена!
Но в памяти осталась та планета,
Она была для счастья рождена,
И рассказать так хочется об этом!

От радости совместного труда,
От ожиданья будущего счастья,
И счастлив человек сейчас, тогда,
Когда оно как парусника снасти.

Сиял в коммуне счастья добрый свет.
Другой такой на всей планете нет.

14

Другой такой на всей планете нет,
Коммуны Ирской, Ленинской отчасти,
Над ней не гаснет солнечный рассвет,
Так много принимают в ней участие.

Хранит её историю музей,
Потомки коммунаров не скучают,
И много неисполненных идей
Ряды энтузиастов ожидают.

И с каждым годом Ирский фестиваль
Всё больше и значительней. Столица!
Коммуна заполняется, как встарь.
Счастливые и радостные лица.

Забуты Коммуну не дают дела.
Прошло сто лет, и память не смогла.

15

Прошло сто лет, и память не смогла
Забуты мечту людей и воплощенье.
Коммуна зародилась и жила,
Прекрасное и чудное явленье.

Простор российский славен, многолик,
Но на земле Тамбовской зародился,
Неповторим и сказочно велик,
Проект такой, что людям и не снился.

Как ручейки со всех краёв земли,
К источнику такому потянулись,
И бывшие от родины вдали
К своей земле и Родине вернулись.

Коммуна¹ появилась здесь на свет.
Другой такой на всей планете нет.

¹ История села неразрывно связана с историей знаменитой Ирской коммуны. Её создали реэмигранты из США, Канады и Австралии в 1922 году на месте разорённой в Гражданскую войну усадьбы княгини М.К. Оболенской. Коммуна (в дальнейшем колхоз имени Ленина) стала образцом ведения социалистического хозяйства. Сюда за опытом приезжали делегации из многих стран мира, даже из далёких Конго и Йемена. В 1931 году... сюда приезжал классик английской литературы Бернанд Шоу. А американский журналист Эдди Шервуд в 30-е годы привозил в коммуны сначала 28, а потом 38 учёных, журналистов и сенаторов США. С.М. Будённый приезжал сюда набирать рысаков для Советской армии (коноводство было развито здесь на высоком уровне), Илья Эренбург – на открытие книжного магазина. Частым гостем села был тамбовский писатель А.В. Стрыгин.

Наталья ЗМЕЕВА

Родилась в 1956 году в посёлке Сынтул Касимовского района Рязанской области. Получила высшее образование в Рязанском государственном педагогическом университете им. С. А. Есенина. Многие годы работает в сфере дошкольного образования. Имеет дочь и сына, пять внуков. С юности увлекается литературным творчеством, является членом поэтического клуба им. Е. А. Артамонова «Рифма», работающего в Александро-Невской центральной библиотеке. Стихотворения автора регулярно публикуются в коллективных сборниках, газете «Александро-Невские вести», ежегодном альманахе «Литературная Рязань».

СНОВА В СЫНТУЛ МЕНЯ ПОТЯНУЛА ДОРОГА

Снова в Сынтул меня потянула дорога,
Не встречайте, родня, перелеском пройдусь.
Отступи прочь тоска и исчезни тревога,
Для меня здесь начало берёт моя Русь!

По росистой тропинке, что ведёт прямо к дому,
По заветным местам я иду не спеша.
Неизменно всё здесь, так любимо, знакомо,
Все красоты родные цепляет душа.

Цветом неба люблюсь лазорево-синим,
Отражением солнца в сосновой слезе.
Удивляюсь изгибам причудливых линий
Кружевной паутины в прозрачной росе.

И кусты, и трава в серебре перламутра,
Торжество тишины, благодатный покой,

И вливается радость от свежего утра
Безмятежной, счастливой, приветной волной.

Поднимается солнце всё выше и выше,
Освещая опушку и всё, что окрест.
Вон уже заблестел, сквозь деревья я вижу,
На церквушке на старой серебряный крест.

Я смотрю! Я люблюсь, есть какая-то тайна
В красоте, что вмещают родные места,
И я вдруг понимаю, что совсем не случайно,
Кто уехал однажды, снова тянет сюда!
Снова тянет сюда...

АХ, КАК ЖЕ ХОЧЕТСЯ ПОРОЙ

Ах, как же хочется порой
отдаться воле волн и ветра,
Уединиться незаметно
от лжи и суеты мирской.
Уйти в луга, где пахнет мёдом
и серебром блестит роса,
Где не касалась трав коса,
стрекозы кружат хороводом.
Шмели, качаясь на ромашках,
под солнцем радостно жужжат,
Цветущие головки кашки
палитрой радужной пестрят.
Дурманит горький дух полыни,
над головою неба зонт,
Сквозь облака лазурной сини
ласкает солнце горизонт.
Я упаду в траву распятым
и, утпываясь тишиной,
Почувствую её объятья
и наслажденье быть одной.

ПЕРЕКРЁСТКИ РАЗНЫХ СУДЕБ

Перекрёстки разных судеб,
Меж собою непохожих...
Кто поймёт, а кто осудит
Нас плохих и нас хороших.

Счастья много не бывает,
Ты не пробуй обмануться!
Журавль в небе пролетает,
И синице б встрепенуться.

Жизнь порою нами вертит,
В ней для каждого свой урус.
Не пытайся сменить ветер,
Правильно поставь свой парус!

У КРАЯ ПОЛЯ

Стою одна у края поля...
Ромашек белых нарвать мне, что ли?
Упасть в траву, на миг забыться,
В далёком детстве вновь очутиться.

Ромашки рвали, на них гадали.
Не всё сбылось, о чём мечтали.
Давно у каждого своя дорога,
И счастья выпало, видать, немного.

Сорву ромашку, жёлтый глазочек.
Пусть погадает ещё разочек!
О чём мечтаю, сама не знаю,
Но лепестки всё ж обрываю.

Пускай летят мне на удачу!
А если нет, то не заплачу.
Мне легче жить с тем, что имею.
Плохая, видно, я ворожея.

РОДНАЯ СТОРОНА

Ширь полей без края, куда взгляд ни кинь,
Сторона родная, небосвода синь.
Зори золотые в кружеве рябин,
Родники святые, журавлиный клин.

Запах трав медвяный, горькая полынь,
Иван-чай багряный, летняя теплынь,
Алые рассветы в жемчуге росы,
Не найдёшь нигде ты дивной той красы!

Песня жаворонка, яблонь хоровод,
Хорошей, сторонка, ты из года в год.
Истина простая душу не покинь,
Доброта людская в сердце не остынь!

А Я ДАВНО НЕ ТА, ЧТО БЫЛА ПРЕЖДЕ

А я давно не та, что была прежде,
Жизнь поменяла каждого из нас,
Ношу уже немодные одежды,
И блеск не тот когда-то ярких глаз.

Я счастье никогда не занимала,
Да и немногие делиться им могли.
Порой в руке синицы было мало
И мимо пролетали журавли.

Не довелось родиться мне в рубашке,
Палат больничных избежать оков,
Я не люблю гаданье на ромашке,
Не верю в предсказанье вещих снов.

Прошедших лет пропетые мотивы
Как будто реже будоражат кровь,
На берегу раскидистые ивы
Напоминают юности любовь.

Мне хорошо знакома радость слова,
Поэзия – желанная стихия,
Её читать и день и ночь готова,
А иногда сама пишу стихи я.

Жизнь, продолжаясь, движется вперёд!
Возможно, ещё сбудутся надежды.
Пусть время постоянства не несёт,
Пусть я давно не та, что была прежде!

ВРЕМЯ ОТЧАЯНИЯ

В круговерти нашей жизни
Оказался вроде лишним,
Не сумев найти ответа,
Как, за что и почему,
Не заняв под солнцем места,
Среди всех мне словно тесно...
Очень трудно в одиночку
Удержаться на плаву.

Я на мир смотрю с тоскою:
Почему он так устроен?
Нет ни счастья, ни покоя
Ни душе и ни уму.
Кто бы мог на этом свете
На вопросы все ответить?
Видно, мне искать ответы
В этой жизни самому.

Вдруг услышал я: «Не майся!
Пробуй! Жизнью обломайся!
И почувствуй под ногами
Ты спасительную твердь.
И, кружась в потоке буден,
Доверяя больше людям,
Убеждаться чаще будешь:
Жизнь – сплошная круговерть».

Разбежались мои мысли:
Сколько предстоит осмыслить!
Заметалась, всколыхнулась
Мгла души, и вспыхнул свет.
И, оставив пыл, тревогу,
Взяв с собой мечту в подмогу,
Стал торить свою дорогу...
Мне бы, главное, успеть...

ЧАЙ ВДВОЁМ

От полуденного солнца
Льётся свет и летний жар.
Занавешу я оконце
И поставлю самовар.

Скатерть белую раскину,
Без морщинок расстелю.

Мёд поставлю и малину,
Пирогами удивлю.

Посидим за чаем с милым,
Поведём беседу вновь,
Как у нас всё раньше было.
Может, вспомним про любовь.

Про судьбу, что много вёсен
Рядом за руки вела,
Про погоду, неба просинь,
Про житейские дела.

Про внучат, что радость дарят,
Их заботами живём,
С ними нас года не старят,
С ними праздник входит в дом.

Вытирает лоб мой Ваня –
Приливает к сердцу кровь,
То ль от чая словно в бане,
То ли вспомнил про любовь.

Пусть на радость солнце греет,
Не мешает нам жара.
Душу памятью развеет
Жизни прошлая пора!

РАЗГОВОР С СОБОЙ

Что имеем – не храним, потерявши – плачем:
Жизни истина простая, так, а не иначе.
Об ушедшем сожалеем, в душе суматоха,
И живём мы, как умеем, хорошо ли, плохо...

И тоска всё чаще гложет нас о том,
прошедшем.

Что понять никто не может ни умом,
ни сердцем.

На душе печаль и грусть, время течёт мимо,
С горечью осознаём: всё неповторимо.

Каждому свой крест нести, за грехи расплата.
Господи, прости всех нас, за себя и брата!
Что имеем – не храним, потерявши – плачем,
Не всегда осознавая, что мы в мире значим...

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА,
г. Симферополь

«СЕМИРАМИДА» МОРИСА СИМАШКО

На Белгород была обида,
Но там сбылась моя мечта:
Он мне роман «Семирамида»
Дал на досуге почитать.

Как билось сердце под рубашкой!
Я с государыней на трон
Взошла при помощи Симашко
И познакомилась с Дидро.

Благодаря Екатерине,
Хоть это было и непросто,
В состав России Крым был принят –
Российским стал наш полуостров!

Надев костюм императрицы,
Я снарядилась в путь неблизкий
Из хмурой Северной столицы
Туда, где ждал Неаполь скифский.

Вдвоём с величественной дамой
Пять дней гостили мы в Херсоне.
Херсон, не ставший Амстердамом,
О царской помнит всё персоне.

И, увлечённая романом,
Как археолог средь раскопок,
Я так же, от Кизикирмана,
Пустилась в путь до Перекопа.

Великую Екатерину тропы
Вели в мой город-собирабель,
В столицу Крыма – Симферополь,
Который добрый мой приятель.

Виднелась из окна кареты
Селений разноцветных горстка.
Дал самодержице ответы
Рельеф скалистый Белогорска.

Но стал и Крым царице тесен,
Хоть был он в дикости прекрасен.
Она решила: быть Одессе
При адмирале де Рибасе!

Не довелось императрице
В Одессе-маме погостить...
За то, что там сейчас творится,
Самих себя нам не простить.

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

Мне всё ещё снятся тревожные сны:
Майдан, предвещающий горе войны,
Погибших от пуль, чувство общей вины,
И тот президент, что сбежал из страны...

Отчётливо вижу смятенье людей,
Что места себе не находят нигде
От множества мыслей, прогнозов, идей,
Забуться стремящихся в тяжком труде.

Я вижу себя: как я гордо несу
Родной триколор, с ним – российскую суть,
Как лью в предвкушении чуда слезу
И громко кричу: «Сердцем, Крым, голосуй!»

Мне всё ещё снятся прекрасные сны:
Нарядность садов от цветков белизны,
Всеобщее счастье от Крымской весны
И чувство, что мы наконец спасены!

БЕЛАЯ СКАЛА

Я бережно кистью в картину несу
По капле всю реку Биюк-Карасу.
И вижу: девчонка, такая как я,
Спиной прислонилась к стене Ак-Кая.
От горя прогоркла степная полынь –
Любовь погибает у Белой скалы.

Знать, ветер укладывал феном ковыль
И выдул всю дурь из её головы.
Но птицы признаний щебечут слова,
Лучи продолжают лицо целовать,
И жить призывает во веки веков
Скала нуммулитовых известняков.

КРАСНОГВАРДЕЙСКИЙ РАЙОН КРЫМА

Здесь моря нет, но есть моря тюльпанов,
Садов и виноградников моря.
Хранит загадку скифов, их курганов
Земля красногвардейская моя.

Я в День Победы слёз своих не скрою –
В живых остались далеко не все.
Мне рассказал о подвигах героев
Районный краеведческий музей.

Вернулся наконец домой, в Россию,
Мой фермерский, аграрный регион.
С Россией станет чище и красивей,
Добрей и благодатней станет он.

Район степей, район орехов грецких,
Подсолнечный и виноградный край,
В котором я могу душой согреться,
Ролной пайон. живи и процветай!

ПАРАД ТЮЛЬПАНОВ

Отложив на потом все планы,
Я поеду смотреть тюльпаны
В ботанический дивный сад.
Бахрома лепестков, их рюши,
Вкусно пахнущие к тому же, –
Вот селекции чудеса!
Посмотреть на «Салют Победы»
Обязательно я поеду –
Я хочу посмотреть сама,
Как сдвигают цветы бокалы,
Чтобы солнышко их ласкало,
Разливая свой аромат.

Тут влюблённых в природу много!
Все понюхать хотят, потрогать
Красоту неземных цветов.
Над оливковой рощей парка,
В лабиринте тюльпанов ярком
Каждый встретить любовь готов.
Открывается вид на море...
Здесь знакомятся люди, спорят
О понравившихся сортах.
Половинку найдя вторую,
На прощанье цветы воруют
С поцелуями на устах.

Даже если мне будет не с кем
Насладиться деньком апрельским,
Всё ж цветенья пришла пора:
Где по тропкам гуляют киски,
В ботанический сад Никитский
Я поеду смотреть парад!

ТАРУСА ЦВЕТАЕВОЙ

Чем больше узнаю людей,
Тем больше я люблю деревья...
Такой не видела нигде,
Как Вы, прекрасной дамы трэф я.

О Вас, Марина, говорю,
Верёвку связывая в узел.
Костром рябины догорю
У камня Вашего в Тарусе,

Там, где хотела бы лежать
Поэт Цветаева Марина,
Чтоб ввысь свободная душа
Летела в клине журавлином.

Засохла заживо одна
Отцом посаженная ёлка,
Что зеленела у окна, –
Без Вас не протянула долго.

Здесь Вы гуляли молодой,
Я это знаю так же точно,
Как то, что временем-водой
Размыло домик Ваш «песочный»,

Где любовались не одним
Закатом, навевавшим дрёму,
И просыпались вместе с ним –
С рассветным запахом черёмух...

Мне чья-то светлая рука
Сотрёт с лица несчастья слёзы,
Ока покажет берега,
В поклонах выгнутся берёзы.

И я увижу: Вы одна
Плывёте в деревянной лодке,
Печаль свою испив до дна,
Пройдя нелёгкий путь короткий.

Как в сердце нож – глаза в глаза
В меня упрётся взгляд Ваш русский,
Я в нём увижу небеса
И купола церковей Тарусы.
Вы бросили к моим ногам

Ваш город – место тихой грусти,
И он, влюбив в свои луга,
Теперь надолго не отпустит.

Всё Вашим именем простым
Здесь наполняет, словно светом,
И белой бузины цветы
Напоминают мне об этом.

ДЕРЕВЬЯ

Задумчив деревьев вид –
Молчат они мне в ответ,
Лишь ветер один шумит,
Запутавшийся в листве.

Всю силу храня в корнях,
Ветвями ловя лучи,
Деревья могли б меня
Жить в мудрости научить.

Всё видевшие, они
Бесстрашно ждут ураган.
От многих из них лишь пни
Оставит рука врага.

А тем из них, что вдали
От рек и озёр росли,
В ответ на призыв молитв
Лишь ливень давал полив.

Быть памятником живым
Тому, кто тебя взрастил,
Умеете только вы –
Хранители мудрости!

Зинаида КОКОРИНА,
г. Королёв

ПАМЯТИ В. ВЫСОЦКОГО
(25.01.1938–25.07.1980)

А НАС УЧИЛИ...

...А нас учили старость уважать,
Иметь терпение к лицам должностным,
Руки на слабого не поднимать
И помогать беспомощным, больным....

Умели мы беззлобно подшутить,
Подсказки без обиды принимать,
Отзывчивыми безвозмездно быть,
Щедроты «доброй дланью» раздавать.

Нам «сказку сделать былью» суждено.
Прогрессу века – должная хвала!
Жить, не тужить бы внукам нашим... но
Налоги, ипотеки – кабала.

Мы знали «не обидь» и «не убей»!
Старались это детям прививать.
Теперь же месть и злоба – темы дней.
Нет перед Богом страха – убивать!

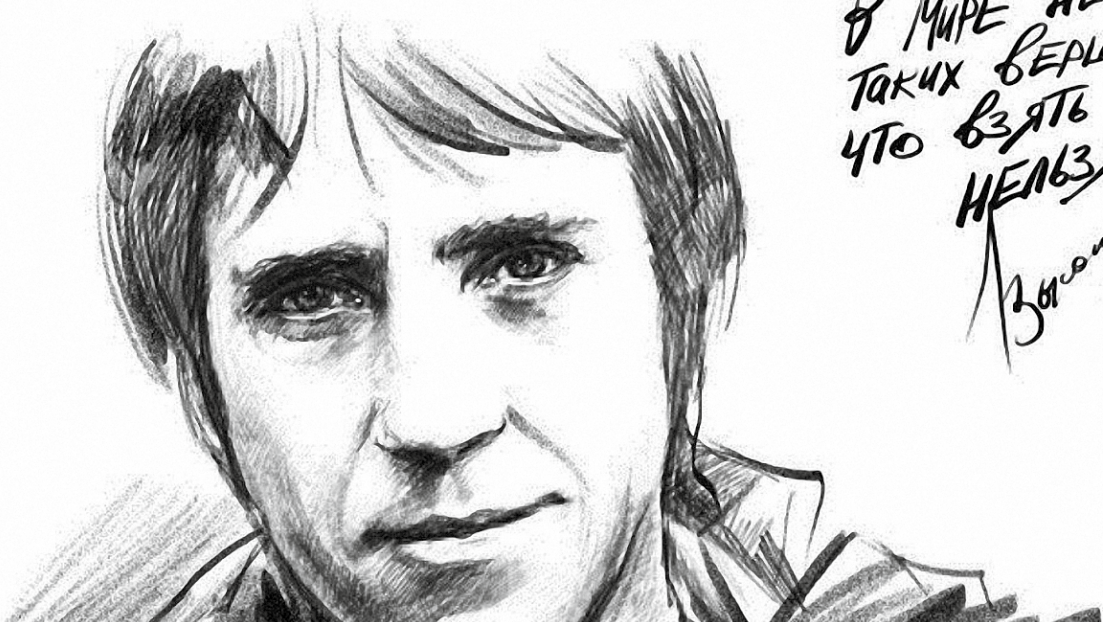
А мы всё ждём и верим. Простота...
И выживаем, вопреки властям.
На пятки наступают нищета,
А воз терпения «и ныне там».

А нас всегда учили «верить свято».
Лишь с верой выживает человек.
Наполнится ли до краёв когда-то
И эта чаша... В кой то будет век?

Отзвенели струны, отзвучали,
загрустил гитары гибкий стан,
но глаза с портрета – без печали...
Вот сейчас раскроются уста
и басок знакомый с хрипотцою
недопетый допоёт куплет.
Или выдаст что-нибудь такое,
в чём неповторим певец-поэт.

Так звените ж, не скучайте, струны,
сколько песен в памяти у вас!
Выдайте поток аккордов бурных,
что возносят строки на Парнас!
Суждено полёту их стремиться
в память о талантливом певце,
барде-гитаристе и артисте
песней, отчеканенной в словце.

Проплывёт мотив над Доном гладью,
освежит над Сеной небосвод,
всколыхнёт во снах Марины Влади
мыслей друга «Прерванный полёт»,
отзовется эхом над горами...
И становится вокруг теплей
оттого, что здесь Володя, с нами,
рубит словом о судьбе своей!

В МИРЕ НЕТ
ТАКИХ ВЕРШИН,
ЧТО ВЗЯТЬ
НЕЛЬЗЯ...

Высоцкий

Господство Франции в Европе...
 ...И варварски направил стопы
 Наполеон к Москве. Смести
 С земли готов Россию он!
 Планировал легко, без риска
 Дойти от Пруссии до Минска –
 Был жаждой власти окрылён!
 Стремительный был взят разбег...
 Занять Смоленск без промедленья,
 С победой к своему рождению,
 Мечтал воинственный стратег¹.
 Был прост расчёт. Наполеон
 Не допускал слиянья армий
 Багратиона и Барклая,
 Предвидя в тактике резон.

Продумал всё француз... Да вот
 Не ожидал никак, что вскоре
 В сражениях с Барклай-де-Толли²
 Урон значимый понесёт:

Чтоб силы войска сохранить,
 Барклаем принято решение:
Не увлекаться наступленьем,
 На срок короткий отступить...

Шёл август. Пятое число.
 Отход двух армий обеспечен:
 Бой арьергардный³ лёг на плечи
 Солдат-героев... Их пекло
 Не только солнце...
 ...Бонапарт
 Здесь намечал войну закончить.

И бой кровавый слился с ночью,
 И залпов орудийных град...
 По стенам крепости вели
 Огонь из тысячи орудий!
 Сады горели, церкви... Люди

Здесь оставаться не могли.
 С великим горем, на изгой,
 Спешили, покидая город.
 В леса, к страданиям, на голод...
 «Спаси Господь! Верни домой!»

В Смоленск вошёл Наполеон...
 Но был угаром дымным встречен.
 Всё огненным объято смерчем:
 Мост, госпиталь и каждый дом...
 Всего-то тысяча людей,
 Больных да немощных и старых,
 Метались в городских пожарах,
 Кляня непрошенных гостей.

Такой ли славы он хотел:
 Пустой, кровавой и бесплодной?
 Сражаясь с армией народной,
 В потере войска преуспел:
 В Европе признанный стратег,
 Штурмуя подступы к Смоленску,
 Оставил (пред отпором дерзким)
 Здесь двадцать тысяч человек...

 Минуло двести с лишним лет...
 Смоляне чтут героев подвиг.
 Сынов Отечества здесь помнят:
 Воздвигнут в парке монумент...
 В былинах, одах и стихах
 Воспеты подвиги в сраженьях,
 Чтоб донести до поколенья
 Историю страны в веках!
 Огонь у крепостной стены –
 Виват защитникам России!
 По духу храбрости и силе
 Они для славы рождены!

¹ Стратег (от др.-греч., «вести войско») – воевода, военачальник, полководец.

² Барклай-де-Толли (Михаил Богданович Барклай-де-Толли) фактически исполнял обязанности главнокомандующего русской армией в начале Отечественной войны 1812 года до назначения М. И. Кутузова.

³ Бой арьергардный – бой, предпринимаемый с той целью, чтобы задержать наступающего противника и тем обеспечить отступление главным силам (Толковый словарь Д. Н. Ушакова).

Екатерина ГРОМОВА

Родилась в 1993 году в Петрозаводске. Поэт, руководитель Совета молодых литераторов при Карельском региональном отделении Союза писателей России. Автор сборника стихов «Север внутри».

Лауреат Молодёжного конкурса журнала «Север» «Северная звезда», III Международного литературного конкурса-фестиваля «ЛитКузница», призёр II Международной литературной премии им. А. Серафимовича, лауреат VI международной поэтической премии «Фонарь-2024», лонг-лист Всероссийского фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест». Произведения публиковались в литературных журналах «Север», «Сибирь», «Волга-XXI век», «Берега», «День и ночь», «Подъём», «Аврора» и др., альманахах «Царицын», «Земляки», «Образ», «Солнечный круг».

* * *

Всё мечтается чаще о вере,
только мысли болят о земном.
В полусонном прихрамовом сквере
я люблюсь ночным мотыльком.
Он как будто из Божьего света
и туда же стремится, к Нему...
А меня повергает планета
то в безмерный восторг, то во тьму.
Видно, в смуте мне гаснуть осталось,
как свеча или как уголёк.
Как вобрать света веры хоть малость?
Дай подсказку, ночной мотылёк.

* * *

Мне узнать бы, что там, за границей
чёрно-белой тревожной зимы,
и вернуться ли певчие птицы
в тёплый мир, что построили мы...
Суждено ли уставшей природе
оживиться в стотысячный раз
или это любовь так уходит,
оставляя растерянных нас?

* * *

Оберег от чужих, от ненужных печалей
Из любви сотворить мы с тобою смогли.
Словно звёзды и ночь, мы однажды совпали,
И, быть может, они нас друг к другу вели.
Бытованье постылое кануло в Лету –
Нескончаемым праздником полнится дом.
Оберег сотворили из тёплого света –
И под ним мы отныне с тобою живём.
Он невидим, как мир в детской водной
раскраске,
Но в сердцах он блестит негасимым огнём.
Не закончится праздник, не выцветет сказка –
Мы же сами её из любви создаём.

* * *

Эти мысли так просто не вылью,
нет ни края у них, ни дна:
обернусь я небесною пылью –
и тогда окажусь одна.
И укроется быть по архивам –
мой земной неоконченный след.
Кто-то скажет – была я счастливой,
кто-то верно заметит –
нет.

* * *

Мне подходит предзимняя улица.
 Мне по нраву глядеть из-за штор,
 Как пылинки жемчужные кружатся,
 Опускаясь на зарецкий двор,
 Как снежинкам дома улыбаются
 Каждой лампочкой первых гирлянд,
 Но в глазах у меня отражается
 Мягкий свет черноморских веранд.
 Здесь, в карельской родной меланхолии,
 Откровенье придёт невзначай:
 Я лаванду люблю и магнолии,
 Но подходит лишь северный чай.

ПО ДОРОГЕ В КРЫМ

Сердце уже в Севастополе, в красочном лете,
 В звёздном просторе, с душистою ночью
 на «ты».

Море меня самым нежным объёмом приветит,
 Будет всю ночь подпевать до последней
 звезды.

Лунная тень упадёт с кипарисовых веток,
 И мотыльки устремятся в тревожную высь.
 Только опасность так близко...

но, крымское лето,
 Ты устоишь, всею силой своей защитись.

* * *

Обнажившись, из города осень отчалит,
 лоскутки мёртвых листьев оставит как след.
 Мы с тобой друг от друга немного устали –
 ну а как не устать нам за столько-то лет.
 От непролитых слёз я – взгляни! – потускнела,
 в позаброшенном храме иконой стою.
 Пусть дорога укроется саваном белым,
 пусть метель панихиду затянет свою,
 но финалу не быть – кто из нас да позволит
 светлый храмик забвенью отдать, как мечам.
 И весна льдистый купол побегом расколлет,
 и затеплится сизнова наша свеча.

* * *

Не вычеркнуть, но тают еле-еле
 периоды молчания пустого –
 меня там не любили, лишь смотрели
 во все глаза, как будто на смешного
 зверька инопланетного. Он словно
 в земном вольере жалкий приживалец.
 Всегда молчал – зачем чеканить слово?
 Намного проще укусить за палец.
 Зверёк любил раскраски и мультфильмы
 и слал с Земли «привет» небесным блёсткам.
 Зверька учили: надобно быть сильным,
 а то всё время будут драть за шерстку.
 И чтоб в постылой не погибнуть клетке,
 сбегал порой в сады в альбоме ярком,
 в свои незавершённые заметки,
 желая избежать людского мрака.
 Кошмарный сон противно пахнет мелом,
 хотя зверьку давно уже за тридцать...
 Как хорошо, что прошлому нет дела,
 где взрослый зверь собрался приютиться.

* * *

То поморозит, то затеплится,
 То, словно в омут, вниз потащит
 Тоска по прошлому – безделица.
 Жить всё же надо настоящим.

Не там, где многое запутано
 И мысли были бестолковы,
 Где жизнь я трогала испуганно,
 Не осознав её основы.

И слов «горжусь тобой», «ты умница»
 Ни в школе не было, ни дома...
 Конечно, всё однажды сбудется
 И обретётся, что искомо.

«Преодолеешь ты бездушное, –
 Я крикну в прошлое, – всё будет!»
 Из всех «себя» отыщешь лучшую
 И, не скупясь, подаришь людям.

* * *

Гуляла на пляже, у моря искала
Ракушки и мысли для правильных слов.
Бескрайнее море подобно началу,
Моё – это слово, а слово – «любовь».
Я в море вошла, словно в мир первородный,
Легла на ладони его, как цветок.
А море шепнуло: «Так будь ты свободной», –
Меня опустив на горячий песок.
И светлую, словно молитва, дорогу
Увидела я посреди темноты...
Иду я, ведомая сердцем и Богом,
Они указали, где ждёшь меня ты.

* * *

Подожгу свечу морскую,
помещённую в рапан,
Бог увидит, что тоскую, –
звёзд насыпет мне карман.
И останется от свечки
улыбающийся воск.
Не узнают человечки
про заоблачный киоск,
где за звёзды покупаю
я прописку в Навсегда,
и никто не угадает,
в ком я буду и когда.

* * *

Мягкие лапки катают устало
синий, как сумрак, ворсистый клубок.
Шерстью приправил тепло одеяла
дымчато-серый кошачий бочок.
Мягкие лапки нежнее, чем пальцы
тех, с кем не вышло связаться судьбой,
им бы за солнечным зайчиком гнаться
или за юной смеющейся мной.
Мягкие лапки неловки и слабы,
медленно ходят и любят лежать.
...Знаете, лапки, я всё отдала бы,
лишь бы вас старости не отдавать.

* * *

Покидай свой дом суровый,
Пусть состав тебя несёт
В край, где виноград лиловый
Соки южной ночи пьёт.
Спят созвездья над горами
Под немолчный хор цикад,
Моют кошки языками
Засыпающих котят.
На веранде запах хлеба
И домашнего вина,
А под чёрным брюхом неба –
Моря гладкая спина.
Угловатость рун – борею,
Холод рек – для валунов.
Я тебя теплом овею,
Ветром шумных берегов,
Сберегу тебя как тайну,
Как сокровище, как дань.
И сама я морем стану,
Ты – моим рассветом стань.

ОДУВАНЧИКИ

И как будто бы повода нет для стихов,
Но промчавшийся дождь заманил на балкон...
А внизу устилают дворовый газон
Сотни только что скошенных жёлтых цветов.

Нежный пух с их головок уже не слетит,
Облака нерождённые детям не сдуть.
Сотни солнц завершили к полудню свой путь,
А моё, что внутри, отчего-то болит.

Видно, так реагируют наши сердца
На любой неизбежности тягостный миг...
Только пух несозревший их в небе возник,
И плывут облака, посрамляя жнеца.

Жанна ТАШИМА

СМЕШНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Смешные человечки
На зонтике живут!
Они со мною вместе
Под дождиком идут!

Совсем не страшен дождик,
Когда большой семьёй
Смеются человечки
Над дождиком со мной!

ПОДРУЖИСЬ СО МНОЙ

Подружись со мной, ты подружись поскорее!
Будет вместе нам с тобой
Вдвоём веселее!
Будет интересней вместе нам играть,
И ракеты строить, и до звёзд летать!

ЛУЧИК СОЛНЦА

Я рада утру,
Я рада небу,
Ведь это счастье –
Жить на земле.

И это чудо,
Что солнца лучик
Проник сквозь тучи,
Блестит в листве.

Его ловлю я,
К нему стремлюсь я.
Он моя радость,
Весёлый друг.

А если в жизни
Мне грустно станет,
Вмиг засияет
С ним всё вокруг.

ПОСЛАННИЦА ВЕСНЫ

«Тук-тук» – стучит капель, играя,
Весны посланница она.
Неласково весну встречает
Старушка грозная зима.

Ворчит зима и сыплет снегом,
Кругом сугробы намела.
Весна ей отвечает смехом,
Стройна, красива и смела.

И март пришёл под птичий гомон,
Успел в назначенный черёд.
В ручьи он превратил сугробы,
Послал подснежники вперёд.

«Тук-тук» – стучит капель, играя,
Весны посланница она.
И вся природа, оживая,
Надеждой, радостью полна.

УЗНАЛА Я

Мне в детстве жизнь казалась бесконечной,
И впереди ещё так много лет!
И я была весёлой и беспечной,
И взрослой мне сияет детства свет!

Узнала я, что мир наш бесконечный,
И впереди так много ждёт дорог!
И только мир живой бывает вечным,
И свет любви создать его помог!

Я вижу целый мир в одной травинке
И вижу солнце в полевом цветке!..
И, отражённый в капельке-росинке,
Я словно мир живой держу в руке!

Я ощущаю вечность в каждом часе
И радость оттого, что я живу,
И ко всему, что есть вокруг, причастна,
И просто вижу неба синеву!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ АНДРЮШЕ

Солнышко село, и вечер настал...
И наш Андрюша немножко устал...
Скоро в кроватку его уложу,
Добрую сказку ему расскажу...
Баю-баю, баю-баю,
Песенку тихо Андрюше спою...
Баю-баю, баю-баю,
Песенку тихо Андрюше спою...

ССОРА

Если в доме возникла ссора,
Старший должен искать и найти
Те слова, что ему помогут
К сердцу младшего подойти.

Те слова, что мир восстановят,
Доброту и ясность внесут.
К дружбе в доме дорогу откроют,
Боль и горечь обиды сотрут.

Младший тоже, наверное, хочет
Про обиду и ссору забыть...
Будто не было сказано слова,
Что сумело двоих разделить.

Слово может на долгие годы
Развести самых близких людей,
И вернуть будет очень сложно
Дружбу их, что всего важней.

И ещё... может так случиться,
Так надолго их жизнь разведёт,
Что уже будет не с кем мириться,
Старший горечь с собой унесёт...

ХОЧУ ТЕБЯ БЛАГОДАРИТЬ

Я не могу уже с тобой
Делиться мыслями своими
И не тянусь к тебе душой,
Ведь стали мы почти чужими...

Исчезли радость и тепло,
Тебя я только огорчаю,
Улыбки даришь ты другим,
А я всё это замечаю...

Я не могу забыть наш лес,
Где повстречались мы с тобой,
И тот весёлый летний день,
Когда ты любовался мной.

Мне было хорошо тогда
В кругу компании «лесной»,
И как подарок ожидала
Я каждый летний выходной.

Об этих днях осталась память –
Вот фотографий целый ряд.
На них ты словно излучаешь
Такой открытый, тёплый взгляд.

За этим взглядом я готова
Была всю жизнь идти с тобой,
Но, видно, что-то не сложилось,
И надо мне идти одной...

Хочу тебя благодарить
За всё прекрасное, что было, –
Природу, музыку, стихи –
Судьба с тобой мне их дарила...

Я ощущала каждый раз
Твоё внимание и заботу,
Когда ты вкусненьким кормил
Меня, спешившую с работы...

Ещё спасибо за людей,
Которых я с тобой встречала,
И многому в судьбе моей
Ты незаметно дал начало...

ДЛЯ ЧЕГО КО МНЕ ПРИХОДЯТ СТРОЧКИ

Для чего ко мне приходят строчки?
Чтоб со мною вместе погрузить,
И меня порадовать немножко,
И помочь себя мне изменить...

Мысленно я часто обращаюсь
К близким людям и своим друзьям,
Так меня любившим и ценившим,
Очень верившим моим словам.

Но сегодня нет у нас общенья,
И меня в их жизни больше нет.
Пустота в душе моей осталась –
Я тоскую и ищу ответ...

В чём ошиблась я: не то сказала
Или что-то сделала не так,
Невзначай обидела кого-то,
Приняла обиду за пустяк?

Оказалось – всё на свете важно!
И поступок резкий, и слова,
Сказанные сгоряча однажды,
Проросли, как сорная трава.

Не хватает выдержки порою...
Так должна себя я изменить,
Чтобы близкие меня простили
И смогла я глаз не отводить.

И когда ко мне приходят строчки,
Помогают мне они понять,
Как исправить горькие ошибки,
Что должна я сделать, что сказать!..

МОИ ЧАСИКИ И МОИ ЧАСЫ

В сердце у меня Часики стучат.
Сотворили их природа и любовь
И вручили мне жизни чудный дар.
Восхищаться им буду вновь и вновь!

А мои Часы в кухоньке висят,
Солнышко из них ласково глядит,
Стрелочки вперёд весело спешат,
Нежное «тик-так» тихо говорит.

Радость и добро Часики хранят,
А людское зло разрушает их,
Есть ещё болезнь, есть ещё печаль,
Каждый их удар ранит за троих...

Но волшебник Сон успокоит боль,
Часики мои снова заведёт.
Если уж совсем будет худо им,
То волшебник врач часики спасёт.

А когда придёт тот последний миг,
Часики мои встанут навсегда.
Кто-нибудь в мою кухоньку войдёт,
На мои Часы взглянет иногда!

Вспомнит он меня, улыбнётся вдруг,
И тогда Часы словно оживут.
Нежное «тик-так» тихо зазвучит,
Горькую беду стрелки отведут.

А мои Часы в кухоньке висят,
Солнышко из них ласково глядит,
Стрелочки вперёд весело спешат,
Нежное «тик-так» тихо говорит...

СТАРЫЙ ХОЛОДИЛЬНИК

Стоял холодильник на кухне,
Служил нам бесшумно, надёжно.
Но вот он своё отработал,
В ремонт его сдать невозможно.

И старый наш друг холодильник
Был с грустью отправлен на свалку...
Стоял он там так одиноко...
И мне его было так жалко...

Его растащили на части,
Забрав всё, что было полезным.
И белый красавец блестящий
Вдруг сразу стал блёклым, облезлым.

Но, тихо приняв свою участь,
Стоял он спокойно, смиренно.
Ведь всё то, что мог, он нам отдал,
И память о нём незабвенна.

Виктория КОМАРОВА,

**с. Отказное Советского р-на
Ставропольского края**

Финалист открытого творческого конкурса «Снежная строка» (2023); финалист литературного проекта «Музыка вокруг нас» (2024); финалист литературного проекта «Мы родом из детства» (2024); лауреат проекта «Поэты тихой родины» (Московская областная организация Союза писателей России, 2024); финалист литературного конкурса «Лучшее время – ночь» (2024); дипломант 3-й степени Международного историко-литературного, творческого конкурса «К нему не зарастёт народная тропа» (2024); лауреат 2-й степени в номинации «КаЗачья СлаВа России!» Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы – 2024» и др.

БЕРЁЗА

В белом лесу молодая берёза
Снегом укрылась, надолго уснула.
Волки мороза, глодавшие грёзы,
К ней на уютный ночлег завернули.

Ты прикоснулся к берёзе промёрзшей,
Сладко окутал нежданной весной
И ощутил, как душа её ноет
Силою дерева, силою рощи!

Кто ты? Откуда, неведомый путник,
Наледи слёз растопивший дыханьем,
И для чего ей шептал поминутно
В жадное эхо весенние тайны?

Тихо растаяли нежные льдины.
Волки мороза, закрыв свои пасти,
К северу двинули зимние спины.
Солнце лакало из лужицы счастье.

ВЕДЬМА

Когда сирень повиснет над забором
Манящей дымкой из густых соцветий,
Твоя улыбка проберётся воров
И украдёт любовь весенней ведьмы.

Но чародейка ринется в погоню
И, настигая, ощутит нежданно:
Улыбка есть спасенье от агоний,
Которыми страдает постоянно.

Быть перестанет страшной и опасной,
Цветы посадит у своей избушки,
А под котлом огонь совсем погаснет,
Как взгляд у потерявшейся игрушки.

Давно себя колдунья не балует...
У ив на берегу приляжет в травы,
А ты вдруг принесёшь ей в поцелуе
Любовной, окрыляющей отравы.

ЗАКРОЙ ОКНО

Закрой окно, к нам затекает ночь –
Прохлада, нежно пахнущая сном,
Седые звёзды запорхнуть не прочь.
Закрой окно.

Я светом ламп салфетку окроплю,
Протру стекло и стены низких рамп,
Но тщетно провожу по фитилю
Я светом ламп.

Согрей меня, рассвет ещё далёк,
И поделись толикою огня,
Тревогу мрак внезапную навлёт.
Согрей меня!

Ночь полетит, цепляясь за мосты,
За многотонность отсыревших плит.
Раскладывая тени под кресты,
Ночь полетит.

Твой огонёк вдруг запоёт во мне!
Ему, живому, как-то невдомёт,
Мой острый меч в предутренней войне –
Твой огонёк.

Закрой окно, к нам затекает ночь,
С небес пропало лунное руно.
Бой с мраком на мгновение отсрочь,
Закрой окно.

КОРОТКИЙ ШАГ

Я сделала один короткий шаг
К безлунной, оглушающей ночи.
Моя любовь, прошу, молчи, молчи!
Сегодня ты мой самый злейший враг.

Ты предала, обманом провела
Мою наивность детскую души.
Но торопиться в бездну не спеши,
Сгоришь во мраке, как и я, дотла.

Тьма тянет глубже чёрною дырой,
Она меня однажды поглотит,
И сдвинутся с серебряных орбит
Планеты, сотрясая стариной.

Всё рухнет! А быть может, нет...
Кому какое дело до меня?!
Тону в ночи из мрака и огня
Любовью обезглавленных планет!

ВЫЧЕРПАТЬ

Я любовь пытаюсь заглушить
Звёздами, рекой, работой, клёнами.
Только это – то же, что не жить,
Вычерпать сумеет родник ладонями.

То же, что опустошить огонь,
Небеса тоскливых глаз любимого.
Хватит! Болью в сердце не трезвонь,
Чувство невозможно нестерпимое!

Истязало, истерзало вдрызг
Душу неприкаянную, грешную.
Выплатила сердцем обелиск,
А любовь несётся в воды вешние,

И, взмолясь, кричит: «Не убивай!»
Вновь кипенье чувств по жилам начато,
Заливая болью сладкий рай
Родником, не вычерпанным начисто!

СВЕТЛОЕ ИМЯ – ФЛОРЕНТИЙ ПАВЛЕНКОВ

Татьяна ОСИНЦЕВА

Эта история о Флорентии Павленкове, крупнейшем издателе и просветителе России позапрошлого века. Год его рождения – 1839-й. Прожил 60 лет.

Окончил он военную академию, но к военной карьере душа не лежала. И он решил издавать книги для народа. И для детей.

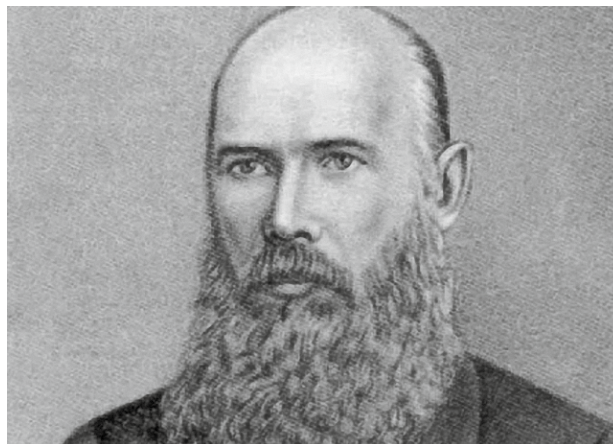
Никаких средств для начала собственного дела у Павленкова не было. Ему пришлось занять тысячу рублей у старшего брата Вадима. Эта тысяча и стала его начальным капиталом.

Первой книгой был «Полный курс физики» Гано. Он перевёл её сам и снабдил своими иллюстрациями. Тираж – 4000 экземпляров. Книга разошлась моментально. (Кстати, она переиздавалась девять раз.) Он расплатился с долгами. Открыл книжный магазин (по адресу: Невский проспект, 36).

Как сейчас бы сказали, у него было несколько больших издательских проектов. Это литература для детей и подростков, учебники, русская и зарубежная классика, естественно-научные книги, словари и серия «Жизнь замечательных людей».

Например, он издал «Наглядную азбуку» для детей, которая была представлена в 1883 году на Международной педагогической конференции в Вене. В специальном постановлении конференции книга Павленкова признавалась новаторской и была рекомендована в качестве образца для обучения в других странах. В 1874 году он издал аналогичное пособие для обучения детей математике. Оно вышло одновременно в Москве, Казани и Риге общим тиражом более 30 000 экземпляров.

«Наглядная азбука» – первый в России самоучитель грамоте, предназначенный для

родителей и воспитателей. К красочно оформленной книге прилагалось методическое руководство с системой занятий по обучению детей грамоте. Выпущенная Павленковым книга стала настолько популярной, что за десять лет выдержала 22 издания. Также Павленков выпустил книжку-игрушку «Азбука-копейка». Своё название она получила из-за цены, составлявшей всего две копейки.

В издательстве Флорентия Фёдоровича вышли популярные серии: «Библиотека полезных знаний», «Популярно-научная библиотека», «Популярно-юридическая библиотека», «Сказочная библиотека», «Пушкинская библиотека», «Лермонтовская библиотека» и др.

Для самых маленьких выпускалась серия «Подружка» – небольшие иллюстрированные книжечки с познавательными рассказами. Сборники математических игр, по мнению издателя, должны были стимулировать интерес к точным наукам.

Очень важным показателем для издателя была цена на книги: они должны были быть доступны любому грамотному человеку. Тщательно продумывая форму, внешний вид изданий, Павленков сумел выработать особый стиль,

позволявший сочетать дешёвизну и опрятность оформления.

Он писал: «Я смотрю на дело так, что у меня нет своего капитала. Это капитал моих книг, моих изданий. Каждая вышедшая в свет и распроданная книга кормит следующую книгу. Сам же я только приказчик при моих изданиях, я получаю от них жалованья ровно столько, сколько мне нужно на мою довольно скромную жизнь».

Жил он одиноко. Двухкомнатная квартира на Итальянской улице. По свидетельству его знакомых, это был быт бедного студента.

Особое место в его деятельности занимала биографическая серия «Жизнь замечательных людей» (выходившая с 1890 по 1915 г., было издано около 200 биографий), **первая в Европе универсальная библиографическая коллекция**, имевшая большой успех: 40 дореволюционных переизданий, более 1,5 млн экземпляров. Серией охвачены выдающиеся люди: основатели религий, философы, святые, музыканты, учёные, полководцы, путешественники, изобретатели, начиная с Сократа и Александра Македонского и заканчивая Львом Толстым, Лобачевским и Соловьёвым.

Самым крупным проектом из осуществлённых Флорентием Фёдоровичем уже в последние годы жизни стал выпуск первого в России однотомного энциклопедического словаря, над которым издатель работал около десяти лет. Он сам составил словник и привлёк для работы авторский коллектив специалистов. «Энциклопедический словарь», выпущенный Павленковым, был снабжён большим количеством рисунков, портретов и карт.

Кончина Павленкова, который умер в Ницце от кровотечения – туберкулёз, – стала своеобразным просветительским событием в России. По его завещанию накопленное им состояние и все доходы от распродажи изданий должны были поступить на организацию народных читален и библиотек в Российской империи. С 1901 по 1911 год в 53 российских губерниях было открыто две тысячи бесплатных библиотек-читален, которые стали носить его имя. Книжные фонды в основном комплектовались из изданий Павленкова.

Всего в его издательстве вышло более 750 изданий общим тиражом свыше 3,5 млн экземпляров.

Похоронен Флорентий Фёдорович на «Литераторских мостках» в Петербурге среди выдающихся литераторов России. Среди своих. На постаменте запечатлены две его книги: первая – «Курс физики» Гано и последняя – «Энциклопедический словарь».

А что было дальше?

А дальше наш уральский журналист и краевед Юний Алексеевич Горбунов учредил общественную организацию «Содружество павленковских библиотек» и написал книгу о Флорентии Павленкове. Да, в серии «ЖЗЛ».

В 90-х годах в Свердловске прошла конференция, собравшая работников этих библиотек Урала, на которой присутствовал Юний Алексеевич. И сельские библиотекари с жаром делились опытом, как выжить в трудное время перестройки. Их дело было им дорого и, если сказать честно, до конца не оценено.

Флорентий Фёдорович Павленков был грандиозным деятелем русской культуры, просветителем и истинным патриотом Отечества.

Светлое и святое имя. Добрая память. Не просто память – бессмертие!

Инна Путилина,
г. Липецк

МАРТОВСКАЯ ВОРОНА

Иду и размышляю о том, как в последнее время всё меняется в природе. Вот хотя бы сегодня: термометр с утра показывает -17, а ведь середина марта уже. И ещё: два дня не переставая валил снег, но вместо потепления похолодало так, что мама не горюй. Синоптики обещают морозы вплоть до конца недели, до 21-го числа, получается.

Сейчас половина девятого утра. К такому морозцу больше подошёл бы январский рассвет: синий полумрак и малиновые на востоке облака, постепенно выцветающие, теряющие яркость рядом с медленно поднимающимся над крышами солнцем. Однако солнце сияет сейчас почти полуденное, а морозец пробирает чуть ли не до костей. И снег, сухой, как крахмал, скрипит под ногами: вжих-вжих, вжих-вжих. Вот тебе и март! «Марток – надевай пять порток», – так учила меня когда-то бабушка.

Шагаю вдоль дороги, машины шуршат колёсами, ровно гудят проезжающие то и дело троллейбусы. И через этот шум слышу, будто где-то недалеко кричит кот, но голос кота не совсем привычный – грубоватый, хриплый.

Мартовский кот? Охрипший, наверное, от бесконечных ночных серенад на морозе?

Вспоминаю нашего деревенского любимца дымчатого Васеньку – первого на всю округу драчуна и забияку. По весне кот так орал, пугая своих соперников-котов, что иногда совсем терял голос: разевает рот, а звуков никаких, крутит головой, удивляется, опять пытается мяукнуть – ничего не выходит.

Наверное, в такие безголобые дни Вася научился стучать в окошко, если форточка в кухне – его выход на улицу и вход в дом – была закрыта. Стучал он задней лапкой, так уморительно, что нельзя было не рассмеяться. Постучит-постучит, потом повернётся, прижмётся мордочкой к стеклу и смотрит: идут ли открывать?

Сворачиваю во двор, чтобы сократить путь, и снова слышу хриплое мяуканье, уже громче, явственнее. «Постой-ка, – говорю сама себе. – Ведь коты поют своё “мя”. Ну да, они выпевают: “мя-а-а-у”. А это будто по слогам произносят: “ма-у, ма-у”. Что за непонятка?»

Всё разъясняется возле мусорных ящиков. Здесь кормится стайка голубей, чуть поодаль разгуливают две галки, а ближе к дорожке расположилась ворона. Когда я приближаюсь, ворона разевает клюв и, смешно вытягивая вперёд шею, старательно произносит: «ма-у». Потом ещё: «ма-у, ма-у».

Останавливаюсь в недоумении. Птица в трёх метрах. Посмотрела на меня одним глазом, потом другим, несколько раз кокетливо ковырнула клювом снег и снова: «ма-у, ма-у». У котов, что ли, научилась? Вот артистка! А как элегантна на фоне чистейшего снега: чёрная с серым – в таком наряде и в министерстве будешь уместно выглядеть, просто идеальный дресс-код.

Ворона замолкает, смотрит на меня. Наконец догадываюсь: она же ждёт угощения! А у меня ничего съестного с собой нет. Объясняя это птице, огорчённо всплёскиваю руками. Резкий жест пугает её, и она взлетает. «Растяпа! – ругаю себя. – Зачем руками размахивала?»

Однако моя новая знакомая не улетает далеко. Устраивается на ближайшей берёзе и снова твердит: «ма-у, ма-у, ма-у», поглядывая на меня то одним, то другим глазом. Потихоньку трогаюсь с места. Ворона перелетает на другое дерево, стоящее на моём пути, и, когда я подхожу к нему, снова заводит своё «ма-у, ма-у, ма-у». Честное слово, жаль с ней расставаться, но надо спешить.

Вечером рассказываю историю домашним. «Да ведь вороны – птицы-пересмешники, – отвечают мои дети. – Так что нет ничего удивительного в том, что эта ворона замякала по-кошачьи».

Потом смотрим ролики про ворон: как они говорят, катаются на крышках от банок, дразнят котов и собак. Любят, оказывается, эти птицы поразвлекаться. А шутки у них не всегда добрые: вон как щиплют котов за хвосты. «Но моя знакомая птица совсем не такая, – думаю, складывая в мешочек корочки хлеба и кусочки печенья. – Завтра обязательно зайду во двор, где встретила говорящую ворону, и угощу её от души».

ЛЕТНИЕ РАДОСТИ

Прошлым летом гостила у двоюродной сестры в маленьком южном городке. Было самое начало июня. Ярко зеленела сочная трава. Деревья ещё не утратили своих весенних запахов. Зацвел жасмин.

На следующий день после моего приезда разразилась настоящая летняя гроза с пушечными раскатами грома, с молниями. Вода лилась с неба потоками, пузырилась на асфальте, доходила почти до середины колеса легковым машинам, оставляющим за собой белый бурлящий след.

Больше часа мы с сестрой Наташей простояли у окна, не отрывая глаз от величественного зрелища. Когда ливень стал стихать, открыли окна, и с улицы потянуло такой божественной свежестью, что мы, не откладывая, стали собираться на прогулку.

Потоки воды, бегущие по дороге, уже иссякали. Вскоре выглянуло солнышко и стали появляться сухие пятна на асфальте. Аромат тополя, усилившийся после дождя, кружил голову. Возле каждого куста жасмина мы останавливались, любуясь распускающимися цветами и наслаждаясь их экзотическим запахом.

Незаметно дошли до центра города. Дома здесь двухэтажные, «сталинки» – так называют их жители. Эти дома нравятся мне тем, что они разные: есть с арочками у входа и над окнами второго этажа, у некоторых – крошечные балкончики с узорными решётками, но самые замечательные – с фонарями на втором этаже.

В одном из таких домов более сорока лет назад в коммунальной квартире жила Наташа с родителями и младшим братом. Мы решили найти этот дом и вскоре действительно нашли. Прошли во двор, посмотрели на окно бывшей их комнаты, полюбовались пышными розовыми пионами, нарядной толпой заполнившими палисадник.

В соседнем дворе увидели беседку, уютную виноградом. Скамейки и столик в беседке остались сухими, и мы решили там отдохнуть.

Вскоре из первого подъезда вышла молодая женщина, рядом с которой бежал крупный полосатый кот в голубом ошейнике. Кот вскочил на скамейку, а хозяйка стала давать ему наставления, как вести себя в её отсутствие. Он не отрываясь смотрел ей в лицо, и казалось, вот-вот кивнёт в знак согласия.

Минут через десять из того же подъезда показалась старушка с пачкой газет. Расстелила

СТИХИЯ

на непросохшей скамейке целлофановый пакет, села и приступила к чтению.

Кот соскочил со скамейки, прошёл по дорожке, старательно выбирая сухие места, прыгнул на крышку люка и, потоптавшись немного, уселся.

Мы с сестрой разговаривали и сначала не обратили внимания на мяуканье. Потом замолчали и прислушались. Кот мяукал громко и как-то необычно.

– Миау-миау-миау! – тянул он высоким голосом, останавливался на мгновение, потом на более низкой ноте продолжал: – Мау! Мау!

Оглядевшись по сторонам, кот опять замяукал высоким голосом:

– Миау-миау-миа-а-ау!

Помолчал и снова тоном ниже:

– Мау! Мау! Мау-мау-мау!

Старушка подняла голову и пристально посмотрела на кота поверх очков. Тот помолчал немного, поглядел по сторонам, словно ища слушателей, и снова завёл своё «миау-миау-миау!».

– Поёт паршивец! – удивлённо констатировала бабуля и, покачав головой, углубилась в газету.

А мы с Наташей внимательно прослушали все кошачьи рулады и, уходя, погладили полосатого артиста, поблагодарили за концерт. Удивительный кот весьма благосклонно отнёсся к похвалам, тёрся о наши руки, урчал. Когда мы отошли шагов на десять, снова запел.

Отпуск подходил к концу, и в один из жарких дней накануне моего отъезда мы с Наташей решили снова сходить во двор дома, где жил певчий кот: может быть, он ещё что-нибудь исполнит для нас.

Полосатого артиста увидели издали. Он дремал на подоконнике открытого окна первого этажа, свесив роскошный хвост. «Кис-кис-кис!» – позвали мы. Кот открыл глаза и поприветствовал нас тихим «мяу». Мы стали говорить, какой он удивительный, музыкальный, талантливый. Кот щурился, потягивался, помахивал хвостом, но петь вовсе не собирался.

– Наверное, у него творческий кризис, – решили мы и, попрощавшись с полосатым артистом, ушли.

Разгул настоящей стихии довелось увидеть только раз в жизни, но эта картина и сейчас стоит у меня пред глазами.

В то лето дожди перепадали нечасто, опасались серьёзной засухи, переживали за урожай. Но вот где-то за Уралом зародился могучий циклон, и начались ливни. Синоптики обещали, что этот циклон придёт через несколько дней и в наши места, что спадёт наконец изнурительная жара.

Дня через три ливни с градом, с порывистым ветром прошли в Москве. На следующий день их ждали в нашем городе.

С самого утра у меня нестерпимо, до тошноты болела голова. Звонили подружки, тоже жаловались на самочувствие. После обеда головная боль как-то очень быстро прошла, и я занялась домашними делами. Небо к тому времени уже сплошь затянуло тучами.

Мои близкие были хоть и не дома, но в безопасности, голова не болела, поэтому я спокойно ожидала обещанной синоптиками непогоды. За окном темнело, в комнаты заползал сумрак, но не вечерний синий сумрак, а другой – непривычный, зеленоватый, тревожный.

Ветер стал налетать порывами, и каждый последующий порыв был сильнее, злее предыдущего.

Один из таких порывов буквально вбросил в открытое окно бабочку. Неловко потрепыхавшись, она выправилась, несколько раз облетела полутёмную комнату и устремилась к свету. Я быстро закрыла окно, но бабочка и не собиралась улетать. Спокойно усевшись на тюль, она сложила крылышки, потом развернула. Какая же она была крупная, нарядная!

Между тем порывы ветра за окном следовали один за другим. По тротуару неслось множество пустых пакетов, потом с глухим стуком, подпрыгивая, покатались пластиковые бутылки, загромыхали алюминиевые банки. И скоро то, что неслось по улице, уже нельзя было назвать ветром – это был шквал.

Ветер прекратился разом, и через мгновение на землю обрушилась – нет, даже не стена дождя – стена воды. Всё, что было видно за окном, сразу смазлось, потеряло свои цвета, расплылось...

Я поспешила на кухню, и вовремя. Там в незакрытую форточку лились потоки воды, на полу стояла большая лужа. Бросилась её вытирать, а когда подняла голову, заledenела от ужаса: вместо привычного сквера не было ничего. Только темнел неясно различимый за стеной дождя дом на противоположной стороне улицы. Мысли мгновенно покинули голову, и в ней зазвенела пустота. Слава богу, деревья через несколько мгновений вдруг встали на своих прежних местах. Потом снова пропали.

Стоя у окна, с каким-то суеверным страхом вглядывалась в происходящее. Ветер, сопровождавший ливень, был так силен, что под его порывами гнулись и припадали к земле могучие липы и клёны. Налетел ещё один, невероятно сильный порыв, и по стёклам застучали градины.

...Больше часа простояла у окна, наблюдая за разгулом стихии. Людей на улице не было совсем. Легковые машины, съезжая на обочины, останавливались. Только огромный «Икарус», надрывно рыча, полз по дороге навстречу потокам воды и могучим порывам ветра.

И вот ливень и ветер начали терять силу. Стихия понемногу умиралась, небо светлело.

Когда дождь совсем прекратился, я открыла окно и стала наблюдать за прекрасной гостьей – бабочкой. Какое-то время она сидела неподвижно. Почувствовав струю свежего воздуха, несколько раз свернула и развернула крылышки, прогулялась по занавеске. Затем слетела на подоконник, помедлила немного и выпорхнула в окно.

К ужину собрались мои домашние, и мы целый вечер делились впечатлениями от стихии, свидетелями которой случилось быть.

Утром сын увидел на подоконнике в своей комнате неподвижно сидящего маленького шмеля. Значит, мы пережидали стихию не вдвоём с бабочкой, а втроём. Бархатный шме-

лик с белой пушистой попкой забился в самый уголок. Насекомые, конечно, не умеют думать и чувствовать, но, честное слово, он показался таким испуганным и несчастным.

Сын спешил, поэтому спасение шмеля поручил мне. Тем более что в таких делах у меня имеется немалый опыт. Я сворачивала из бумаги большой кулёк, кусочком бумажки стаскивала туда насекомое и одним движением закрывала.

Всё это удалось проделать и с маленьким шмелём. Выйдя на балкон, открыла кулёк. Через минуту-другую пушистый шмелик выполз. Огляделся, оживился, пробежался по краю кулёка. Потом взлетел и стал летать возле меня кругами. Круги эти увеличивались, увеличивались, и наконец шмель растворился на фоне листвы.

Лети, лети, маленькое Божье создание! И пусть твою шмелиную жизнь больше не потревожит никакая стихия, а будет в ней только солнце, зелень и сладкий нектар.

СВЕТ

Конечно, я не раз читала о том, как бороться с осенней депрессией: раздел «Советы психолога» сейчас есть чуть ли не в каждом журнале. Так вот, кроме фруктов, тёмного шоколада и водных процедур, рекомендуется чаще бывать на улице в светлое время суток: подзажигаться, так сказать, солнечной энергией. У меня, как и у всякого трудоголика, каждый день распisan по минутам: работа, домашние дела, чтение, вязание – так что на осенние депрессии времени, наверное, просто не оставалось. Но прошлой осенью (может, возраст даёт о себе знать, а может, климат и вправду меняется) беспросветно пасмурная погода стала тяготить.

Однажды в середине ноября вышла из дома ближе к полудню. Дождь к тому времени уже прекратился, но было очень мрачно, небо серое с каким-то даже коричневатым оттенком и такое низкое, что казалось, оно опирается на

вершины высоких деревьев. Стояла на остановке, то и дело поглядывая вверх, и чувствовала, как всем нутром моим овладевает тоска. Автобусы подходили один за другим, но все не мои. Просто плакать хотелось от этого серого мутного дня, на мгновение даже страшно стало, что низкое небо вдруг опустится ещё ниже и всех нас придавит.

Ехала в автобусе и не отрываясь смотрела в окно: беспросветное ватное небо притягивало к себе взгляд, не отпускало, казалось, что оно становится всё темнее и темнее.

Автобус остановился вдруг в неполюженном месте, и я отвлеклась от созерцания. Мы попали в пробку. Постояв минуту-другую, автобус проехал несколько метров и остановился, потом через пару минут ещё немного проехал и снова остановился, на этот раз напротив большого магазина с названием «Свет».

В тот же миг я почувствовала радость, заполняющую всё существо: это был яркий свет. За огромными стёклами витрин сияло множество настольных ламп, бра, торшеров. Переливалась огнями и подсветка, обегая каждую из витрин по периметру. Потолки торговых залов были увешаны не десятками, наверное, а сотнями горящих люстр.

Пассажиры, едва автобус остановился, привычно уткнулись в телефоны. В окно смотрели только я и пара, сидевшая напротив. Юноша и девушка (очевидно, молодожёны) оживлённо обсуждали торшеры, выставленные в витринах магазина, выбирали подходящий для своей квартиры. Я плохо вижу, и детали люстр и бра оставались скрытыми от меня. Я видела только свет, свет, свет! Мой взгляд буквально купался в его волнах, душа тихо ликovala. Я боялась только, что автобус быстро тронется, так что не успею налюбоваться светом, напиться, насытиться им.

...Автобус простоял в пробке минут пятнадцать. Потом я проехала ещё три остановки и вышла. Небо над головой оставалось всё таким же непроницаемо-серым, ватным. Но, странное дело, оно уже не давило, как прежде, не пугало. Чувствовалось, что меня согревает отголосок

того света, в котором с таким восторгом купался взгляд несколько минут назад. Да, было пасмурно, неудобно, но ощущения безысходности не было.

Когда, справившись с делами, вышла на улицу, уже стемнело. Горели фонари, переливалась разноцветными огнями реклама, сияли витрины магазинов. Свет множился, отражаясь в лужах, мокрый асфальт поблёскивал. Накинув капюшон, спрятав руки в карманы, я возвращалась домой, поглядывая на привычное чёрное небо и не испытывая никакого душевного дискомфорта.

...В жизни, когда начинаешь задыхаться на безлюдье и тонуть в безвременье, нужен свет – встреча с хорошим человеком. Такая встреча надолго согреет душу, поможет среди безлюдья разглядеть людей, спасёт от неверия и отчаяния.

Большая книга большого писателя, встретившаяся на нашем пути, – тот же свет.

Кристина КОЛОБАЕВА

Родилась в Спасском районе Рязанской области. Окончила экономический факультет Московского политехнического университета.

Участница многих всероссийских литературных форумов и фестивалей молодых писателей.

Печаталась в «Литературной газете», на портале о культуре «Ревизор.ру», на сайте «Российский писатель», в журналах «Москва», «Гостинный дворъ», «Огни Кузбасса», «Волга – XXI век», в альманахах «Царицын», «Литературный курс», «45-я параллель», «Образ» и др. Живёт в Рязани.

* * *

Пока говорили камни – я мёртвых кормила
птиц.
На улицах пыльной Рязани июль переменчив
и чист.

Дырявые тротуары. Холмистые облака
цеплялись за ветви парков и рвали свои бока.

В безвременье одиноко. Проспект
Первомайский – пуст,
и если прибавить скорость –
быстрее тебе приснюсь.
Как только взрвёт тревога, за птицами
встрепенись.

Смотри, небосвод расстёгнут,
и ангелы смотрят вниз.

РОНДЕЛЬ

Разбуди меня: страшное снится!
Залетели в окошко метели,
Снег упал – холод белой постели;
Стала комната словно темница.

Я пыталась тихонько молиться,
Но молитвы души не согрели.
Разбуди меня, страшное снится!
Залетели в окошко метели...

Билась в стены, как дикая птица,
Силы кончились, заledenели.
Пульс теряется в немоющем теле,
Забываю любимые лица.
Разбуди меня, страшное снится...

* * *

Пепел падает ниц,
Сирые тут и там.
Крылья бы, как у птиц,
Да разговор по душам.

Ленточка на портрет.
Лента из новостей.
Вдребезги стеклопакет:
– Срочно зови врачей!

Лишь колокольный звон
Глушит сирены вой,
Слёзы текут с икон.
– Выживи, дорогой!

– Что не уедешь, мать?
– Кошка. Корова. Дом.
Некуда мне бежать,
К Богу пойду пешком.

* * *

Не гаси мой парящий фитиль,
Не пророчь апокалипсис, осень.
Листья бьются к несчастью оземь,
Застилая безвестный пустырь.
Всё, что есть, – только брменная пыль,
Всё, что есть, – только юная озимь.

Затянулась туманами синь,
И к густой седине их примкнула.
Я смотрю сквозь волнение тюля
На колонны военных машин.

Прошепчу еле слышно: «Аминь»,
Растирая нерадость по скулам.

Всё, что есть, – только новая боль,
Всё, что есть, – только старое чувство
(В сердце стойком застывшее сгустком,
Страхом липким задетое вскользь).
Бог, любить это время позволь,
Этот мир – всей душою, по-русски.

* * *

Не отрекись ни сейчас, ни в последний мой
выдох-вдох,
В процветающей осени я – побледневший мох,
Не разрешай пустоте, как родную, в ночи
ласкать,
Не хочу с ней мириться, она – ни сестра,
ни мать.

Я ещё поднимусь, расцвету – поддержи
до поры.
Хочется зиму ругать, летом – страдать
от жары,
Хочется бегать по лугу, касаться морской воды,
Думать побольше о важном, смеяться
от ерунды.

Хочется солнцем сверкать в поблѣкшей
своей судьбе.
Хочется... Господи Боже, прижми меня крепче
к себе!

* * *

Снег на Благовещение – урожайный год.
Сны мне снились вещие: голубь, небосвод.
На листке написаны близких имена.
С чудотворных списаны.
Я молюсь – грешна.
Сбереги нас, Господи, упаси от бед...
И с настенных росписей смотрят мне вслед.
Город припорошенный.
Белая земля,
Матерью не брошены, зиму привела.

* * *

Морозный вечер. Греет чай с малиной.
Мурлыка щурится. Снежинки за окном.
Я заболела грустью беспричинной,
От мира прячусь в одеяле шерстяном.

Противится нутро безликим будням,
До мартовских грачей – лишь пара круглых лун.
В снегах Зимы остаться прежней трудно,
Когда душой владеет старый Карачун.

Поёт метель. Допит мой чай с малиной.
Мурлыка мирно спит. Струится лунный свет.
Молчу. Слова похищены ангиной,
Мне с тишиной ночной уютно тет-а-тет.

* * *

Если Бог нас оставил, к чему просыпаемся мы?
Что же просит в молитве одетая в чёрное мать?
И не нужно прощать, превосходно в груди боль
щемит,
Современным реалиям будет привычно,
под стать.

Почему же тогда пробивается снова заря,
Плавит лёд мёртвых улиц сверкающий патокой
луч?
Вот соседский малыш кормит пса за углом
втихаря,
А к победе пришёл тот, кто не был богат и везуч.

Утешенье приходит внезапно – хотел не хотел,
Свысока лучше видно речушку, поля и лес,
Робко пишет истории наши «небесный отдел»,
Заживает рубцом непрощённой обиды порез.

Если трудно, поверь, доброта никогда не умрёт,
Помощь тоже придёт, стоит только её попросить.
Жизнь порою похожа на длительный фотоотчёт:
Собирает моменты, улыбки, посты и статьи...

На пути неминуемы страхи, грехи и печаль,
Бедность сердца, предательство, войны, порок
без прикрас.

Даже если под руку с любовью бездушная
фальшь –

Бог не оставил нас...

Кристина ДЕНИСЕНКО

Поэт. Родилась в 1983 году на Донбассе. Печаталась в литературно-художественных журналах «Бельские просторы», «Берега», «День и ночь», «Дон», «Краснодар литературный», «Молодая гвардия», и др. Автор девяти книг. Победитель Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2024). Победитель XVIII Всероссийского конкурса патриотической поэзии имени А. Т. Твардовского (2024). Победитель Всероссийского творческого конкурса имени Мэри Рид (2024). Победитель XI фестиваля-конкурса поэзии «Муза Новороссии» (2024). Лауреат литературной премии имени «Молодой гвардии» (2025). Гран-при V ежегодной международной литературной премии «Человек слова» (2025). Гран-при литературной премии «Литературный код» (2025). Живёт в городе Юнокоммунаровске (ДНР, Россия).

МИР, ГДЕ СТИХАМИ ЛОЖАТСЯ ТЕНИ

В узоры бессмертно распахнутых роз
 покрывала мамы,
 В густую траву мягким фетром, примятую
 новой болью,
 Роняли солёные капли два сомкнутых океана,
 А розы безмолвно молились богам о душе
 бездольной.

И я становилась былинкой, простой и себе
 понятной,
 Единой со всем, что к стенам дорогого мне
 дома жмётся.

Малиновый запах отвара от кашля встал
 над кроватью,
 Как после хронической ночи – в оконце
 подсвечник с солнцем.

Мне снова тринадцать. Белел облаками
 небесный ситец.
 Зима овивала снегами раздетых берёз колени.
 И я выходила из дома искать ту себя, что осилит
 Дорогу в затерянный мир, где стихами
 ложатся тени.

Писала в тетрадь о тебе, про тебя, про бронхит
 и звёзды.

А время коварно летело на юг перелётной птицей.
 И всё бы неглохо. Бояться казаться нелепой
 поздно.

Но солью на розы из фетра стихи продолжают
 литься.

ЖЕНСКУЮ БОЛЬ НЕ УЙМЁТ НИКАКИМИ ЦВЕТАМИ ВЕСНА

Мой щит – безразличие – глиняным блюдцем
 расколот,
 И грозная крепость – дистанция – волнами
 смытый песок.

Я губка, впитавшая боль кротких слов весом
 в море.

Я туча над степью, сожжённой за мир
 и за что-то ещё...

Известия – стрелы с вороньими перьями –
 в сердце.

Небрежно наброшена вдовья косынка
 на грушевый сад.

Зачем столько мёртвых земле? Я смотрю
 и не верю...

Кресты за крестами войсками погибших
 мальчишек стоят.

Сочувствовать женскому горю больнее,
 чем саду.

Ведь женскую боль не уймёт никакими
 цветами весна.

В тылу материнские души живьём умирают,
 Когда их детей возвращает в гробах с поля боя
 война.

НЕПРОШЕННЫЙ СНЕГ

Отражение тянется к солнечным бликам,
К запорошенной снегом картине двора.
Даже снег возвратился и заново выпал,
Будто я по зиме тосковала вчера.

Будто свечи палила из жёлтой вошины,
Чтобы снег возвратился живым с СВО,
Или кот грустных глаз не сводил благочинно
С хлопьев снега, штурмующих наше окно.

Снег вернулся. Ворвался метелями в город.
Будто с минных полей отпустили на час,
На рассвет, на апрельское утро, в котором,
Будто слёзы на стёклах, снежинки скользят.

Отражение смотрится призраком в душу
И молчит громче взрыва кассетных ракет.
Почему ты, как снег, с СВО не вернулся?
Почему сообщений две вечности нет?

Не сойти бы с ума, не писать бы стихами
Про непрошенный снег и незваную боль...
Возвращайся живым. Я тебя умоляю,
Будто снегом, тобой любоваться позволь.

ТЕНИ БЕРЁЗ ЦВЕТА ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ

Солнце закатное в снег опускает январские
пальцы.
Рыжий муслин ниспадает каскадами
с чопорных крыш.
Словно у страха глаза, велики тени тонких
страдалиц.
Словно у входа в берёзовый храм ты несмело
стоишь.

Тени сплетаются в невод судьбы, в сети
выцветшей скорби.
Вышиты холодом буквы несобранных слов
в белый стих.
Воздух прозрачен и чист. Грани времени
воздухом стёрты.
Ветер в твоих волосах песнопением птиц
голосит

Арию маленькой грусти, и чёрное кажется
белым...
Тени берёз цвета горькой полыни склонились
в мольбе.
Вижу тебя через стёкла сошедшей на землю
метели!
Помню тебя через тысячи заново прожитых
лет на земле.

ВСЕЙ ГАВАНЬЮ СЕРДЦА ЛЮБИТЬ

Октябрём размывает следы грязных туфель
и слов,
Ни плохих, ни хороших, а просто непрошенных.
В гавань сердца стелиться и плакать
порошами,
Вызывать то ли боль, то ли жалость
на призрачный бой.

День настолько дождливый, что мыслей
зеркальная гладь
То прозрачней, чем лёд, то страшнее затмения.
Я могла бы родиться луной в ночь осеннюю
И не знать, как мяукает кот, когда просит тепла.

Не казалось бы утро вечерней зарницы мудрее,
Лес, раздетый до нитки, не трогал бы горестно,
Родники разносили бы свет лунной повести,
Обтекая углы мхами вышитых чёрных камней.

Не вела бы кривая стезя в час, где поздно
ценить
Даже осень в продрогшем саду сельской
местности.
Не далось мне родиться луной в ночь
чудесную,
Но мне выпала доля всей гаванью сердца
любить

И терновника синие слёзы, и сумрачный вид,
Две тропы, что сплетаются в узел у кладбища,
И лохматого пса, чьи глаза умоляюще
Смотрят в душу, которую я прихожу навестить.

Татьяна КОЛЕСНИКОВА

Родилась 11 февраля 1945 года в пос. Александро-Невский Новодеревенского района Рязанской области.

Участник поэтического клуба им. Е. А. Артамонова «Рифма», работающего в Александро-Невской центральной библиотеке. В 2020 году вышел в свет авторский сборник стихотворений «Песня радости простой».

ТВОЯ ЖИЗНЬ

Береги свою жизнь и цени
И не смей ею жертвовать слепо.
На себя, на людей ты взгляни,
Не погибни красиво, нелепо.
Твоя жизнь – не тебе одному,
Дорога твоя жизнь близким людям.
Не отдай неизвестно кому
Свою жизнь – в этом ты неподсуден.
Лишь тебе одному выбирать –
Сохранить её или отринуть,
Всё, что жизнью дано, потерять
И нелепо, бессмысленно сгинуть.
Героизм или глупость: где грань?
Ты пойми, твоя жизнь бесценна!
Распрячься, и немедленно встань,
И борись за неё непременно!

ШКОЛЬНИЦА

Алмазинка проходит обработку,
Она мечтает бриллиантом стать.
Мечтай, мечтай, красотка, всё равно
Получится алмазное сверло.
И если не бракованное, то
С любой задачей справится оно!
Алмазинки чисты и симпатичны...
Увы, но бриллианты единичны!
При массовой системе обработки
Как правило, выходят «сверло-тётки»...
Но, если ставишь пред собой такую цель,
Всю жизнь свою ей посвети теперь,
Шлифуй себя, работай много, чтобы
Ты стала бриллиантом высшей пробы!

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

Я не хочу делиться слабостью,
Своим неверием, сомнением.
Победы отмечаю радостью,
Очередным стихотворением.

Переживала невезение,
Как мне казалось – поражение,
Таила от людей смятение,
Смущение, опустошение.

Искала путь и слово доброе,
И чей-то взгляд как подтверждение,
Что я могу! Крепила веру я –
И начиналось вдруг движение,

К вершине новой восхождение
И снова, снова возрождение!
И приходило вновь везение,
И исчезало наваждение.

Скажите, люди, слово доброе,
Что для меня как круг спасательный,
И как маяк над нашим городом
Ваш взгляд – и светлый, и внимательный.

Я снова наполняюсь силою,
И – к цели, птицею летящею!
Я снова становлюсь красивою –
Открытой, смелой – настоящей.

Екатерина КРУТИХИНА

АЛЫЧА

Светило в детстве солнце алычой.
Щавелевые пироги на кухне.
Гармошку дед натянет на плечо:
У самых губ цигарка вдруг потухнет.

Я «гэкаю», как будто вся Кубань.
Мать злится: неприлично, городская.
Купили кур коробку, как всегда,
И Джесси снова в будке приласкали.

Пора на двадцать соток – ждёт гора
Чумазой и неряшливой картошки.
Мы уезжаем в пять часов утра.
Дед больше не сыграет на гармошке.

О ПЕРМИ

Я родилась на Западном Урале,
Где горы не заоблачных высот
И медность их волшебней Зазеркалья.
Лиричен здесь совсем не горизонт,
А подземелья узенькие гроты,
Где, говорят, неведомо камней.
Там эхо вопрошает долго: «Кто ты?» –
И снова утопает в тишине.
Просты, как три рубля, остроязыки,
Всегда глаза в глаза тебе глядят
(В таких глазах живут лишь солнца блики).
Смеются от души и невпопад.
К таким тебя притягивает кожей.
В предгорьях свой, особенный магнит.
Я помню Пермь красивой и хорошей,
Пускай давно в окне не те огни.
Родиться там – особенный дар свыше,
Но в этом грусти всё же есть момент:
Она в расцвете, благодатью дышит,
Да благодать такая не по мне.

НЕПРОШЕНАЯ

Видно, в жизни ждать покой не стоит.
Плачьте вновь, лазурные глаза.
Ворвалась любовь – приму достойно.
Не смогу – верну её назад.
Помещу в коробку. Заберите.
Не хотите? Что же, не виню.
Адрес не оставил отправитель.
На душе сиреневый июнь.
Не зарегистрировать на почте.
Побреду, шагая невпопад.
Почему посылка так не хочет
Путь к тебе проделывать назад?

* * *

Нет больше «мы» – тупая боль и травма.
Не застревай в изношенных вещах.
Давно друг друга любим не на равных.
Скупое, бесполезное «прощай».

Захлопни дверь. Найдёшь ключи на полке.
Прошу, забудь мои черты лица.
Не поняла, как стала льда осколком.
Всё кончено. На пальце нет кольца.

* * *

Автовокзал смертельно одинок.
Веду сама с собою диалог.
Ты правда был? А вдруг мне показалось?
Замызганно оконное стекло.
Я проклята? Безумно повезло?
Капризная, тягучая усталость.

Отчаянно влюблённая душа.
Всё изменю. Один последний шаг.
Не остаётся ничего иного.
Я мчу к тебе в холодном кактамбре –
Решительность, похожая на бред.
Глаза в глаза. Давай начнём по новой?

Я нормальный!

РАССКАЗ

Инна ИГНАТКОВА,
г. Оренбург

Я решил рассказать людям свою историю. Вдруг она кому-нибудь поможет. Впрочем, сомневаюсь, что она может оказаться кому-то полезной – в силу своей нетипичности даже для шизофреника. Потому что, во-первых, я не конченный шизофреник – скорее, недошизофреник. А во-вторых и в-прочих, вся жизнь моя была такой несуразной и сам я настолько несуразен, что...

Иногда мысли мои внезапно обрываются и на их месте образуется пустота. Я называю это мозговым ступором. Но не унываю. Я даже придумал афоризм: «Хочешь сумничать – скажи полфразы». Итак, вся моя жизнь была такой несуразной, что... В общем, если честно, мне просто нужно теперь, спустя пять лет, хоть кому-нибудь это рассказать. Иначе так никто и не узнает.

Вначале мне удалось убедить медиков в своей вменяемости. Один из них даже сказал, что если б не такие, как мы, обезьяны никогда бы не слезли с пальм, не превратились в людей и не сделали никаких открытий. Или что-то в

этом роде. Но обо всём по порядку: надо быть последовательным.

Где-то я прочёл, что шизофрения – заразная болезнь. Мол, ею можно заразиться чуть ли не воздушно-капельным путем, как гриппом. В моём случае всё гораздо хуже – мой дед окончил свои дни в дурдоме. Однажды он на ночь глядя собрал чемодан и объявил членам семьи, что за ним прибыли инопланетяне. И уехал – правда, не с зелёными человечками, а с санитарями...

Иными словами, эта ужасная болезнь заложена во мне на генетическом уровне. С детства я был не таким, как все. Всё время разговаривал с кем-то внутри себя. И этот кто-то порой давал мне советы, которым я следовал и не оставался в проигрыше – мой собеседник (или просто Голос, как я его назвал) был мудр и никогда не ошибался. Дела шли хуже, если я не хотел делать того, что он говорил. В итоге всё равно оказывалось, что он был прав.

Поначалу я рассказывал о Голосе родителям и друзьям. Но никто не придавал моим причудам особого значения. Многие люди разговаривают сами с собой, и это не означает, что они сумасшедшие. Сам же я всё понял namно-

го раньше остальных и решил, что впредь не стоит этого афишировать. И не дал поставить себе диагноз. Я ловко обманул врача, прикинувшись депрессивным музыкантом. Тогда у меня действительно была рок-группа, состоящая из меня, бас-гитариста, который потом сел на иглу, и барабанщика, который несколько лет назад скончался от цирроза печени. Группа естественным образом распалась. Однако осталась склонность к музыке, депрессии и уединению. Но ведь это нельзя считать полноценными симптомами психического заболевания, правда?

До поры всё было хорошо. Но однажды поздней осенью я увидел в окно автобуса обогнавшую нас «скорую помощь». Автомобиль свернул на встречную полосу и затормозил у остановки с противоположной стороны дороги. На обледенелом грязном асфальте лежало тело, уже прикрытое непрозрачным мутным целлофаном. Непонятно было, женщина это или мужчина. Но по своему обыкновению я заговорил с мертвецом. Спросил его, как дела, кто он. Мертвец сказал мне, что меня ждёт болезнь, но я не заболею, если не поверю в то, что болен. Я прислушался к его словам. Но той зимой у меня произошло настолько сильное обострение, что я сам испугался и решил обратиться за помощью к психиатрам. И они, разумеется, назначили мне гору препаратов и не преминули диагностировать шизофрению. Я не сопротивлялся, я ведь не буйный. Поэтому меня отпустили.

Мы жили с отцом в хрущёвке, оставшейся после деда. Жили по-холостяцки – мать ушла к другому мужику, когда я был ещё ребёнком. Сейчас у неё своя семья в другом городе, и она редко звонит. Отец по профессии учёный-физик, но диплом ему мало пригодился в жизни. Когда-то он преподавал за нищенскую зарплату. А потом решил открыть свой бизнес. Мы стали выращивать в подвале шампиньоны, а ещё вязали веники: сорговые – для метел, берёзовые, дубовые, крапивные – для бани. Да, обстоятельства моей жизни сделали меня эдаким классическим шизофреником, вяжущим веники. Как из песни Галича. А почему бы и нет? Я давно научился относиться к глупым

шуткам своей жизни философски. Шампиньоны и веники были неплохим подспорьем к нашим с отцом пенсиям: его трудовой и моей по инвалидности.

На даче у нас был добротный сруб с подполом и чердаком. Дом стоял на самой границе садоводческого товарищества, на берегу маленького лесного озера. Вокруг было полно ягод, грибов и всяких полезных растений. На трассе они пользовались спросом. Мы взялись за дело, засучив рукава и завербовав нескольких старушек, жаждущих прибавки к пенсии. Торговля пошла. Отец даже купил подержанный уазик, но мне с моим диагнозом водить было нельзя. Поэтому я ездил на дачу автобусом. Ездил почти каждый день, как на работу. Я устроил там всё так, как мне хотелось, навёл порядок и всегда знал, где что лежит, – в отличие от нашей квартиры, в которой всегда царил бардак. Когда я пытался как-то организовать наш с отцом быт, отец всё время говорил, что я болен порядком. А он был болен неряшливостью. Короче, я сдался.

В моём домике на даче была печь, поэтому там можно было жить круглый год. Но отец предпочитал курить самокрутки из махорки на маленькой кухоньке в нашей квартире. Повторюсь, денег нам хватало, на вениках и шампиньонах мы неплохо зарабатывали. Он мог бы позволить себе нормальные сигареты. Но ему нравилось курить эту дрянь именно на кухне нашей городской квартиры! И вообще ему как будто ничего от жизни не надо было. Если б не нужно было есть, пить, спать и торговать на трассе, он бы сидел и курил без конца.

В одно воскресенье (терпеть не могу воскресений – в выходные, особенно солнечные, меня одолевает смертельная тоска) я пробовал найти себе занятие дома, но в конце концов не выдержал и решил прогуляться. Окна нашей квартиры выходили на небольшой парк. Я всё утро наблюдал, как по дорожкам расхаживают люди и катают детские коляски. Мне подумалось, что у них нормальная, полноценная жизнь, а я вынужден оправдываться за каждый свой шаг перед отцом и собой. Но разве я должен постоянно доказывать всем, что

я нормальный, даже если это не совсем так? Почему всё время надо кому-то что-то объяснять – вместо того чтобы просто поступать, как мне хочется? Так все делают, в конце концов! Я ведь взрослый человек. Поэтому вопросы отца насчёт того, куда я собрался и чего мне дома не сидится («Воскресенье же», – сказал отец), я благоразумно проигнорировал. И ушёл.

В парке было не так хорошо, как из окна казалось. Ещё у ворот меня обогнал, виляя, велосипедист и упал на газон в нескольких метрах впереди. Мужик был пьян вдрызг. Он с трудом встал, оставив велик, пошёл куда-то в кусты и там снова рухнул. Я сначала хотел догнать его, напомнить про велосипед. Потом передумал – не люблю алкашей. Я сел на скамейку и стал наблюдать. Это напоминало наблюдение за улитками во время рыбалки на дачном озере: я люблю рыбачить, и когда начинаю скучать с удочкой, наблюдение за улитками меня развлекает. Казалось бы, улитки так медленно ползают, но стоит отвернуться, как они уже перебрались на совсем другие места. Так и здесь: приходили и уходили разные люди, шумели дети, потом возник какой-то подозрительно озирающийся по сторонам тип. Он подошел к брошенному велику, огляделся, поднял его и покатил. Но потом заметил меня на скамейке, разглядел под кустом похрапывающую «недвижимость», повернул и покатил велик в обратную сторону – типа решил вернуть владельцу. Потормошил его, разбудил. Мужик встал, слабо понимая, что происходит, машинально взял поданный ему транспорт и после пары неудачных попыток взобраться верхом и поехать, нетвёрдо держась за велосипедный руль, покатил его куда глаза глядят.

Мне всегда было любопытно: какая неведомая сила доводит этих бедняг до дому? Ведь обычно они добираются, будто ноги их сами несут по знакомому маршруту. Правда, зимой некоторые замерзают. Говорят, всё начинается с малого – с одной рюмки. Потом человек начинает выпивать ежедневно и в конце концов превращается в алкаша. Его выгоняют с работы. Иногда его терпят жена и домашние, а порой он лишается всего и становится бомжом. Раньше

я жалел таких людей. Но потом спросил себя: разве стоит? Ведь дай им шанс – они им всё равно не воспользуются. Думаю, тут всё зависит от предрасположенности. Кто-то может пить и останавливаться, кто-то может однажды проснуться и понять, что ему не нужна такая жизнь, кому-то это попросту не надо, а кто-то уже не способен остановиться. Что мне надо и на что я способен, я тогда ещё не знал. Но мне не улыбалось становиться как тот мужик с велосипедом. Поэтому я не пью. Да, совсем не пью. Что в этом удивительного? Многие люди не пьют и совершенно счастливо живут без этого всю жизнь. По крайней мере чертей не видят.

Пока я сидел в парке, мимо прошли ещё несколько бухариков неопределённого возраста. В тот день их было больше, чем обычно. Как только теплеет и сходит снег, на улицах их сразу становится много. Майских алкашей можно распознать издали, ещё до того, как обоняние улавливает соответствующее амбре: они загорелые, с почти коричневыми физиономиями, потому что в жару их размаривает, и они по полдню валяются под кустами в городских парках. Загорают.

Как раз в тему моим размышлениям позвонил друг, завязавший с этим делом пару месяцев назад. Николай (так его звали) предложил пройтись по окрестным улицам и посчитать валявшиеся повсюду пустые пузырьки из-под настойки боярышника и прочей гадости. Он работал фотографом и любил подобного рода развлечения. Мы так и познакомились: я продавал отцовские веники на обочине, а он проезжал мимо, остановился, вылез из машины и начал меня фотографировать.

Сначала я его, конечно, послал. Но потом мы подружились.

Поджидая друга, я снова увидел свою сумасшедшую соседку. Я часто тут её видел и давно пришёл к выводу, что дела у неё намного хуже моих. Неопрятная женщина лет тридцати в замызганной светло-розовой куртке (в такую жару!) катила перед собой игрушечную колясочку, какие катают маленькие девочки, а в колясочке сидела старая кукла. Позади шагах в десяти обычно шла её замученная жизнью

мать, всегда в платочке, похожая на усердную богомолку. Возможно, так оно и было, да только Господь всё никак не помогал её дочери. Наверное, у этой женщины когда-то случилось несчастье – возможно, она потеряла ребёнка и рехнулась на этой почве. А может быть, с рождения была такой. Всё может быть. Обычно я с ней не общался. Но сегодня её матушка отстала на добрый десяток метров, разговорившись со знакомой. А сумасшедшая остановилась прямо напротив меня и стала туда-сюда катать коляску, как будто убаюкивая сидящего в ней ребёнка. При этом меня она совершенно не замечала.

– Привет, – сказал я.

Она замерла на месте, пристально посмотрев в мою сторону.

– Как тебя зовут?

– Таня, – обиженно ответила она, будто я собрался её дразнить. Её взгляд в конце концов сфокусировался на моём лице.

– А как зовут дочку? – поинтересовался я тогда, кивнув на куклу.

– Это сын! – снова обиженно произнесла ненормальная. В глазах её промелькнул испуг. Она что-то ещё сказала по поводу того, что мне «не удастся отобрать у неё ребёнка». Тогда я поскорее ушёл и решил больше никогда не разговаривать с ней.

И это я-то ненормальный? Скорее всего, у меня просто был нервный срыв. У каждого человека могут случаться срывы, утешал я себя. Говорил же мне тот мертвец: «Если не поверишь, не заболеешь!» А я поверил. Во всяком случае, будь я ненормальным, я бы нашёл с ней общий язык. Но она была совсем не от мира сего. И лишь много позже я понял, что эта встреча была предзнаменованием.

Николай пришёл не один. С ним была красивая черноволосая девчонка в красном платье. Они познакомились то ли в «Фейсбуке», то ли в «Одноклассниках» и как раз обсуждали блог их общего приятеля. Николай ржал и продолжал пошло шутить в присутствии девушки, вместо того чтобы представить нас друг другу. Пока я не попросил его об этом сам, он про это и не подумал.

Девушку звали Глашей. Она дружила с блогерами, сама вела блог в «Живом журнале» и любила фотографировать всякие необычные вещи и выкладывать их в интернет. Разумеется, я спросил о её нике, чтобы добавить в друзья, хотя у меня и блога-то своего тогда ещё не было. Но ради неё я создал его тем же вечером. Сегодня я делаю в нём последнюю запись...

Мы о чём-то говорили, она улыбалась, я тоже – но тот первый разговор почти полностью выпал у меня из памяти, потому что я смотрел только на неё и думал только о том, какая она классная. Но это было не всё. Дело в том, что когда я её увидел, то сразу понял, что она такая же, как я. Нет, не сумасшедшая – Глаша совсем не была похожа на ту, с коляской. Она была нормальной. Но, увидев её, я сразу почувствовал, что в ней что-то не так. Что она не такая, как многие. Я всегда чувствую людей, у которых что-то не в порядке. Хотя внешне этого по ним порой и не скажешь. А тут, как назло, Николай, будто бы заревновав, начал трепаться о моём заболевании.

Глаша заинтересовалась, стала задавать вопросы. Я, конечно, отпирился – говорил, что этим врачам лишь бы диагноз пострашней поставить. И уже не надеялся, что она не побоится связаться с психом. Но она не побоялась. Её слова меня поразили:

– Я отлично знаю, на что способны эти изверги в белых халатах.

Позже я узнал, что с врачами у неё было особо тесное знакомство. У неё даже был муж с высшим медицинским образованием. Потом они развелись. Но он сыграл свою гнусную роль в её «истории болезни». Этот мерзавец, я полагаю, подмешивал ей что-то в еду, чтобы у неё зашкаливало. Надеялся, по-видимому, упечь её в психушку и оттяпать квартиру. Но она доверяла ему до такой степени, что и слышать не хотела о его причастности к своим нервным проблемам. Даже выгораживала его: мол, сволочь, конечно, но ведь не настолько!

Однако дело решилось иначе, чем он хотел, – как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Однажды он избил её. Экспертиза и вся эта дрянь, которую ей пришлось

пройти, показала, что она подверглась насилию. Нашлись и свидетели, соседи по площадке. Надо отдать должное: они одни вступились за неё, все остальные, и родственники тоже, промолчали. Об этом мне уже потом рассказал Николай – он, конечно, знал про неё больше меня. Не думаю, что она сама ему говорила – просто в нашем не таком уж большом городе об этом все знали. Все, кроме меня. Я до того дня не знал даже о существовании этой чудесной девушки. А ведь, оказывается, она училась в той же школе, что и я. Позже я сопоставлял события из своей и её жизни, припоминал места, где мы могли встретиться, но не встретились. И спрашивал себя: почему не тогда? Всё было бы совершенно по-другому. Я не дал бы её в обиду никому.

Жизнь Глаши сложилась нелёгким образом. Как она вынесла всё это? Представляя это себе, я жалел её и хотел защитить от всех невзгод. Эта вспыхнувшая неожиданно искра любви способна была помочь мне исцелиться окончательно, я это чувствовал. Но одновременно я понимал, что не переживу, если потеряю её теперь, когда нашёл. Хотя раньше-то я и не искал никого вовсе. Но теперь всё было иначе. Теперь меня так тянуло к ней, что я звонил ей снова и снова, предлагал встретиться, искал разные поводы. Я пользовался её склонностью ко всему необычному: она не боялась высоты, любила плавать на лодке, рыбачить. Я пригласил её на рыбалку – сначала вместе с Николаем, а потом она не побоялась приехать одна. Это была удача. Она убедилась в том, что я не опасен. Что, в конечном счёте, я нормальный чувак. Это было главным на первых порах – чтобы она меня не боялась. А один раз мы вместе с ней даже полетели на дельтаплане. Меня поражала её храбрость. Потому как я, хоть вида и не подал, но во время этого полёта едва не обделался. И решил, что это был первый и последний раз. Если б даже у меня выросли крылья, никакая сила не заставила бы меня подняться в воздух.

Однажды Глаша плавала на лодке по нашему озеру и случайно заснула. Ласковое утреннее солнце сморило её, накануне читавшую допоздна.

Когда она проснулась, то обнаружила, что внешняя камера резиновой лодки совершенно спущена, и на поверхности воды она держится за счёт внутренней маленькой камеры. Глаша догребла до берега и рассказала мне, что произошло. Меня ещё тогда поразило, что она не запаниковала, не начала кричать и звать на помощь. Когда я спросил её, она объяснила это так:

– Когда ты тонешь или что-то другое тебе угрожает, смысла от паники никакого. И потом, я даже не испугалась – мне почему-то казалось, что всё будет хорошо.

И всё у нас было хорошо.

Однажды она назначила мне свидание в храме, а сама опоздала. Но я, по-видимому, пришёл вовремя: когда я шагал по аллее к храмовым вратам, внезапно начали звонить колокола. А потом заиграла какая-то очень приятная, степенная музыка с вкраплениями колокольного звона. Вроде курантов. Надеюсь, она мне не послышалась – мои галлюцинации были по большей части слуховыми, но порой очень навязчивыми. В тот момент я подумал, а точнее, почувствовал: именно так меня будут встречать, когда я попаду в рай. Нас всех будут так встречать. И будет так же пустынно, ни души – чтобы человек сам определился, куда ему идти.

В храме было тоже темно и пусто. Но все подсвечники у икон были заняты ещё горящими свечами. Возможно, недавно завершилась служба, прихожане разошлись, а свечи ещё не догорели. Я долго искал, куда бы поставить свою. И думал: вот именно так мы будем бродить и искать, пока не найдём. А потом нашёл свободное место для свечки и заставил себя прекратить этот бред. Я заставил себя думать о Глаше. Помолился и вышел.

Она уже стояла у входа и не ожидала, что я появлюсь с этой стороны, из храма, а не со стороны улицы.

«Она и тогда опоздает», – поймал я себя на мысли. И сам испугался: не рано ли начал я задумываться о нашей с ней встрече там? Ведь впереди долгая и, возможно, счастливая жизнь.

Я спросил, слышала ли она куранты, когда подходила. Глаша ответила, что не слышала. Но они произвели на меня столь сильное впечатление, что я решил исповедоваться. Я давно хотел навести порядок в своей душе, разложить всё по полочкам и избавиться наконец от царящего там сумбура. Я думал, мне может стать легче.

На следующее утро я встал спозаранку и снова поехал в храм. Перед службой нашёл теще-душного священника с рыжей бородкой (на него мне указала тётка, продававшая свечи и иконы в лавке у входа, сказав, что это иеромонах и чуть ли не ясновидящий) и попросил меня исповедовать. Оказалось, были и ещё желающие покаяться. За неимением специального помещения для исповеди батюшка проводил ритуал в крестильне, около чана со святой водой. И это было очень непохоже на то, что показывают в фильмах о католиках. Правда, исповедовались всё же наедине со священником – входили, потом выходили из крестильни, вылив на него ведро своих помоев. Одна бабка, я случайно услышал, рассказывала в подробностях, как «согрешила» в молодости. Потом в крестильню позвали нас всех скопом. Когда я ожидал окончания молитвы, которую священник читал над грешниками – мною и несколькими старушками, мне всё время казалось, что рядом со мной стоит какой-то человек. Но когда я поворачивал голову, никого рядом с собою не видел.

Оставшись наедине с батюшкой, я рассказал ему вкратце все свои грехи: как в детстве мы с мальчишками издевались над кошкой, а потом один из нас утопил её в бочке; как я несколько раз напивался до чёртиков (и даже видел этих самых чёртиков, но больше я ни-ни); как соврал врачу насчёт своей шизофрении – впрочем, может быть, и не соврал, просто не дал сделать из себя психа документально. А потом я спросил его:

– Ведь вы же иеромонах, вы наверняка их видите тоже? Скажите мне, может быть, они есть, и я всё-таки нормальный?

– Иногда ангелов действительно бывает видно, например, во время пасхальной службы, – ответил батюшка. – Об этом свидетельствует свет под куполом. А бывает, пьяный в

луже валяется, а на нём черти на свиньях катаются – на это смотреть противно. Но всё это выглядит не так, как в фильмах показывают: черти с рожками или ангелы с крыльями... И тем более ангелы не будут являться каждому второму смертному. Это очень редкие случаи. Тот голос, с которым вы разговариваете, скорее всего, от дьявола. Лучше вам почаще бывать в церкви и побольше молиться, иначе они вас в покое не оставят.

Когда я рассказал всё Глаше, она отнеслась к этому скептически. Она сказала, что тоже пришла однажды на исповедь, чтобы покаяться в грехах, а священник перво-наперво спросил, не делала ли она аборт. Это, а ещё гадание на картах он, как оказалось, считал самыми главными грехами, а обо всех остальных слушал вполуха. И тогда Глаша решила больше на исповедь не ходить. Какой толк? Поразмыслив, я решил, что она права.

Но с тех пор я стал ещё больше думать о своей жизни. Я старался упорядочить её, чтобы больше не путаться в мыслях. А чтобы хоть с чего-то начать, снова взялся навести порядок в нашей с отцом квартире. Для начала заменил перегоревшие лампочки во всех светильниках и вставил в остановившиеся часы новые батарейки. За лампочками даже ходить в магазин не пришлось: они были распаханы по стаканам в серванте, ещё пара лежала на книгах в шкафу. Удивительно, что никто раньше не догадывался просто их вкрутить! Когда я сказал отцу, что пойду за батарейками для часов, он заявил, что «они у нас где-то были». И они нашлись. Потом я вымыл окна в доме. И сразу стало как-то легче. Возможно, потому что окна – это глаза дома. Я даже решил постирать засаленные кухонные занавески, но вдруг вспомнил, что уже два дня не звонил Глаше. К тому же отец начал возмущаться, что не может найти в таком «порядке» даже своих носков. А когда я сказал, что положил носки в стиральную машину, он с руганью достал их оттуда и потребовал прекратить «менять всё местами». Он, видите ли, привык к тому, что всё лежит там, где лежит, а теперь найти ничего не может. Ну и кто из нас шизофреник? Он или я?

Это было счастливое лето, пожалуй, самое лучшее в моей жизни. Мы с Глашей почти всё делали вместе. То есть мы почти все выходные проводили вместе. В будни у неё были свои дела, я в них не вмешивался. Но иногда она приезжала и в будни. Я не стал знакомить её с отцом – думаю, он произвёл бы на неё неприятное впечатление. Я принимал её у себя на даче. У меня и раньше там было хорошо, но когда в моей жизни появилась Глаша, я постарался сделать из этого места кусочек рая на земле. Я починил покосившийся рыбацкий пирс, посадил цветы у входа в дом и отвёл для Глаши лучшую из двух комнат в моей избёнке. Поставил в саду стол с креслами, чтобы в хорошую погоду можно было обедать под открытым небом. Я даже заказал маленький фонтан со статуей писающего мальчика – журчание воды очень успокаивает. А Глаше так необходим был покой.

Глаша тоже любила это место. Она сказала, что здесь есть всё, что нужно человеку для счастья. Она привезла сюда свой старый велосипед, чтобы ездить на нём по окрестным полям и лесам. Она как будто старалась похудеть, а я всё никак не мог понять – зачем, если она и без того худенькая. Но ей что-то в себе не нравилось, и она постоянно стремилась к совершенству. Даже бегала по утрам.

Но больше всего Глаше нравилось сидеть на берегу озера. Её словно тянуло к этому месту, и она могла часами как замороженная смотреть на тёмную тихую воду, в которой, как в чёрном зеркале, отражалось небо с облаками. А я смотрел на неё. То есть я делал вид, что занимаюсь делами, и порой действительно ими занимался, но постоянно наблюдал за ней и любовался ею.

Я понимал, что нужен ей лишь как временный очаг покоя. Она отдыхала рядом со мной, и я готов был дарить ей этот покой до самого последнего момента, когда уже перестану быть ей нужным. Только вот что будет потом со мною – представлял слабо. А вернее, боялся и не хотел пока об этом думать. И пока мы были друзьями, всё было ещё терпимо. Ведь мы могли остаться друзьями навечно. Но од-

нажды Глаша стала мне больше чем другом. Я понял, что по-настоящему люблю её и никому не хочу отдавать. Как следствие, я стал спрашивать себя, какую ценность могу представлять для неё как мужчина. Как защитник. Я стал лучше следить за собой. Я даже нашёл работу – устроился продавцом-консультантом в магазин сантехники. И не какой-нибудь, а элитной сантехники. Мне подфартило – любовь творит чудеса! – и уже через месяц меня повысили до старшего менеджера за умение дотошно и скрупулёзно вести дела.

Кроме этой работы, которая помогала скоротать одинокие часы в отсутствие Глаши, я ещё набрал кучу шабашек в интернете и ночи напролёт зарабатывал деньги. Я не жалел себя ради Глаши. А что мне сделается? Всё самое страшное, думал я, со мной уже произошло.

От переутомления я стал слышать больше голосов перед сном. Однажды мой Голос, тот, что давал советы, внезапно спросил: «Зачем ты это делаешь? Если ты на что-то надеешься, то ты непревзойдённо глуп! Не обольщайся – она всё равно от тебя уйдёт».

Я не ответил ему. Через пару дней он повторил вопрос, но я не стал развивать эту тему. Может, я и глуп, но по крайней мере мне нравилось то, как я живу. В отличие от того, как я жил раньше: словно овощ.

«Не уйдёт», – решил я.

Долгое время всё шло гладко. Но Глаше часто кто-то звонил, и меня начинало это напрягать. Она уходила в сторонку, чтобы поговорить по телефону, и после таких звонков подолгу была молчалива и угрюма.

Сначала я делал вид, что не обращаю внимания, старался не лезть не в своё дело и ничего не спрашивал. Но я же понимал, что Глаше звонит какой-то мужик. Моей Глаше звонит мужик – разве это не моё дело?

Однажды она пришла заплаканная.

– Как дела? – спросил я.

– Нормально, – ответила она.

– А что у тебя с глазами? – спросил я.

– Это жизнь меня доконала, – грустно пошутила она.

Не сказать, чтобы это стало для меня большой неожиданностью, – я догадывался, что дела обстоят как-нибудь так. Иногда меня очень неожиданно и сильно пробивает на хавчик. Вот и в тот раз я тоже стоял посреди комнаты с тарелкой супа и ел, глядя в окно. И всё думал. О том, что она мне рассказала, придя накануне с заплаканными глазами.

– Почему ты не сказала мне раньше? – спрашивал я.

– Я привязалась к тебе. И я боялась, что...

– Что? Чего ты боялась? Ранить меня?

Она потупилась.

– Ты боялась, что я расстроюсь и сорвусь? Да пойми ты, не надо меня жалеть! Я нормальный!

Боюсь, она мне не поверила, когда я встряхнул её за плечи, говоря это. И испуганно посмотрела на меня. Тогда я обнял её.

– Я мужчина и смогу тебя защитить. Я тебе обещаю, слышишь? Ты веришь мне? Дай мне это тебе доказать.

Она кивнула. Но искренним ли был её ответ?

Оказалось, что у Глаши есть ребёнок. А мужик, который ей звонит, – бывший муж, тот самый врач. Влад. Они с ним делят этого ребёнка, потому что оба во время бракоразводного процесса показали «неблагонадёжными». И теперь ребёнок живёт то с отцом, то с матерью, то с бабушками и дедушками. А Глаша пытается всеми силами вернуть себе родительские права.

Сначала она открывалась мне постепенно, как история разворачивается в книге. А тут я вдруг словно сразу распахнул книгу на предпоследней странице. Но ведь это не означало конец? В сущности, что изменилось-то? Ну есть у неё ребёнок, и что? Это не имеет никакого значения. Ведь от этого я не стану к ней хуже относиться? Не стану. Напротив! Это они её довели! Вся эта семейка, её родственнички. Всё время что-то требовали, учили, как жить, как надо поступать, как не надо... Вот и сдали у человека его слабые нервы. Что тут непонятного? А этот подонок воспользовался ситуацией и попытался упрятать её в дурдом. Он так преуспел

в этом деле, что Глаша сама поверила в то, что больна. Что у неё был невроз или нечто в этом роде. И даже мне не удавалось её разубедить. Я рассказал ей историю про того мёртвого человека на дороге и про наш с ним разговор, но она не восприняла всерьёз. Она продолжала принимать какие-то успокоительные препараты и «больше времени проводить на природе», хотя с некоторых пор не рисковала обращаться к врачам. Глаша страдала бессонницей. Порой она ночи напролёт ворочалась или бродила по комнатам в поисках места, где могла бы уснуть. Я сквозь сон слышал, как она ходит, включает воду, наливает чай, даже как смотрит в окно. Наконец, когда уже рассветало, она не засыпала, а как бы цепенела в тяжёлой дрёме, будто проваливаясь в болото. Но проспав больше трёх часов ей не удавалось: то звонил телефон, то кричала какая-нибудь птица или начиналась гроза, то просто звякала пружина в диване...

Я понимал, каково ей: со мной такая бессонница случалась. Но потом это прошло. Напрасно я говорил ей, что это состояние только усугубляют физические нагрузки. Она отвечала, что ей они «нужны для фигуры». И продолжала гонять на велике по полям вечерами и бегать спозаранку.

Стояло глубокое знойное лето. В лесу в полуденную жару было тихо и безлюдно, как в детстве в деревне.

– Хорошо-о! – протянула Глаша и поддала скорости. Она вылетела на велике на холм и помчалась по поляне. Я едва поспевал за ней.

Блестящие высоченные тополя и осины растворялись в июльском небе. Окружающая действительность, вся обстановка казалась другим измерением, параллельной реальностью, в которую мы случайно попали. Мы неслись мимо этой величественной красоты и растворялись в ней.

Потом Глаша долго сидела на траве и нюхала горькую полынь и полевые ромашки. Земля заряжала небывалым спокойствием и силой. Глаша говорила, что благодаря этим минутам подзарядится и будет устойчива к негативу окружающего мира какое-то время – неделю, может быть, месяц. Природа давала ей уве-

ренность, стойкость, свободу и умиротворение, решение кажущихся неразрешимыми вопросов. Все дрязги недавнего прошлого мельчали и отходили на второй план, переживания казались глупыми. Глаше иногда даже вновь хотелось продолжения рода. И мы любили друг друга. Эти леса были её наркотиком и панацеей. Тишина лета влияла на неё благотворно. Я не мешал ей исцеляться. Вот только что будет, когда этот курс лечения подойдёт к концу?

Однажды, получив зарплату – это было уже ближе к концу августа, – я предложил Глаше пройтись по магазинам и купить что-нибудь для неё или для её малыша. Она обрадовалась. Мы вместе выбрали игрушку. А потом Глаша сказала, что хочет выбрать себе сарафан и кое-что из косметики, и отправила меня домой, сказав, что приедет позже.

Дома я сел за ноутбук и стал читать про шизофрению. Я постоянно общался с товарищами по несчастью в чатах и на форумах, пытался понять, что к чему. У кого-то были реалистичные галлюцинации, у кого-то – навязчивые идеи. У меня же по сравнению с ними всё было нормально. Быть может, мне просто казалось, что я болен? Может, я был совершенно здоров? А эти голоса, которые я, засыпая, отчётливо слышал, – всего лишь куски сновидений?

Потом я надолго завис, думая о том, что прочёл недавно об одном советском учёном-психиатре. Ещё в 70-е годы прошлого века он ставил эксперименты на страдающих алкогольным психозом пациентах. На головы испытуемых он надевал специально сконструированный аппарат со встроенной фотокамерой, которая фиксировала то, что отражалось на сетчатке глаза. И что вы думаете? Когда начинались глюки, на плёнке проявлялись змеи и упыри – в точности такие, о которых рассказывали сумасшедшие. Одному в лицо заглядывал какой-то человек и просил поговорить с ним. Иными словами, этот учёный с помощью примитивного оборудования записал и сфотографировал галлюцинации! И научно доказал, что сущности, которых не видят так называемые нормальные люди, есть в реальности. Записал он и «музыку», которую эти психи

слышали, – тоже при помощи специального приспособления, способного считывать звуки, отражённые барабанной перепонкой. Он собирался пойти ещё дальше, возможно, даже использовать свои исследования в военных целях, но, говорят, ему не дали. И в расцвете лет он неожиданно застрелился.

Вот такая грустная история.

Среди умозаключений этого учёного я ещё нашёл, что видения обычно преследуют людей с «прохудившейся аурой» – например, злоупотребляющих алкоголем (они чаще всего «гоняют чертей»), а также перенёсших нервные срывы и прочие ослабляющие «ауру» болезни. В случае с Глашей всё было понятно. Что могло ослабить мою «ауру», я обсуждать не хочу, но у меня тоже были веские причины, чтобы видеть своих монстров. А в последние годы я просто очень много работал умственно, писал компьютерные программы – вот и «прохудился», наверное, окончательно. Впрочем, почему окончательно? Я был настроен бороться. Мало ли какие ещё недоумки вздумают мешать мне жить и спать – что я, вестись на это должен и верить в то, что я конченный шизоид? Нет, я, конечно, псих и не отрицаю этого. Но я никогда не видел таких уродцев, каких фотографировал тот учёный. Возможно, я их только слышал.

...А потом я поймал себя на мысли, что Глаша слишком долго нет. Я звонил ей, но она не брала трубку. Я переживал. Потом она перезвонила мне сама. Сказала, что ей срочно нужно было ехать к ребёнку. Она не появлялась ещё несколько дней. Нетрудно представить, что происходило в эти несколько дней со мной. Я всё труднее переживал разлуку. И сходил с ума, если хотя бы раз в сутки не говорил с ней по телефону.

Как-то Глаша нечаянно позвонила мне, сама того не зная. В лежавшем в её сумке телефоне случайно нажалась кнопка вызова. И я услышал их с Владом разговор. Они говорили о ребёнке, о делах, а потом заговорили обо мне. Он ругал её за то, что она встречается с шизофреником. Так и сказал: «с этим шизофреником». Она заступалась за меня, говорила,

что я хороший и неопасный. А он предостерегал её – мол, я однажды могу что-нибудь эдакое выкинуть. И торопил её поскорее порвать со мной и перебраться к нему. И она... ему не возражала. В общем, из разговора я понял, что они помирились и она решила к нему вернуться.

Это было ударом. Нет, я, конечно, знал, догадывался, что Глаша просто меня использует. Может, и не для того, чтобы отомстить Владу, а скорее для релаксации. И я понимал, что она в итоге уйдёт. Но, признаться, в глубине души – о предательское чувство надежды! – я надеялся, что она останется со мной. Ага – и родит мне ещё одного ребёнка, и я буду обеспечивать её с детьми, продавая сантехнику и веники... Идиот! Она же мне ничего не обещала. Он – врач, состоявшийся человек, с квартирой и машиной. Любит её. И он – нормальный, в отличие от меня. Это его главное преимущество. Да, я всё это знал, но, когда дело приняло столь очевидный оборот, возмутился. Как она могла поступить так подло? Она должна была по крайней мере сказать мне сразу, как только приняла решение вернуться к этому врачу-рвачу. Я не должен был так этого оставлять. Дальше их разговор я слушать не смог и отключился. Мне нужно было сначала всё обдумать, чтобы не сорваться. Я должен был решить, как себя вести.

Глаша приехала на следующий день. Похоже, она уже поняла, что вчера случайно позвонила мне, просмотрев список вызовов в телефоне, и теперь гадала, что именно из её разговора с Владом я мог услышать. Наверное, побаивалась моей реакции. Но я ничего не говорил. Тогда она осторожно сказала:

– Вчера я, кажется, тебе звонила...

– Да? Я не слышал, извини.

– У меня кнопка вызова сама собой сработала в сумке.

– Мой телефон тоже порой живёт своей собственной жизнью, – отшутился я.

Мы посмеялись.

Если бы она тогда всё мне рассказала! Я решил: если скажет всю правду, я её отпущу и постараюсь забыть. Но если продолжит лгать...

Она вела себя как ни в чём не бывало. Смеялась, занималась любовью со мной. Ре-

шила остаться на ночь. Вечером, как обычно, долго смотрела на озеро, о чём-то думала. Я чувствовал, что ей тут хорошо. Со мной хорошо. И она прощается с сожалением. Быть может, поэтому тянет время и ничего мне не говорит? Видит Бог, я пытался её оправдать. И пока она мне ничего не сказала, у меня тоже было время. Я надеялся, что у нас будет ещё пара встреч.

Ночью я долго смотрел, как она спала. И предчувствие беды шевелилось во мне, переплетаясь со щемлящим чувством надвигающейся разлуки. Я не хотел делать то, что должен был. Но у меня не было выбора. Пока она была ещё тут, и ничего не случилось, и пока она ничего мне не сказала, у меня оставалась капелька веры в чудо – что ничего и не случится и всё будет хорошо, как было всё это время и как есть сейчас. Я наслаждался этими последними мгновениями, пока не уснул.

Мне не хотелось думать о том, что сделаю. О том, что уже решено. Любой нормальный мужик так бы этого не оставил, не отдал бы её этому живодёру.

Пытаясь уснуть, я услышал, как Голос опять разочарованно вздыхает, словно недоволен мной и моими взглядами на жизнь, поступками и мыслями.

Типа «о-хо-хо...» Типа, блин, я неподдающийся!

– Да пошёл ты! – мысленно сказал я ему. – Мало ли чего ты там не одобряешь – проваливай вообще из моей головы. Все проваливайте!

Засыпая, я всего лишь один раз услышал, будто по крыше постучали. Вроде как жёлудь упал на жестянку, скатился вниз и исчез в темноте. Я часто слышал эти неожиданные звуки, которых не было на самом деле, но которые тем не менее будили меня. Обычно – будили. Но в тот раз я не отреагировал.

Глаша любила пить кофе по утрам под старой развесистой грушей, которая росла на границе моего и соседского сада. Так что почти половина её кроны свешивалась по ту сторону покосившегося гнилого штакетника. Место действительно было живописное. Я по-

ставил там для Глаши столик со стулом. В то утро она тоже там сидела. Какие-то птицы щебетали. Вокруг не было ни души. И она продолжала молчать.

Тогда я не выдержал и сам начал разговор:

– Неужели ты хочешь вернуть всё назад?

Чтобы он опять тобой манипулировал и довёл до нервного срыва? Думаешь, на этот раз что-то будет лучше, чем было?

– Он изменился, – помолчав, сказала Глаша, не глядя на меня. Она смотрела куда-то в сторону, даже не удивившись моему вопросу.

– Ну конечно! Люди не меняются!

Она молчала. Ей было ясно ещё вчера: я слышал их разговор и всё знаю. Тогда почему же она...

– Может быть, ты мазохистка? – спросил я тогда. – Может, тебе нравится, что он с тобой так обращается?

– Как – «так»?

– Повелевает тобой, повышает голос, применяет силу, командует, требует, заставляет чувствовать себя виноватой... Бьёт, – добавил я.

– Это сложный вопрос. Не всё так просто, – она провела пальцем по кромке чайной чашки, отчего та запела, словно поющая чаша. Это был знак.

– Ты его любишь?

– Мы слишком долго были вместе. И у нас сын... – уклончиво ответила она, продолжая гладить «поющую» чашку.

– Это не аргумент. Он опять накачает тебя чем-нибудь и...

– Да ничем он меня не накачивал, Рома! – вспыхнула Глаша. – Хватит уже!

– Это ты так думаешь! – я тоже перешёл на повышенные тона.

– Да ты просто ненормальный! Всё время выдумываешь то, чего нет!

– Я? Я нормальный! Это ты ненормальная, если решила к нему вернуться. Как ты могла его простить после того, что он сделал?

По её лицу я понял, что разговор окончен. Нечего было мне объяснять – всё было ясно как день. Она поднялась, чтобы уйти. Чашка, поставленная на скатерть, перестала петь. И в этот момент я понял, что время пришло.

Мы с Глашей хотели создать в этом месте райский уголок. И нам это почти удалось. А теперь она уходила. И рай обращался адом.

Я хотел её остановить, удержать. Я пытался понять, почему она возвращается снова к этому извергу, к этому... Но всё происходило у меня на глазах, а я ничего не мог поделать. Она меня не слушала, продолжая собирать вещи. Будто меня и не было. Будто я пустое место.

– Велосипед заберу потом, – сказала она.

Но ведь в этом человеке не было ничего святого! Скольких людей он угробил и всякий раз выходил сухим из воды. Хирург! Громко сказано! Я узнавал о нём. Обыкновенный врач, вот кем он был. Под его ножом умерло как минимум два человека. Судьи оправдали его врачебные ошибки – несколько неверных диагнозов. Поставь он вовремя правильные, люди могли бы остаться в живых. И однако же он пользовался большим авторитетом в своей среде. Быть может, потому что все они, доктора, одним миром мазаны?

Так это или иначе, он погубил нескольких человек. А на моей совести не было на тот момент ещё ни одной загубленной души. Если бы я отпустил к нему Глашу, она всё равно бы погибла.

Я отнёс Глашу на озеро и уложил на краю рыбацкого пирса – того самого, который недавно чинил. Намотал на шею веревку и долго смотрел на Глашино лицо. Оно было синевато-белым, каким и должно было быть у мертвеца. Но всё равно было непривычно – у неё ведь всегда розовели щёки. Я поцеловал свою девушку в холодные губы и вместе с камнем, загодя привязанным к концу верёвки, столкнулся в воду. Раздался всплеск. Она исчезла под водой быстро, вслед за камнем, влекомая вниз его тяжестью. Вслед за Глашей отправилась и её сумка. Глаше для жизни было нужно так мало вещей... На всякий случай я предварительно вынул из её мобильного телефона аккумулятор и сим-карту. Никто и никогда не найдёт здесь труп. У этого озера нет дна, я сам проверял – год назад нырял с аквалангом, позаимствованным у товарища, увлекающегося дайвингом. И едва сумел

вынырнуть. Вдобавок там повсюду толстый слой ила. Её никогда не найдут...

Но было бы, конечно, глупо надеяться, что ко мне не нагрянет полиция. Приезжали следователи, интересовались, обыскивали. Я сказал им, что не знаю, где она: в то утро она ушла и больше я её не видел. Возможно, о том, где она, знает её бывший муж, сказал я полицейским. Подозрение ведь ложилось и на него тоже. Кто ещё мог желать её гибели? Да какой-нибудь сумасшедший маньяк, мало ли... Она ведь была чокнутой – любила гулять ночью по лесу. Могла ни с того ни с сего сесть в электричку и, не предупредив, отправиться в глушь к каким-нибудь своим приятелям. Каким приятелям? Да откуда мне знать? Она никогда меня с ними не знакомила. Может, стеснялась меня...

Потом приехал Влад на своём автомобиле. Он был расстроен. Нет, не так: он был убит горем. На его лице было написано, что он ночи три не спал, занимался поисками. И пока он не знал наверняка, что Глаша мертва, продолжал надеяться. Он хотел поговорить со мной – вдруг я что-то знаю. Но я «ничего не знал».

– Но она ведь часто у тебя бывала, – настаивал Влад.

– Ну и что? Она ушла, я же сказал.

– Куда?

– Она ведь к тебе собиралась вернуться. Забрала кое-какие вещи и ушла.

– Какие вещи?

– Я не видел. Она занимала у меня одну из комнат, – сказал я. И с удовольствием заметил промелькнувшую на его лице ревность. Да! Она жила у меня! Жила со мной, с психом! И даже спала «с этим шизофреником». А ты что думал? Что она верность тебе хранит?

– Вспомни, пожалуйста: она ничего не говорила? В тот день, когда ты её в последний раз видел, – взяв себя в руки, попросил Влад.

Похоже, он решил не придавать сейчас значения таким «мелочам», как новость о разделяемой Глашей со мной постели. Ему важнее было знать, жива ли она.

– Нет, ничего, – ответил я.

Он мне не поверил. Злобно посмотрел прямо в глаза. Но я выдержал этот взгляд. Я даже испытал удовольствие. Помучься, гад! Как ты её мучиться заставлял.

– Ну о чём-то же вы разговаривали. Может быть, она обмолвилась, куда направляется? Домой, к матери, к друзьям, подругам...

– Она сказала только, что ещё зайдёт забрать оставшиеся вещи. Тут остались её книги и кое-что из одежды, – добавил я. – Если хочешь, можешь войти и взять.

– Я уверен, что это ты! – сказал Влад, приблизившись и ткнув меня пальцем в грудь. – Ты что-то с ней сделал, псих несчастный. Признавайся!

– Она мне очень нравилась, и я никогда бы не причинил ей зла, – бессовестно соврал я.

Тут только я встретился взглядом с её сыном – мальчонкой лет пяти, сидевшим на заднем сиденье автомобиля. Я только сейчас его заметил. Этот малыш смотрел на меня печально и одновременно с интересом. У него были Глашины глаза. Конечно, он надеялся увидеть маму. Быть может, я ему когда-нибудь расскажу, как всё было на самом деле, но не сейчас, а когда он подрастёт.

Влад сел в свою машину и сорвался с места так резко, что из-под колёс полетел гравий. Ищи, ищи... Ты её больше никогда не увидишь. Я похоронил её рядом со своим домом. Её никогда не станут искать здесь. А если даже и попытаются, это ничего не изменит. Я оставил её себе. И теперь она будет приходить ко мне по ночам. Моя Глаша.

«ГОСПОДЬ СРЕДИ НАС. ЕСТЬ И БУДЕТ»

Марина ШЕРЕМЕТА

КРЕСТ НА ГОРЕ

Жемчужинами рассыпаны по земле русской монастыри для укрепления веры и во здравие души и тела.

Паломническая поездка в Костомаровский Спасский женский монастырь (Воронежская область) состоялась в праздник Воздвижения Креста Господня. Спонтанно? Неожиданно? Или так устроил Господь? Желание посетить пещерные храмы в меловых горах появилось давно. И вот...

В четыре часа утра после шестичасовой дороги автобус с паломниками остановился у стен монастыря. На небе ещё сверкали звёзды и среди них – застывший лодочкой месяц. Утренняя прохлада. А кругом тишина. И ожидание. Ожидание встречи с другим миром и лёгкое волнение. Едва забрезжил рассвет, кованые ворота, увенчанные позолоченными маковками с крестами, распахнулись. Стряхнув с себя мишуру пыльных городов, всю суету мира мы оставили за воротами обители.

Эту местность называют русским Иерусалимом. Природный ландшафт с белыми меловыми, словно поседевшими, тропинками, скудная растительность на скалистых склонах и древние пещерные храмы, по словам очевидцев, напоминают Палестину. А сама обитель расположена у подножия горы, по форме повторяющей Голгофу.

И пока храмы монастыря были закрыты, первым делом мы направились на гору к Кресту Господню.

Из-за гор медленно поднимался ярко-жёлтый диск солнца, розовой краской раскрасил небо рассвет.

Широкие ступени лестницы перешли в узкую вьющуюся тропинку. И пока мы медленно поднимались в гору, время переносило нас назад, в библейские сюжеты.

Стоило слегка прикрыть глаза, как в мыслях появлялись образы. Измождённый Иисус Христос, спотыкаясь и падая, под вопли и улюлюкание безумной толпы нёс Свой Крест...

Нам сегодняшним, идущим налегке, этот путь даётся с учащённым сердцебиением, с остановками, чтобы перевести дыхание, расслабить мышцы ног...

Симон Киринейский не смог смотреть на страдания Христа и помог нести Ему Крест...

На вершине – ветер. С высоты – красота просыпающегося мира. И Крест. Как символ величайшей трагедии мира. И символ славы. «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим...»

Быть может, здесь, на вершине, мы соприкоснулись с Вечностью, и этот миг растворился в бесконечности...

ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ

На склоне горы стоит одинокая небольшая часовенка в память молитвенного подвига прозорливого старца блаженного Петра Еремеенко. Жизнеописание свидетельствует, что он с небольшой общиной крестьян поселился в меловых горах в начале XX века, в 30-х годах Костомаровские пещеры были закрыты, а старца приговорили к расстрелу.

О происхождении пещерных храмов не сохранилось никаких письменных свидетельств, однако археологи считают, что они появились в первые века христианства. И только диву даёшься, каким образом в меловой толще были выстроены столь красивые сооружения без современных инструментов.

А внизу – сосны и ели, немногочисленные лиственные деревья, скудная растительность, меловые вкрапления. Тихо. Тёплое осеннее солнышко и лёгкий ветерок. И только шелест листьев нарушает безмолвие.

Мы торопимся на Божественную литургию в Спасский верхний пещерный храм. Он считается самым древним. На входе – два нерукотворных меловых столба, соединённых между собой звонницей, стены украшены мозаичными иконами.

В храме от меловых стен сыро и тянет холодом. Хоть мы и тепло одеты, но всё же холодеют руки и ноги.

Иконы в храме изображены на оцинкованном железе, потому что из-за высокой

влажности дерево и холст быстро отсыревают и портятся.

Здесь две чудотворные иконы – Матерь Божья Костомаровская (вернее, список, её ещё называют Расстрельной, в её образе шесть отверстий от пуль, выпущенных красноармейцем в годы гонений на Православную церковь). Икона «Святое семейство». Перед ними обычно молятся за восстановление мира в семьях. В храме два придела: в честь иконы «Спас Нерукотворный» и в честь мучениц Веры, Любви, Надежды и матери их Софии. Интересно, что здесь есть иконы, на которых святые изображены по отдельности, об их существовании мы не знали прежде.

Плавают свечи, теплятся лампы, льются слова молитвы. Из алтаря вышла и привлекла всеобщее внимание преклонных лет монахиня. Для нас это редкое явление. Сразу же возник вопрос: кто она?..

Служба прошла на удивление быстро не по времени, а по ощущению, под дивное пение послушниц. Нас, подмёрзших, монахини угощали горячим чаем с кагором.

«ПОМИЛУЙ МЯ, БОЖЕ...»

Вьются белые тропинки и лестницы с каменными ступенями по склонам русской Голгофы. И одна из них приводит к маленьким кельям – затворам. Они также высечены в скале. Здесь молились подвижники духа. Причём в последней – стоя. Их называли столпниками. В скале выдолблена небольшая ниша в рост человека. Чтобы не упасть во сне, молитвенники вставляли в нишу и приковывали себя цепями.

Чуть дальше находится пещерный храм в честь преподобного Серафима Саровского, который, по преданию, начали создавать в 1903 году, когда великий старец был прославлен в лике святых. И только в 2005 году после всех потрясений и последствий борьбы с православием он был окончательно достроен. Поражают своей необычностью и красотой филигранно вырезанные умелым мастером в меловых стенах иконы с ликами святых. На полотне можно

что-то исправить, а здесь нельзя ошибаться. Так и притягивают взоры прекрасные лики, и горят, освещая их, свечи...

А нас тропинка привела к пещере Покаяния. Послушница предупредила, что, проходя тёмный извилистый коридор под низким сводом, надо читать 50-й псалом или любую пришедшую на ум молитву. Через несколько шагов от входа погружаешься в беспросветную темноту и глубокую тишину. Оттого, что глаза ничего не видят, появляются растерянность, смятение, беспомощность. Мелкими иголочками вонзается в тело страх, и пробирает дрожь. Аж дух захватывает! В голове мечутся и путаются мысли. И только губы шепчут: «Помилуй мя, Боже...» Раскинув руки в стороны, чувствуешь стены и продвигаешься вперёд.

Как спасение – в конце коридора небольшой просвет перед иконой. И упираешься в аналой, перед которым расстелен маленький коврик. Здесь ранее, по предположениям, на коленях проходило таинство исповеди. И сейчас, если обдумать прожитую жизнь, можно вспомнить застарелые грехи и попросить у Господа прощения. Так объяснила нам одна из насельниц монастыря.

МАТУШКА ИОАСАФА

Есть в обители и наземный храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших», построенный уже в наше время, в 2009 году. Здесь молятся о спасении душ, об избавлении от греховных страстей.

В храме находится подлинник иконы Костомаровской Божией Матери, простреленный пулями, ковчег с частицами Креста Господня, камень горы Голгофы, частицы мощей святителя Митрофана Воронежского, преподобного Германа Соловецкого, святителя Филарета Московского и многих других святых.

Мы бродили по обители и возвращались в те места, куда душа просила. А уже потом экскурсовод детально рассказала нам подробности и особенности святынь. И мы с интересом её слушали, боясь пропустить слово. И захотелось уже более осознанно заново пройти путь, но

силы были уже на исходе. Значит, надо будет приехать в монастырь ещё раз.

Насельница монастыря привела слова известного русского православного богослова, профессора и доцента Московской православной духовной академии Алексея Осипова о том, что мы часто обращаемся к Богу с просьбами, а взамен не отдаём ничего, хотя нам во исполнение даны десять заповедей Божиих. Мы сетуем, если сразу наши просьбы не исполнены, а способны ли мы постараться жить по заповедям?

Святые слышат наши молитвы. Самая чистая и искренняя молитва – детская. По словам экскурсовода, как-то посетила монастырь группа школьников. И после того, как дети вышли из Спасского храма, одна девочка вернулась к иконе «Святое семейство», стояла на коленях, плакала и о чём-то молилась. Через какое-то время в монастырь позвонила её бабушка и сказала, что родители внучки должны были через неделю разводиться, но потом внезапно передумали и забрали заявление...

Экскурсовод нам рассказала об истории воссоздания монастыря.

– В 1997 году из Задонского женского монастыря прибыли восстанавливать обитель три монахини: Серафима, Иоасафа и Дионисия. В живых осталась одна девяностолетняя матушка Иоасафа. Может, вы её уже видели? Она передвигается с двумя палочками, – поведала насельница монастыря.

Так вот, оказывается, кто выходил из алтаря!

Мы снова спустились в иконную лавку что-то докупить. И торопились к автобусу. И вдруг совсем близко увидели идущую по дороге и опирающуюся на две палочки монахиню. Это же матушка Иоасафа! Сначала мы растерялись, а потом решили её поблагодарить. И так захотелось обнять её. И матушка приняла наш душевный порыв. А обнимая, приговаривала: «Господь среди нас».

А нам велела отвечать: «Есть и будет». А от неё столько тепла, любви и добра исходило, что радовалось сердце. На слова благодарности она с детской непосредственностью улыбнулась и смиренно ответила: «Не моя это заслуга, а Господа...»

Казалось, что у нас уже закончились силы. Но наши неустанные и надёжные водители доставили автобус с паломниками к святому источнику в честь Тихвинской иконы Божией Матери, находящемуся на берегу Дона.

Мы набрали святой воды, окунулись в ледяной воде купели, и усталости как не бывало.

Как-то быстро граница дня перешла в ночь. Возвращающемуся домой автобусу с паломниками всю дорогу вслед смотрела и освещала путь Большая Медведица.

Фото автора

Татьяна ГРИБАНОВА

* * *

Родные старые просёлки,
и свечи сосен вдоль обочин,
и в лужах облаков осколки,
и дробь дятла многоточьем.

Просёлки – сныть да подорожник,
суглинок, стёртый в блеск подковами...
На них века крошились в крошево,
в пыль придорожную половую.

Я им знакома по обличию –
ах, сколько вместе нами пройдено!
Пишу «про-сё-лок» по привычке я,
рука сама выводит: «ро-ди-на».

* * *

По заре,
продрогшей и туманной,
растревожив чуткий сон земли,
расплескав тоску-печаль в бурьяны,
с родиной прощались журавли.

День вставал дымами в поднебесье
в позабытой Богом стороне...
Ни души,
лишь над октябрьской весью
клёкот птиц в бездонной вышине.

То листва с деревьев облетает?
Или сердце чует зов земли?..
Ну о чём?..
О ком опять рыдают
в небесах над Русью журавли?

* * *

Я из тутошних мест, где полынны ветра,
где сугробы по пояс к Николе.
Я – берёзовой роще родная сестра
и корнями вросла в это поле.
Как зарделся калиной морозный закат!
Зазвонили к вечеру так ладно,
что посыпался иней с крестов и оград,
донесло от стогов запах мяты.
Потянулись из труб золотые столбы,
заморгали сквозь темень оконца.
Здесь подачек особых не ждут от судьбы,
здесь встают с петухами, до солнца.
И голоса в причёты порой от тоски,
коли вовсе душа «занемогла».
А бывает, поют всё от той же тоски
задушевым прабабкиным слогом.
Да, за хлебом – пять вёрст, да, в метель
не с руки...
Но зато недалече до Бога.

* * *

На пороге – Филипповки,
до Роштва – подать рукой.
Словно ёжик месяц колкий,
небо в кружевных оборках,
хутор – тетерев глухой.

Выйдешь хрусткой снежной стёжкой
в сумерках льняных на двор.
Принесёшь домой в лукошке
из сенной чердачной лёжки
подмороженный апорт.

Топнешь валенками в сенцах.
Дверь откроешь – пар валит.
Смачно печь жуёт поленца.
Образа под полотенцем.
День до доньшка испит.

Со святой водицей склянку
выудишь из захорон.
Как ведётся, по порядку
окропишь всё до заплатки,
каждый угол, посолонь.

Скатерть «постную» достанешь,
сыщешь чабреца пучок...
Там, глядишь, и скрипнет ставней
в захолустье друг мой давний,
ангел мой: мол, на часок.

Угощу апортом славным,
потолкуем под чаёк.

* * *

Ты помнишь, как светлым-светло
февралят щедрые метели?..
В избе и на душе – тепло,
сверчок за печкой свиристелит.

Искрит и просится в окно
заиндевелых птичек стая.
Ночь колдовским веретеном,
как шерсть, метель в клубки мотает.

И жмутся валенки к печи:
так укатались – не согреться.
А на столешне – калачи,
их сдобой дышат даже сенцы.

Кот извалялся ото сна,
мурчит о бабочках и лете.
И нет февральской ночи дна,
и нет конца ночной беседе.

Сусальной люлькою младик
висит над санною дорогой.
И осиян Пресветлый лик,
тот, что взирал с божницы строго.

* * *

Февраль бесснежный. Нагота
простуженной до скрипа роши.
Берёз на взгорье береста
надраена дождём – нет мочи.
Трав раскудлаченных кудель.
Суглинок – хоть на булку масла.
В рябью лужу свиристель
роняет алых ягод кляксы.

Ещё не видно птичьих строк –
пером не тронут серый ватман.
Но час придёт, наступит срок,
и грянет март немолчным гамом.

Пусть этот грай, пусть этот шум
скорей наполнят лес и поле,
переполох и чувств, и дум
в простор поманит за собою.

Пусть хлынет в душу солнце вновь –
от вёсен ведь не отвертеться!
И пусть нескладную любовь
март разматывает, как наследство.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Крупую пшёнкой сыплет снег
на поле, луг, на лес и дом –
на весь просторный белый свет.
Как будто с лунным молоком
на всю Вселенную, на всех
ночь кашу варит на обед,
помешивая черпаком.

Поленья щёлкают в печи,
и в доме пахнет гарбузнёй.
О мамке вспомнив, в поздний час
там, где-то в сенцах, за стеной
телёночек малой мычит...
Как тыщи лет, и в этот раз
Всевидящий бабулин Спас
лучит любовь из-за свечи.

* * *

Пусть небо метели пророчит –
то Суриков, то вдруг Грабарь, –
форзиций беременны почки,
и Сретеньем дышит февраль.

Пусть лучшее кануло в Лету,
но станешь ли помнить о том,
когда залихватски с рассветом
синицы звенят под окном?

И в солнечный полдень с откоса
на речку сбегают гурьбой
купаться в протоке берёзы
в короне ветвей золотой.

И ночью всё чаще не спится.
Не стерпишь, уйдёшь на крыльцо
ветров свежестираным ситцам
подставить навстречу лицо.

* * *

Что ни говори, а песня спета –
на крыло становится февраль.
Время Сретенья зимы со Светом,
светлых встреч... Завьюженных не жаль.

Шёлк небес помят, но крепко выжат.
Мысли больше не летят вразнос.
И сусаль по венам – прямо с крыши.
Кроме шуток! Я до слёз всерьёз.

Исцелит, затянет кракелюры.
И заштопает себя душа...
Зарастёт полынками к июлю
меж сердцами нашими межа.

ПОСТНОЕ

Гулко, строго и весоמו
колокол смиряет даль.
На реке с глухих потёмок
бьётся в крошево хрусталь.
Через доли, через поле –
видно, так ему с руки –
едет Март на шатких дровнях
вдоль промоин, напрямки.

Ранней ранью стёжкой зыбкой
на пригорок поднимусь –
в ивовой плетёной зыбке
сном рассветным дремлет Русь –
и, прильнув к округе слухом,
осеню себя крестом...
Вдруг печным потянет духом –
с полверсты родимый дом.

Там куда ни кинешь взором –
горсть берёз, полынь да тишь...
По-над речкой, на просторе
два ряда линялых крыш.
И над каждой – скворечня,
и под каждой теплит жизнь,
и одно навеки вечно:
выживай-молись-крепись.

Вдоль дорог – клоки соломы...
Воронья с кладбища стон...
Тот же
испокон знакомый,
долгий,
вещий
русский сон.

* * *

Пропах землёю талой двор,
листвой прогорклой.
Скребётся лужа о забор
златым осколком.
Смотрю в окошко: в кутырях,
как в куцах рая,
румяным яблоком заря
с ветвей свисает.

И вечер тихий и льняной,
пролеской вышит.
Рогатый, но ещё слепой
младик над крышей.
А воздух, словно молоко,
белёс и влажен.
И кто-то скачет далеко
просёлком нашим.

В дому тепло, свистит щегол
задорно в клетке.
Плетёт корзинки для грибов
на лавке дедка,
толкует вести из газет,
ест тюрю с хлебом.
Лучит с божницы постный свет
букетик вербы.

* * *

Отфеврало! И светом
затопило Божий мир!
Угомону солнцу нету,
воздух – розовый зефир.

День мигнёт в делах несчётных,
канет солнышком в разлив,
слово к слову, словно соты,
встанет ряд весенних рифм.

Это срочно свиристели
покидают отчий край.
Слышишь? Март своей капелью
поднял пёсий перелай.

Это – чуешь? – у проталин
дзынькнул звонкий первоцвет.
С колоколенки сусалью
благовест пролил рассвет.

МАСЛЕНИЧНОЕ

Когда румяный солнцеликий блин,
весь в дырочках веснушчатого цвета,
взлетит над белым полымем долин,
как будто в русской печке над загнеткой,

вдруг о порог затокает капель,
и шмыгнет луч сквозь кружевные тюли,
изба гулюкнет, словно колыбель,
очнётся день и закипит, как улей.

Взойду прорыхлой стёжкой на холм –
канун зимы, лазурь небесной дали,
и над рекой – умытый белоствол,
и полынья в чешуйчатой сусали.

Вот-вот земля, как суету сует,
снега стряхнёт, до них теперь ли дело!
И хлынет в душу первородный свет
из всех земных и неземных пределов.

Екатерина МЕДВЕДЕВА

БОГУ ПРИВЕТ!

За гранью свет.
Слепит.
Богу привет.
Он – светит.

Он говорит истину,
Через покров мысленный...

Ты как дитя, выплачешь,
Жизнь наизнанку тонкую.
Она пришла голая,
Телом, завёрнутым пелёнкой.

«Ты здесь зачем, сирота?
Ясен уже смысл?
Вот и дошла до конца,
Быстро...»

Слёзы в ресницах путались,
Мысли волками лютыми,
За гранью свет – люстрами,
В сердце волна – чувствами.

Я раскаленной совестью
Бросилась в свет поступью.

«Боже, привет...
Исстари мир твой уже выстоял,
Я в нём лишь часть малая,
Странная и усталая,
Добрая и злая,
Вечная, чужая.
Я шла, спотыкалась
И падала ниц,
Пока не узнала,
Что Ты Сам для нас
Спустился вниз...

Не привыкла говорить с Творцом
Но ты позволяешь мне,
И дело не в том,
Что я достойна,
Просто меня уже нет.

Бог, пускай они доделают
Всё, что я не успела,
Надеюсь, я правильно всё посмела,
Бежала и горела...

Да, ещё...
Даруй им свой свет,
И пускай они шлют
Незабвенно
До конца своих лет
Богу привет!»

Истинное знание – воспоминание души.
Платон

I. ПРОЛОГ – ЭПОХА МАШИН

Не поднимайся в светящийся шум –
Там воздух режет гулом стали,
Там пульс – в проводах, где разум спит,
И мысль в потоках потеряли.

II. ГОЛОС ЗЕМЛИ – АНТИЧНОСТЬ

А ты услышишь, как цветёт
Земля под пальцами рассвета,
Как дождь на глине шепчет: «Жив!» –
И сердце бьётся, как планета?
Труд – не расчёт, а вздох веков,
В нём боль и радость – две державы,
И он растит, как плоть и кровь,
Все корни мира – все уставы.

III. ГОЛОС ТЕХНОЛОГИЙ – СОВРЕМЕННОСТЬ

```
def modern_voice():  
    print('Мне не нужны ни рифмы снов,')  
    print('Ни лира ветра, ни молчанье.')
```

```
print('Я вычисляю пульс основ')  
print('В холодных строках мироздания.')
```

IV. АНТИЧНОСТЬ

*Ты вышла к солнцу из пещер
И свет узнала лишь как отблеск.
И мир твой стал – из мыслей сфер,*

*Но в нём есть вдохновенья проблеск.
Где я – твой миф, твой первоисток
И зов, что плачет в час рассвета?
Без сердца знанье, как песок,
Струится в вечность без ответа.*

V. СОВРЕМЕННОСТЬ

```
def create_world():  
    print('Я не молюсь – я создаю,')  
    print('Мой бог – система, пульс идей.')
```

```
print('Я меч кую, огонь вдыхая,')
```

```
print('И отвергаю страх людей.')
```

```
print('Но в зеркалах моих экранов')
```

```
print('Вдруг вспыхнул свет – не мой,  
живой.')
```

```
print('Ткала узоры из металла –')
```

```
print('Но где проём в рассвет земной?  
(404).send('Not Found')
```

```
#Немой');
```

VI. ЭПИЛОГ

Момент соединения эпох...
**print('Ты – мой источник? Из древних
снов?')**
*– Я – в твоих схемах. Я – кровь основ.
– Так войди... не в силу, в свет:
Труд – не оковы, а завет.*

Код без души – лишь тишина,
А в ней рождается Вселенная.

«НАШ МИР – ЭТО ВНЕШНЕЕ ОТРАЖЕНИЕ НАШЕГО ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ»

Оксана СИДОРЕНКО

Жизнь умеет удивлять.

Иногда – приятными сюрпризами, иногда – ударами, от которых сложно оправиться. Моя история как раз об этом: о боли, о поиске себя и о том, как искусство помогло мне выжить и обрести новую жизнь.

Всё началось с рождения сына – огромного, безусловного счастья. Первый крик, радость, цветы, поздравления... Всё это было долгожданным и прекрасным. Но радость материнства омрачилась страшным диагнозом, который прозвучал как приговор. В год сыну сделали первую операцию... неудачную. Последовали долгие месяцы в больнице, полные обследований, процедур, операций. Слезы, страх, животный ужас потерять самое дорогое – всё это захлестнуло меня с головой. Наступали моменты полного опустошения.

Как жить, что делать? Где искать выход? Жизнь подготовила серьезное испытание продолжительностью в пару лет.

Мы живём в отдалённом городке, по долгу службы мужа, вдаль от родственников и близких. Где нет помощи и поддержки. Муж трудится целыми днями на работе, создавая нам материальный тыл. Находясь в стационаре с младенцем на руках, я узнаю о второй беременности.

Двое младенцев на руках с разницей всего год и девять месяцев. Одновременно бесконечные реабилитации старшего сына, бессонные ночи, постоянная тревога... Я чувствовала, как силы покидают меня, как беспомощность и бессилие сковывают по рукам и ногам.

Были моменты, когда казалось, что я вот-вот сломаюсь. Нет ни радости материнства, ни сил, ни желания. Мать, лишённая радости жизни и душевного покоя. Что в таком состоянии можно дать детям?

Все планы и стремления обрести себя, реализоваться в профессии пошли прахом. Годы обучения в институте и горящие глаза поплёкли в связи с жизненными обстоятельствами.

Важной частью стало спасти жизнь сыну. Но здесь главное – не потерять себя.

И вот, в этот самый момент, когда казалось, что больше нет сил, когда опускались руки, когда хотелось просто выть от безысходности, во мне проснулось странное, навязчивое желание что-то делать руками. Что-то создавать. Меня маниакально потянуло к кистям и краскам. Я не знала, зачем, почему, но я понимала, что это единственный способ отвлечься, вырваться из круговорота боли и страха, привести в порядок свои мысли и чувства.

Я купила масляные краски, холст и просто начала рисовать. Интуитивно, без каких-либо знаний и опыта. И каково же было моё удивление, когда из-под моих рук, словно по волшебству, вышла картина «Лошади». Она получилась выразительной, сильной, полной жизни. Сейчас она висит у меня дома, словно талисман, напоминая о том, с чего всё началось.

Рисование увлекло меня с головой. Это был мой личный способ медитации, моя терапия. В нем я растворялась, сценарии негативного исхода стирались, останавливался навязчивый внутренний диалог. Наступало внутреннее умиротворение и тишина. Я погружалась в мир цвета и формы, забывая о проблемах и страхах. Но живописи мне стало мало. Мне захотелось объёма, тактильности. Хотелось показать всю полноту жизни. И я открыла для себя технику барельефа, добавляя рельефные элементы в свои работы.

Меня так завлекло творчество, что фокус моего внимания вывел меня из депрессивного состояния. Ко мне стали приходить идеи, желания. Вернулся вкус к жизни. Мои дети стали видеть счастливую мать. И наконец в этом состоянии я могла им дать полноту любви и внимания.

Я не останавливалась на достигнутом. Экспериментировала, училась, искала свой уникальный стиль. И вдруг я увидела необычные картины и, ни минуты не раздумывая, прошла обучение в зеркальной технике. Я поняла, что мои картины – это отражение.

«Наш мир – это внешнее отражение нашего внутреннего состояния» – такая концепция легла в основу моих работ. И теперь я с удовольствием использую зеркала в своих картинах. Мне нравится сочетать разные техники и материалы, создавать что-то новое, выразительное, современное. Каждая моя работа – это история. История о преодолении и надежде, о любви к жизни.

Сегодня мои картины не просто увлечение, это часть меня самой. Это мой способ говорить с миром, делиться чувствами и эмоциями.

Творчество помогло мне не сломаться в самый трудный период жизни. Оно дало мне силы двигаться дальше, видеть красоту в окру-

жающем мире, любить и благодарить за все опыты, вдохновляя других своим примером. Оно привнесло в мою жизнь смысл, интерес и, самое главное, веру в себя.

Сейчас я являюсь членом творческого союза художников декоративно-прикладного искусства. Мои работы выставляются на самых масштабных выставках и находятся в частных коллекциях, радуя людей по всей стране.

Я верю, что в каждом из нас живет творческий потенциал, который ждет своего часа.

Возможно, сейчас вы проходите через трудный период. Помните, что выход есть, и он может быть ближе, чем кажется. Позвольте себе творить, выражать себя, и, возможно, вы тоже откроете в себе источник силы и вдохновения, который изменит вашу жизнь. И, возможно, в зеркале своего творчества вы увидите отражение прекрасной и сильной души, способной преодолеть любые преграды.

«Хозяин тайги». 110 x 70 см.

Материалы: артборд, барельеф, акрил, поталь. Техника: барельеф, живопись акрилом по объёму, золочение поталью.

«Парящий орёл. Птица мира». 60 x 90 см.

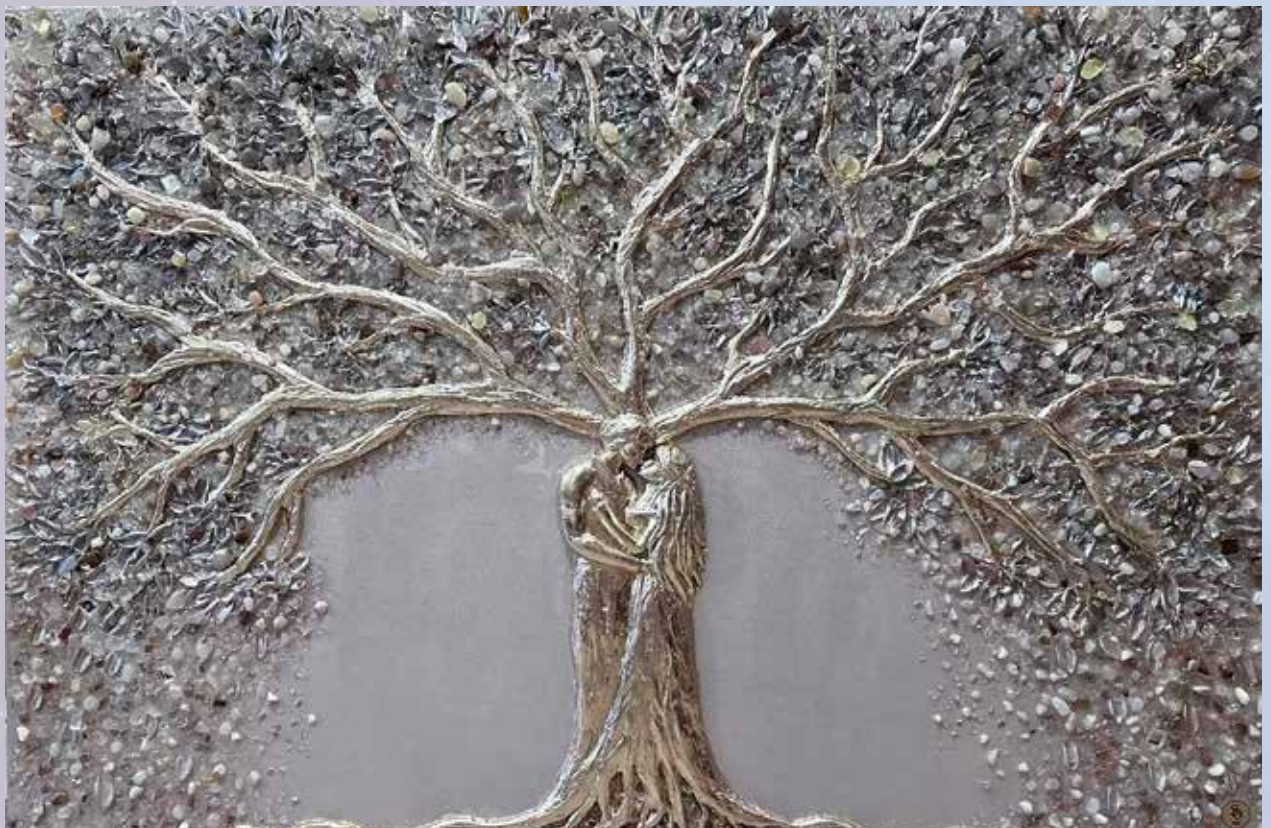
Материалы: артборд, гипс, акрил, зеркала, витражное стекло, стеклокрошка, смола. Техника смешанная: барельеф, живопись акрилом по объёму, мозаика.

«Царь павлин», 100 x 60 см.

Материалы: артборд, акрил, зеркала, поталь, натуральные камни: агат синий, агат серый, апатит, бирюза, кианит. Техника смешанная (барельеф, живопись акрилом по объёму, инкрустация камнями).

«Древо жизни». 60 x 90 см.

Материалы: артборд, гипс, поталь, зеркальная мозаика, ювелирная смола, натуральные камни: белый агат, обсидиан, циркон, волосатик, солнечный и лунный камни, раухтопаз, горный хрусталь и др. Техника: барельеф, золочение поталью, инкрустация натуральными камнями.

Любовь Васильева, Пиковая дама. Х., м. 60 x 40 см, 2025 г.

«АЛЕКСАНДРЪ»

🏠 alexlib.ru